

Январь № 1(7) 1991 г. 1 руб.

СТОЛИЦА

Иллюстрированный еженедельник

ISSN 0868-698X

«С ДРУЖЕСКИМ ПРИВЕТОМ!»

Голодная Москва

Памятный знак «Участнику блокады» вручали исключительно жителям города на Неве. Вероятно, в ближайшем будущем аналогичную награду Родины смогут получать истощенные обитатели столицы.

Разница в том, что в 41-м на «паяк смертника» Ленинград посадили враги, которые сейчас массивно шлют туда тонны еды. А Москва очутилась на осадном положении во многом благодаря стараниям наших соотечественников. стр. 32-33

Академик ВАСХНИЛ, заведующий кафедрой экономики сельского хозяйства Московского университета, Алексей Михайлович Емельянов родился в 1935 году в Смоленской области. В настоящее время народный депутат СССР А. М. Емельянов — заместитель председателя Комитета по аграрным вопросам и продовольствию Верховного Совета СССР.

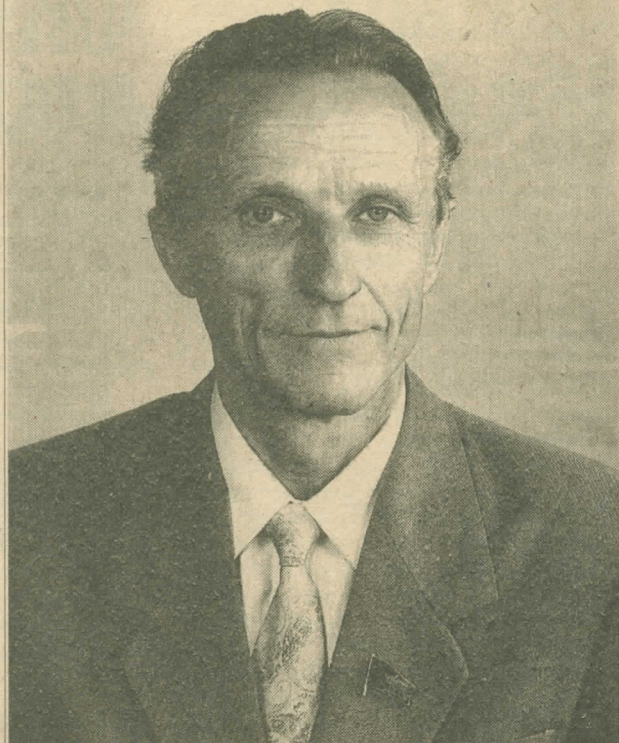

фото ТАСС

Алексей ЕМЕЛЬЯНОВ:

ЕСЛИ НЕ ВЗОРВУТСЯ ГОРОДА...

Принятый российским парламентом закон о земле — это огромный прорыв и в законодательной, и в практической сфере землепользования, вообще — в крестьянской жизни. По сравнению с союзными Основами земельного законодательства этот закон на порядок выше. Безусловно, это заслуга российского парламента, который по природе своей более демократичен и более радикален. Но это и отражение динамизма времени: после принятия союзного закона прошло достаточно много времени, а сейчас каждый месяц вносит серьезные поправки не только в законотворческую деятельность, но и в наше обыденное самосознание, которое, как известно, консервативнее самого законотворчества.

Закон о земле стал сегодня последней надеждой восстановить сельское хозяйство, последней надеждой накормить страну собственными силами. Несмотря на все острейшие дебаты, на сопротивление традиционалистов, большинство из которых цепляется за свое право вершить судьбами деревни и страны, этот закон был обречен на принятие. Я в этом убежден. Ибо чаша народного терпения не беспредельна. Может быть, и сегодня задавленная и погубленная деревня еще способна тер-

петь. Но взорваться могут города...

Нынешняя ситуация с продовольствием — это бумеранг, посланный нам из первых послереволюционных лет. Наша родная партия, которая довела страну до развала, все эти годы ориентировалась в своей идеологии и практике на психологию люмпена, последнего по старым российским понятиям человека. Люмпен в принципе не может быть хозяином. Еще при Ленине эти люди, отвергаемые и сельским сходом, и церковью, получили в деревне власть, создавали свои комбеды и начали определять жизнь деревни. И настоящий крестьянин сразу понял, какая пришла власть: он же этих люмпенов за людей не считал — не по имущественному, кстати, состоянию, а по желанию и умению работать, по добропорядочному отношению к хозяйству, к скотине, к себе подобным. И это понимание, кому доверили в стране власть, полностью дискредитировало тех, кто это сделал.

Ленин для многих на селе был фигурой мифической. Бог — хороший или плохой — это другой вопрос. Многие считали, что его искажают, что все неестественности в деревне происходят от плохих исполнителей его воли. Но эти люди заблуждались. Их неосведомленность и политэкономическая неграмот-

ность не позволяли сделать обобщающих заключений. И в этом они, конечно, не виноваты.

Но эти люди видели, что если раньше сход выдвигал во главу свою тех, у кого было лучшее хозяйство, кто явно лучше других работал, кто мог дать лучший совет односельчанам — когда сеять, когда жать, то теперь пришли и насадили во главу схода люмпенов. А психология люмпена как раз обратная: кто был ничем, тот станет всем. Люмпен не терпит того, кто выше его — по уму, по трудолюбию, по успехам, даже по нравственности. Кстати, и руководители нашей страны всегда исповедовали идеологию люмпенов: не терпеть рядом того, кто выше их по объективным качествам. Окружение всегда подбиралось такое, чтобы на фоне его выглядеть выше. Да и сегодня, если говорить правду, мы недалеко ушли. И хотя сам Ленин был, безусловно, личностью и соратников подбирал себе не самых глупых, нельзя сказать, чтобы он не понимал до конца, к чему может привести политика уничтожения хозяина в деревне.

Ведь если вернуться к истокам, то увидим, что, кроме чисто практической деятельности по уничтожению деревни, под это была подведена теоретическая

СТОЛИЦА

январь, №1, 1991

Москва, 101425, ГСП, К-51,

Петровка, 22

Телефон: 928-23-49

Телекс: 411700 MALPEK

Телефакс: 2002216 MALPEK

2002217 MALPEK

Общественно-политический
иллюстрированный
еженедельник Моссовета

Главный редактор
Андрей МАЛЬГИН

Редакционная коллегия:

Вячеслав БАСКОВ

Юрий БЫЧКОВ

Владимир ВОЙНОВИЧ

Валерий ВЫЖУТОВИЧ

Илья ЗАСЛАВСКИЙ

Марк ЗАХАРОВ

Валерий КИЧИН

(зам. главного редактора)

Александр МИНКИН

Аркадий МУРАШЕВ

Олег ОРЛОВ

Владимир ПЕТРОВ

(ответственный секретарь)

Александр ПОЛЯКОВ

Анатолий РУБИНОВ

Сергей СТАНКЕВИЧ

Галина СТАРОВОЙТОВА

Владислав СТАРЧЕВСКИЙ

(зам. главного редактора)

Татьяна ТОЛСТАЯ

Владимир ЦВЕТОВ

Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ

(зам. главного редактора)

Владислав ЯНКУЛИН

Заведующий отделом оформления
Виктор РЕЗНИКОВ

Генеральный директор
Михаил ПЕКЕЛИС

Мнения авторов не всегда совпадают с
точкой зрения редакции.

Рукописи не рецензируются и
не возвращаются.

При перепечатке ссылка на «Столицу»
обязательна.

Редакция в переписку не вступает.
С предложениями о рекламе звоните по
телефону: 928-83-40

Номер набран в типографии издательства
«Известия».

На обложке фото И. Рогачевского.

Номер подписан в печать 19.12.90.

Тираж 300 000. Цена 1 р.

© «Столица», 1991

Отпечатано на ордена Трудового
Красного Знамени Чеховском
полиграфическом комбинате
Государственного комитета СССР по печати
142300, г. Чехов Московской области Зак. 2507

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

АКЦЕНТ

- 1 Если не взорвутся города...
(А. Емельянов)

СТРАНИЦА РЕДАКТОРА

- 5 Да не погаснет надежда...
(А. Мальгин)

НИ ШАГУ ВПЕРЕД

- 12 Свободной экономической зоне тре-
буется сталкер
(А. Чижевский)

ГОРОД

- 14 Оправдание Москвы
(Д. Шушарин)
16 Ах, ломбард, мой ломбард...
(В. Коваль)

ПОДОПЛЕКА

- 18 Что делает наша армия в Нагорном
Карабахе?
(А. Мальгин)

ВЕСЫ

- 22 Даешь референдум! А зачем?
(С. Славич)

СПЕЦХРАН

- 24 КГБ сегодня защищает конституци-
онный строй... и уничтожает архивы
(А. Кичихин)

ДЕЛОВЫЕ ЛЮДИ

- 28 Советский миллионер: патриот или
мафиози? (А. Костенец)

ЗОНА

- 30 Как один генерал покупал депутата
за бутылку водки (М. Маслов)
34 Таланты и поклонники
(М. Львов)

СИМВОЛЫ

- 36 В наших жилах — кровь, а не води-
ца (М. Поздняев)

ВЕРСИЯ

- 40 Был ли Ленин агентом германского
генштаба? (А. Арутюнов)
44 Дневник И.

ЖИЗНЬ

- 46 Звездный час Александра Невзоро-
ва (К. Елгешин)

МИСТИКА

- 48 Шабаш состоится при любой погоде
(Е. Салина)

КАЗЕННЫЙ ДОМ

- 50 Скандал в благородном фонде
(Г. Мильникова)

ВЫЗОВ

- 53 Департамент писателей: последний
бастион ГУЛага (В. Лазарев)

АРТ-САЛОН

- 62 История маленького человека, рас-
сказанная им самим (Г. Елышевская)
63 Н. Макаров. Воспоминания о
прожитых моих годах.
Война.

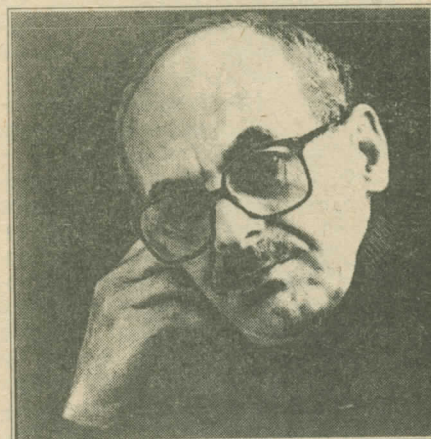

А. Авторханов

6 Рой Медведев и его
роль в советском
диссидентстве

10 Специальная комис-
сия, образованная
Президентом для
расследования при-
чин гибели военнос-
лужащих в мирное
время, создана для
отвода глаз.

56 Булат Окуджава.
«Спи, картошина...»

база! И когда говорят — *исказили Ленина, если бы шли по пути, начертанному Лениным*, — я предлагаю взять и внимательно прочесть все, к чему он призывал. Года три назад я перечитал всего Ленина и понял, что слишком многое мы принимали на веру. Да и сейчас шоры еще до конца не сняты.

Возьмем несколько ленинских лозунгов, которые у нас всегда не только воспевались как образец политической мудрости, но которые стали просто хрестоматийными. Например, такой: превратить империалистическую войну в гражданскую. С этим лозунгом он шел к революции. Он призывал к братанию в окопах с немцами и в то же время устремлял оружие русского человека на брата, на соседа, на такого же, как он, солдата. А армия, как известно, в крестьянской стране состояла почти сплошь из крестьян. Он, по существу, дал теоретическую базу под гражданскую войну, под оправдание всех ее бесчинств и жестокостей. Это была одна из первых установок, направленных на уничтожение крестьянства.

Еще одно теоретическое положение Ленина о двух душах крестьянства, которое встречается, в частности, в его работе «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата». Две души у крестьянина такие — одна душа труженика, другая — собственника. Душу труженика мы привлекаем и пестуем, а душу собственника душим, ибо она тянет к капитализму. И душили, и превращали в того самого люмпена, который ничего не хочет, ничего не имеет, ничего не умеет и не желает — ни иметь, ни уметь.

А вообще — что значит превращать в труженика, который не может быть собственником? Значит, он перестает быть хозяином. Мы твердили, что все мы стали хозяевами своей страны, но ведь хозяином может быть только собственник. И только в этом случае он будет работать и на себя, и на общество. Уничтожая, по Ленину, душу собственника, мы уничтожили хозяина, уничтожили крестьянина. Мы физически уничтожали тех, кто не мог не быть хозяином, в ком это составляло нутро, созданное укладом многих поколений.

Сюда же можно добавить еще одно ленинское положение — о мелкобуржуазности крестьянина, а следовательно, о недопущении его в новую жизнь. Короче, уничтожение крестьянства как класса было заложено во все ленинское учение. Горькая судьба русского крестьянина — это и есть воплощение ленинской политики, ленинских идей. К сожалению, очевидным для многих это стало сегодня, когда крестьянство не только уничтожено, уничтожена даже его корневая система. И восстанавливать это теперь надо в лучшем случае десятилетия — последовательно, акку-

ратно, не давая повода усомниться, что мы действительно все поняли и стремимся восстановить порушенное.

И так, за эти годы мы вытравили крестьянское начало в деревне на генетическом уровне. И теперь все наше крестьянство в подавляющем большинстве своим стоит на идеологии люмпенов. И как только кто-то поднимался над этой идеологией, выделялся по своим качествам и умению, так он сразу отторгался, навлекал на себя гнев «народа». И посадить могли, как это было с Худенко, и еще проще. — красного петуха пустить на зажиточный двор.

Поэтому сегодня стоит непростая и небystрая задача — переделывать гены современного крестьянства. Задача непростая, но не безнадежная. Этому будет способствовать и сама структура крестьянского двора, и те создаваемые сегодня экономические механизмы, которые будут работать на землю, на восстановление психологии крестьянина. Эти механизмы должны переориентировать деревню на других людей, которые частично выйдут из ее же среды, частично вернутся из города. Психология должна ломаться изнутри: люди сами должны прояснить свои сомнения по отношению к ближнему, свои преубеждения и домыслы. Должна измениться психология не только рядовых жителей деревни, но и председателей колхозов и директоров совхозов — от них сегодня зависит микроклимат деревни. Здесь надо увязать все моменты — и психологические, и экономические, и политические, и юридические, увязать в одном — переориентации села на крепкого и умелого хозяина.

Само по себе навечно наследуемое владение землей юридически много глубже, чем право на землепользование, заложенное в праве на аренду, пользование, владение, распоряжение. Все это довольно обтекаемые формулировки, не раскрывающие суть исконного права труженика на ту землю, которую он обрабатывает в поте лица своего. Поэтому наследуемое навечно владение землей, если это понимать правильно, дает большие возможности. Но эти различия в определениях не бесспорны даже для профессионалов — аграрников, юристов и экономистов.

А теперь давайте перейдем к уровню сознания обычного крестьянина. Крестьяне и сельские жители давно, как и весь народ, разуверились во всем. Нет веры и в новые веяния в нашей аграрной политике. Это отсутствие веры существует независимо от сопротивления новому, неординарному в хозяйственной жизни деревни. Речь идет, конечно, о сопротивлении руководителей всех уровней. Но даже если бы этого сопро-

тивления не было, веры все равно не прибавилось бы. Мало ли что сейчас говорят об эффективности, придет новый лидер — в результате переворота или другим путем, — и все вернется на круги своя, как это не раз было на нашей многострадальной Руси. И начнется другая, увы, более понятная политика, начнут раскулачивать — так думают многие крестьяне сегодня. Нужна такая земельная политика, которая в первую очередь обеспечила бы большую веру. А такая политика должна быть понятна всем. И формулироваться она может, пожалуй, только в одном — в понятии собственности на землю.

Каждому ясно, что такое собственность — личный автомобиль, личный дом. Это — без особых катаклизмов в обществе — отнять вроде бы никто не может. Поэтому понятие собственности там, где его не только не было, но и где на него было наложено своеобразное табу, это подлинный прорыв в сознание людей.

Вернемся к дискуссии в российском парламенте. Основной спор шел вокруг именно собственности на землю. При чем спор этот шел не от существа дела, а от тех идеологических шор, которые, точно плотные портьеры, закрывали глаза многим поколениям. Не какое-то пользование и владение, а именно собственность на землю даст крестьянину необходимый стимул трудиться на ней производительнее настолько, насколько он в состоянии это делать. Практически речь идет о собственности крестьянского двора, которого без земли просто не существует. Думаю, что если бы именно так было сформулировано понятие собственности на землю, распрей, возможно, было бы меньше.

А так руководители всех рангов бросились на закон, напирая на то, что частная собственность — это распродажа главного народного достояния. Вот теперь теньевые дельцы раскупают Крым, раскупают Кубань, раскупают все лучшие земли, и что же нам всем тогда остается?!

Вторая линия противодействия исходила из жупела эксплуатации. Но кто как не государство эксплуатировало всех нас все эти годы? Увы, идеология у нас все еще довлеет над сутью вопроса.

Что вытекает из частной собственности на землю? Конечно, возможность свободно ею распоряжаться: пускать ее в оборот, продавать, дарить и т. д. Это, конечно, все связано, но совсем не так, чтобы одно вытекало из другого. Даже в странах, где частная собственность на землю существует испокон веков и никогда не подвергалась сомнению, даже там государство внимательно следит за вопросами распоряжения землей. Поскольку земля везде понимается и расценивается как национальное бо-

гатство. Вообще не надо думать, что капитализм — это абсолютно нерегулируемое хозяйство: основные вопросы там регулируются значительно лучше, чем у нас. Основные принципиальные вопросы такого рода должны решаться на национальном уровне.

Частная собственность вовсе не означает свободную продажу. Процедура может быть вполне регулируемая. И здесь может быть более мягкий вариант продажи, предложенный в статье 4 принятого Закона: продажа земли может состояться не раньше, чем через 10 лет, и не вообще какому-то лицу, а местным органам власти. Они будут контролировать эту продажу. Впрочем, даже такой более гибкий вариант через несколько месяцев может стать еще более раскованным, и тогда снимутся и эти ограничения. Да и мало ли еще к чему мы придем, если, конечно, не дай бог, не случится какого-то катаклизма.

В условиях существующей напряженности надо считаться с реальностью. Все или ничего — далеко не лучшая постановка вопроса в том, что касается жизни сотен миллионов. Принятие закона — это победа безусловная.

Принятие Закона создало еще один, пока только юридический, конфликт между российским и общественным земельными законодательствами. Союзное законодательство допускает только владение землей — без продажи и частной собственности. Россия же все это в Закон записала. Да и другие республики тоже. Поэтому задача союзного руководства сегодня — хотя бы плестись в хвосте республиканских решений, но ни в коем случае не противодействовать идущим переменам.

Союзному руководству сейчас надо проанализировать печальный опыт партии, которая все 70 лет утверждала, что она является авангардом общества. Если бы она была его арьергардом, плелась в хвосте событий и не противодействовала естественному развитию, это было бы полбеды и мы бы имели, в самом худшем случае, половину сегодняшних проблем. Находясь в авангарде, вернее стремясь это делать, партия все время мешала обществу двигаться вперед. И теперь наш главный лидер лучше бы промолчал по поводу последних решений республик по вопросу о частной собственности на землю. Ведь у него есть печальный опыт отказа от своих слов и утверждений и по поводу 6-й статьи, и по поводу многопартийности. А то потом отступать опять будет трудно. Здесь у союзного руководства не должно быть никаких амбиций, оно должно идти по пути последовательных согласований с мнением республик. И я думаю, что первые шаги, как принято говорить, к консенсусу в этом вопросе должен сделать Центр, в данном случае — Президент.

История всей нашей страны, несмотря на утверждение о сближении города и деревни, была войной города и деревни. Деревня — в ее лучшем смысле: уклада, крестьян, стабильности и надежности — была уничтожена. А в отместку она дала в города своих наилучших зачастую представителей, которые стали здесь философами и идеологами в первом поколении, которые и определяли весь культурный уровень нашего развития.

Руководители нашего государства на заре его возникновения утверждали, что надо уничтожить крестьянина-собственника, который, как монополист на продовольствие, задушит голодом города. А сегодня мы наблюдаем, что города как раз и готовы взорваться из-за удушения их голодом, хотя душат скорее всего не деревни, а те из горожан, которые вышли из деревенских люмпенов. И такое завершение круга событий стало своеобразной мистической метью деревни городу.

Мы разрушили не деревню — страну! Россия на 82 процента состояла из сельского населения. Разрушение страны произошло через уничтожение крестьянства. Сам по себе процесс урбанизации естествен, и его не миновала ни одна из развитых стран в XX веке. Но мы это делали искусственно — силой. И в подавляющем большинстве в город ушли не люмпены — через боль, через крик души уходили лучшие люди.

Сейчас мы сделали людей в деревне такими, что им ничего не стоит бросить родимые места и уехать — мыкаться по общежитиям или промышлять доходным делом по кооперативам. Когда я ехал в университет учиться, для меня это было очень трудным решением. И город я воспринимал очень тяжело, и меня город не очень-то воспринял. И очень долго жил я мыслями о деревне, о возвращении на каникулы в родные места. Мне трудно было расстаться именно с деревенским укладом жизни.

Что же произошло за эти десятилетия? Жить в городе, несмотря на все трудности, все-таки лучше. С позиций люмпена, даже сегодня: пришел с работы, делать ничего не надо. За водой — не ходить, корову — не доить, сено — не ворошить и т. д. Это сейчас в Москве становится невыносимо, так что того и гляди — в деревню назад побегут. Чем была богата раньше деревня? Своими стариками. Грамотенки у них мало, но нутряное знание жизни — огромное! Они наговорят столько всего, что по объему информации ни один академик столько советов дельных не даст. А сейчас — кто в деревне? Самые главные начальники по уровню вряд ли до тех стариков дотягивают. Плюс пьянство и вообще полная деградация. И не надо строить иллюзий — люмпена не переделаешь. Скорее кто-

то из когда-то уехавших в город вернется, если жизнь и социальные условия реально изменятся.

А люмпен в большинстве своем изменится вряд ли. Он привык жить как придется, как захочется. Спит, сколько надо. Ни за что не отвечает. Ворует — воровать сейчас можно без великого риска. Но пойти на подлинно крестьянское хозяйство — надо иметь душу подлинного хозяина. А ее у него, у люмпена, нет.

Большевики пугали рабочих тем, что мужик-миroeд удушит революцию. Тогда-то и возникли продотряды, которые изымали все и вся. Вся большевистская политика тех лет состояла в том, чтобы город, рабочие, победил деревню, крестьян. Деревню поставили на колени. Она жила на них долгие годы. Но сегодня деревня — умышленно или спровоцировано — может поставить на колени города.

Правда, если посмотреть производимое сегодня продовольствие, то обнаружим, что голода явно не должно быть. Значит, весь дефицит создается на промежуточных ступенях. Деревня сегодня может только косвенно влиять на поставки продовольствия, когда не получает самого необходимого для своей жизнедеятельности. Скажем, того же горючего для вывозки продовольствия или запчастей к автотранспорту. Крестьянину очень сложно не отдать продукцию, которая лично ему в хозяйстве не нужна. Ну, скажем, как не отдать молоко? Только если в землю слить. Но до этого, надеюсь, дело не дойдет. Самому производителю это не надо.

Почему никто не скажет, сколько сейчас теряется продукции? Михаил Сергеевич бравировал цифрами урожая, а сколько зерна мокрого погибло — никто не говорит. И никто активно не шевелится, чтобы сохранить то, что еще можно спасти.

Сейчас все, начиная с Президента, говорят, что дожить надо до апреля. Это крестьянская мера, условная что ли. Хороший крестьянин всегда что-то имеет про запас. Я, например, воспитанный на крестьянской привычке, всегда от стипендии оставлял что-то на следующий месяц. А со мной рядом жили ребята, которые прожрут все за неделю, а потом ходят, перебиваются на подачки. А я был воспитан на крестьянском расходе. Так и в деревне было принято, у нерадивых: к марту прожрут все, а в апреле и коров поднимают на помочах — тащат на травку, скотина сама себя прокормит. Вот так в народе и сложилась идея, что только бы до травки дожить, а там ничего, выдюжим. На практике оно примерно так и выглядело: если дотягивают до апреля, то уже можно дожидаться нового урожая.

Если не взорвутся города...

Да не погаснет надежда...

У вас в руках первый номер журнала «Столица» за 1991 год. Мы существуем уже полгода, выпустили шесть номеров, а теперь переходим к регулярному еженедельному выпуску «Столицы».

Непростыми были для нашего журнала эти шесть месяцев. Он оказался слишком радикальным для «Московской правды», начавшей наш выпуск, и это издательство МГК КПСС сначала бойкотировало производство первого номера «Столицы», а затем и вовсе отказалось нас печатать. Мы обошли все московские типографии и обнаружили, что крупные типографские мощности, способные выпускать еженедельник, находятся в руках у партии, а все непартийные типографии слишком слабы, оборудованы устаревшей, дышащей на ладан техникой. Парадокс: еженедельник Моссовета не мог печататься в Москве.

Второй номер мы выпустили в Чернигове. Завезли туда бумагу для последующих номеров, но тут директору черниговской типографии позвонили из Киева, из ЦК Компартии Украины, и запретили печатать «Столицу». Нечто подобное произошло в Одессе, но там запрет исходил уже от командования Одесского военного округа. Нижний Новгород, Ростов-на-Дону, Чехов — вот география наших дальнейших мытарств. А если к этому добавить, что наших сотрудников избивали, что по пути терялись вагоны с предназначенной нам бумагой, что московская «Союзпечать» пыталась вдруг списать свежий тираж «Столицы»... вам станет ясно, почему мы не сумели наладить регулярный выпуск журнала в прошлом году.

К сегодняшнему дню еще не все проблемы решены. Но у нас уже появились подписчики, которые заплатили за журнал деньги вперед и вправе рассчитывать, что он будет поступать к ним регулярно. Мы твердо намерены выполнить свои обязательства, выпустить в этом году все 52 номера журнала. И это несмотря на то, что полиграфия в стране продолжает оставаться в ру-

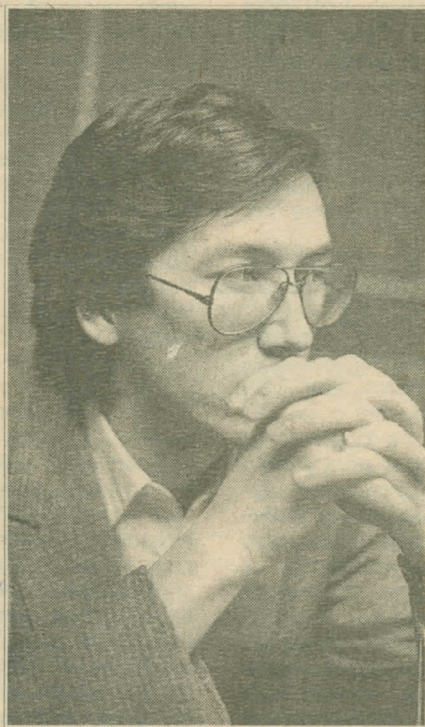

Фото Э. Кудрявицкого

ках у скомпрометировавшей себя партии, что Моссовет по сути лишен реальной власти в городе, что все еще сильна и вездесуща тайная политическая полиция, которая с первого дня существования «Столицы» уделяла ей особенно пристальное внимание. Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы подготовленные нашим коллективом номера еженедельника вовремя вышли в свет. Если же перебои произойдут, мы сообщим читателям о том, кто несет за это ответственность.

О чем вы сможете прочесть в «Столице» в этом году? Главная наша тема — политическое состояние общества. Вы встретитесь на наших страницах с положительными и отрицательными героями дня. Мы будем подробно рассказывать о той

роли, которую продолжает играть в стране коммунистическая партия, о всех ее попытках дестабилизировать ситуацию, отбросить общество назад, защитить правящий класс номенклатурщиков и бюрократов. Еще один наш постоянный «антигерой» — Комитет государственной безопасности: мы продолжим публикацию серии материалов об этом, все еще наводящем ужас, ведомстве. Материалы нашего экономического раздела не только покажут существующее положение вещей (для этого необязательно читать журнал, достаточно заглянуть в ближайший магазин), но и наметят пути выхода из того кризиса, в который мы попали. Мы продолжим публикацию исторических материалов, особенно нас будет интересовать фигура В. И. Ленина, одного из самых крупных авантюристов в мировой истории, сумевшего свергнуть огромную страну в пучину бед и страданий. Документы, свидетельства очевидцев позволят вам яснее представить «этапы большого пути» к несвободе и нищете.

В то же время мы боимся «загрязнить» наш журнал. Мы хотим, чтобы в нем появлялись публикации, как говорится, «для души». Мы будем печатать литературные произведения, сообщения о новинках искусства, новости городской жизни, даже настоящую светскую хронику. И хотя отдельного юмористического раздела в еженедельнике не будет, вам не раз придется улыбнуться, читая тот или иной наш материал.

Короче, мы надеемся, что наш журнал будет действительно демократическим еженедельником, выражающим интересы широких масс и борющимся за эти интересы.

В заключение же нам хочется поздравить всех вас с наступившим 1991 годом. Это будет трудный год, но пусть он принесет вам хоть немного радости. И да не погаснет надежда на то, что и у нас в стране начнется, наконец, нормальная цивилизованная жизнь.

Рой МЕДВЕДЕВ и его В СОВЕТСКОМ

А. АВТОРХАНОВ

За несколько месяцев до отмены цензуры в СССР ко мне обратился с рядом письменных вопросов известный московский журналист Феликс Медведев. Был и такой вопрос: «Ваше отношение к Рою Медведеву?» Поскольку я принципиально не давал интервью советской подцензурной печати, то я отложил вопросы Ф. Медведева до «лучших времен».

«Лучшие времена» наступили, когда мой старый «знакомый» Рой Медведев нашел нужным рассказать о своем собственном отношении ко мне, причем прямо с трибуны октябрьского (1990 г.) Пленума ЦК КПСС.

Медведев повторил слово в слово все, что писали о моей персоне и о моих книгах литературные кагебисты на протяжении всей эпохи Брежнева-Андропова.

«Философия» Роя Медведева не сложна: Авторханов такой отчаянный фашистский негодяй, что не смеет писать книги даже о таких «годях», как Сталин и Берия, ибо все, что Авторханов пишет о них, — «выдумки и ложь». Он так и заявил на пленуме: в книгах Авторханова «содержится немалое количество простых выдумок, прямой лжи». Годом раньше в эмигрантском журнале «Страна и мир», любезно представившем своим читателям Медведева как «советского историка», который «долгое время находилась в опале», он утверждал, что «Технология власти» и «Загадка смерти Сталина» полны фантазий и выдумок. Особенно досталось «Загадке»: «Выдуманно все от начала до конца...» Такие же оценки моим книгам Медведев дает в советской печати, в частности в журнале «Юность». Несмотря на все категорические предупреждения такого «исторического авторитета», как Медведев, советские журналы по собственной инициативе начали меня печатать («Новый мир», «Огонек», «Октябрь», «Слово»). Примирившись с изданием в СССР даже Троцкого с Деникиным, КГБ почему-то решил предупредить любой ценой издание моих «выдумок» о его духовных отцах — о Сталине и Берия, для чего и предложил своему давнишнему литературному сотруднику Р. Медведеву еще раз разоблачить «изменника родины», «гитлеровца» и «лжеца» с трибуны Пленума ЦК. Правда, Р. Медведев оговорился, что он не против того, чтобы меня печатали, но только при одном условии: к каждому моему произведению надо предпослать справку, в которой сообщить читателю, что автор данного произведения фашист в политике и фальсификатор в исторической науке.

Выполняя задание КГБ, Медведев сводит со мною и свои старые личные счеы. Дело в том, что я оказался первым человеком на Западе, который еще в семидесятых годах угадал в нем лжедиссидента и доносчика в КГБ на действительных диссидентов. Об этом я писал еще в предисловии ко второму изданию «Технологии власти» (1976 г.), а также в статье «Р. Медведев: клеветник или провокатор?» (газета «Русская мысль, 14.12.78): «Враг номер один у КГБ сейчас — это правозащитное движение. Поэтому нет

таких подлостей, на которые не способен КГБ, чтобы взорвать изнутри это движение путем засылки туда своих провокаторов». К ним я относил братьев Медведевых, добавив: «Нельзя дать вводить себя в заблуждение и всякими там трюками чекистской мистификации вроде исключения из партии Роя Медведева или лишения гражданства СССР Жореса Медведева. Все это может оказаться липой». Для такого вывода не требовалось какого-либо пророческого дара — достаточно было читать «критику режима» одного брата в СССР и следить за «диссидентскими» действиями другого брата на Западе. Между ними существовало и идеальное распределение труда: московский брат пописывал, а заграничный брат распространял. Когда Андропов пришел к власти, Жорес Медведев при помощи московского близнеца и сам выпустил в срочном порядке и с завидной оперативностью на многих западных языках книгу «Андропов», полную бесстыжей апологии личности душителя диссидентского движения. Основной тезис книги гласил: Андропов — выдающийся интеллекуал, реформатор и большой либерал. Что же касается репрессий против диссидентского движения, то их совершали отдельные чиновники из аппарата КГБ без ведома Андропова!

Большим либералом и любимцем советского народа был в глазах Медведевых и предшественник Андропова — сам Брежнев. В конце семидесятых годов ярый поклонник Медведева, бывший итальянский корреспондент в Москве Пьеро Отстеллино выпустил отдельной книгой (200 страниц) «Интервью с Роем Медведевым». Вот основные тезисы «бесстрашного диссидента»: 1) «Подавляющее большинство советского народа явно и открыто одобряет действия советского правительства»; 2) «Если бы в союзных республиках был проведен свободный референдум, то большинство населения высказалось бы за то, чтобы остаться в составе СССР»; 3) «В настоящее время в СССР всего лишь несколько десятков диссидентов»; 4) «Солженицын предлагает установить в нашей стране теократическое авторитарное правление»; 5) «У Сахарова нет никакой положительной программы, его борьба за права человека обречена на провал»; 6) «Советское общество, несмотря ни на что, развивается. Развитие идет как в области научной, так и в области культуры вообще»; 7) «У нас сейчас одна из лучших литератур в мире»; 8) «Даже в области политической прогресс гораздо больше, чем кажется на первый взгляд»; 9) «Новая Конституция СССР представляет собою шаг вперед»; 10) «Руководящая роль КПСС в советском обществе без сомнения находит поддержку подавляющего большинства населения».

Анализируя эти тезисы 12 лет назад в названной статье в «Русской мысли», я обвинил Медведева в плагиате — всю эту свою философию он списал у Брежнева из его «эпопеи» «Ленинским курсом». Но я подчеркнул: «В диссидентах Медведева держит тот

роль ДИССИДЕНТСТВЕ

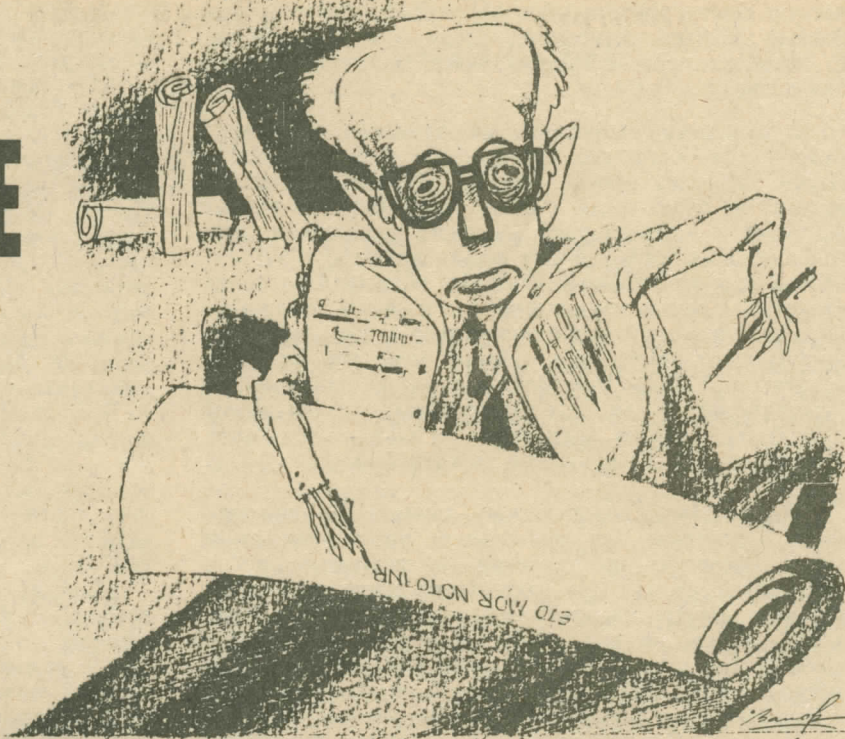

Рис. К. Валова

же Брежнев, потому что если он его назначит секретарем ЦК, то на Западе никто не будет его читать, как не читают и шеститомника Брежнева...»

Если бы Медведев ограничился проповедью «застойной философии» Брежнева (это право «допотопного коммуниста», как окрестил его Солженицын), беды в этом не было бы, но он одновременно служил в 70-е годы и Андропову; донося на действительных диссидентов. Свои доносы на диссидентов он, впрочем, опускал не в почтовый ящик КГБ, а в самиздат.

О двух случаях его доносов известно документально: на Петра Григоренко и на Александра Гинзбурга. В 1969 г. Медведев выступил в самиздате с заявлением, где сообщалось, что А. Авторханов написал антисоветскую книгу «Технология власти», которая «несомненно входит в список работ, запрещенных к распространению на территории СССР. Большую рекламу этой книге проводит группа П. Григоренко и П. Литвинова. В одном из своих писем П. Г. Григоренко называл работу А. Авторханова классическим трудом истории сталинизма. Вскоре Григоренко был арестован. Об этом доносе Григоренко узнал только в тюрьме. Вот его рассказ: «Когда я находился в Черняховской спецбольнице, в самиздат было запущено очередное словонизвержение Р. Медведева... В этом обычном для Медведева толстом, многословном (и пустословном) опусе были, между прочим, и строки, посвященные мне. У Григоренко путаные полуанархические взгляды. Он и его группа распространяют антисоветский труд Авторханова «Технология власти». Это был донос. Иначе не назовешь. Когда мне запись этих строк показал в Черняховске врач-психиатр, я ему не поверил. Счел за КГБистскую провокацию, так как это было почти дословным рассказом части инкриминирующихся мне «преступлений». Когда же я, выйдя на свободу, убедился, что так и было написано, я понял, что за «диссидента» мы имеем в лице Р. Медведева. Стало понятно также, почему

этот «соратник» за более чем пять лет моего заключения не только ни разу не зашел, но и не позвонил моей жене. В общем, он вполне подошел по моральному облику к коммунистам брежневского типа» (журнал «Континент», № 17, с. 408).

Донос Медведева на Александра Гинзбурга, распределителя солженицынского Фонда в помощь политзаключенным, как и донос на всю группу «Хельсинки», тоже был сделан не прямо в КГБ, а через самиздат. Вот сообщение на этот счет иностранных агентств из Москвы в изложении газеты «Русская мысль» от 26 октября 1978 г.: «В Москве в ходе одной из пресс-конференций для иностранных журналистов представители Московской группы «Хельсинки» обвинили в клевете диссидента-марксиста Роя Медведева. Оказывается, Рой Медведев послал самиздатскому журналу «Поиски» открытое письмо, в котором оклеветал диссидентов и защитников прав человека в СССР». В частности, Медведев заявил в том письме, что Александр Гинзбург растратил часть вверенных ему сумм фонда — купил себе квартиру и дачу, устраивал попойки и т. д. Эта клевета глубоко возмутила группу «Хельсинки» (Александра Гинзбурга уже посадили). Как было сказано в «Русской мысли», «жена академика Сахарова заявила, что эти обвинения Медведева во многом совпадают с обвинениями КГБ, опубликованными в советской прессе». Таким образом, материалы обвинения КГБ и против Григоренко, и против Гинзбурга основывались на доносах Р. Медведева в порядке «открытых писем» через самиздат. Коварный прием, до которого могли додуматься только сталинские алхимики с Лубянки!..

Медведев — редкий мастер в искусстве политического хамелеонства. Он издал в Америке книгу об ужасном «волонтаристе» и «субъективисте» Хрущеве, а теперь называет его отцом «оттепели», героем XX съезда и предшественником «перестройки». Мы видели, какие дифирамбы пел Медведев политике Брежнева, теперь он написал новую книгу — что за прохиндей был бесславный генсек.

Он первым выискал в архиве МГУ старую студенческую газету, где Горбачев и Лукьянов отмечены как боевые вожаки комсомола (если они провалятся, Р. Медведев первым выщипет новые документы, какие они дрянные политики).

В отношении Солженицына хамелеон превзошел самого себя. Когда его однофамилец шеф-идеолог ЦК Вадим Медведев заявил, что «ГУЛАГ» Солженицына никогда не будет издан в СССР, Рой Медведев тут же выступил с комментарием на чисто чекистском жаргоне, объясняющим, почему нельзя издавать «ГУЛАГ»: «Концепция книги, на мой взгляд, ложная. Она полна клеветы, ложных измышлений, а издавать заведомую клевету, по-моему, непозволительно». Не дожидаясь высочайшего разрешения, «Новый мир» все же начал печатать «ГУЛАГ». Рой Медведев тут же пишет новый комментарий — не для кого-нибудь, а для самой «Правды», — почему надо издать «ГУЛАГ»: это книга, написанная... «с беспощадной правдивостью»!..

Зарабатывать политический капитал во внешнем мире публичным или молчаливым признанием своих античеловеческих преступлений — виртуозное искусство большевизма. Принудительный Варшавский пакт взорвали изнутри народы сателлитов, а Горбачев отказался пустить на них танки — и... стал лауреатом Нобелевской премии мира! Однако внутри страны партийно-политический корпус режима остается «ведущей и направляющей силой», несмотря на все фокусы с так называемой «Конституцией СССР». Пока существуют КГБ и КПСС с многомиллионной армией медвежьих, полозковых, крючковых, не быть на Руси подлинной свободе! Яркой иллюстрацией является судьба диссидентов, которых режим помиловал, но не реабилитировал. Все они освобождены условно — даже те, которые сидят в «парламентах». Партийно-политические обкуртанты из Верховного Совета довели до смерти великого гуманиста академика Сахарова. Солженицына, совесть русской нации, все еще не реабилитируют от обвинения в «измене родины», осуждая его и за объективную оценку сотрудничества Власова с немцами (непонятно, почему Ленин мог делать революцию против демократической России на немецкие деньги, а Власов не мог на те же немецкие деньги делать революцию против сталинской тирании). Имя Солженицына сунули в «обойму» из 23 диссидентов, которых восстановили в советском гражданстве, но восстановление не освобождает «изменников» от наказания в будущем. В «обойме» 23-х восстановили в гражданстве посмертно Тарсиса, но не восстановили Григоренко, хотя его жена сообщила советской печати, что она положила в гроб мужа его советский паспорт. Не восстановлен в гражданстве и Александр Гинзбург. Зато Жорес Медведев, ездивший специально в скандинавские страны агитировать против награждения Сахарова Нобелевской премией мира, как изобретателя советской водородной бомбы, был восстановлен в гражданстве не в «обойме», а в группе избранных трех...

В этой связи уместен такой вопрос. Рой Медведев прошел в Верховный Совет в качестве бывшего «диссидента», его выбрали избиратели, народ. Но непонятно, в качестве кого он попал в состав ЦК КПСС? Подозреваю, что туда он попал как спаситель Лигачева и иже с ним. Аппарат ЦК и руководство КГБ поспешили сделать его председателем комиссии Верховного Совета СССР по расследованию уголовного дела узбекских партаппаратчиков, в котором были замешаны Лигачев и его сотрудники. Медведев, бывший «диссидент», должен был спасти их от имени Вер-

ховного Совета. Он справился с заданием, хотя и с горем пополам (за чрезмерное усердие его перевели из председателей в сопредседатели), но Лигачев вышел тогда сухим из воды, что и требовалось доказать.

КГБ сажал людей за издание за границей какой-нибудь безобидной повести или пары лирических стихов, а Медведев издал, по его словам, более тридцати политических книг. Его за эти книги не только не сажали, но и не вызывали даже на «беседы» в КГБ. Газета «Московские новости» однажды задала ему вопрос: как же он все-таки умудрился не быть арестованным? Ответ Медведева показал, что он считает читателей «Московских новостей» за идиотов. Во-первых, он всегда «писал только правду». Во-вторых — он «своими книгами приносил стране валюту». Вероятно, член ЦК Медведев заметил скепсис на лицах своих собеседников и, забыв свою ответственность перед КГБ, открыл тайну безнаказанности «диссидента». Медведев: «Должен сказать, что в 1965 году Юрий Андропов... не только не осудил мою работу, но советовал ее продолжить. По его просьбе я подарил ему рукопись книги «К суду истории»... Один раз мне передавали его желание, чтобы я продолжал работу над этой книгой...»

Выходит, что основная книга Медведева «К суду истории» с подзаголовком «Генезис и последствия сталинизма», которая сделала автора «бесстрашным критиком режима» Брежнева — Андропова, была написана по прямому поручению... Юрия Андропова?! Кто дает поручение — тот дает и «советы», какую концепцию Медведев должен положить в основу своей книги. Эта концепция ясно видна из самой книги: Сталин — не уголовник, Сталин — не народоубийца, Сталин виновен лишь в том, что репрессировал старые большевистские кадры, искажал ленинизм и деформировал социализм. Он — ошибавшийся марксист... а, впрочем, все собранные им материалы на этот счет Рой Медведев отдает «к суду истории», не будучи сам уверенным вынести окончательный приговор об «ошибках» Сталина. Секретный характер материалов во многих случаях показывает, что Медведев никак не мог получить их от своих «свидетелей», их мог предоставить в его распоряжение только КГБ СССР. Я об этом писал еще за 15 лет до нынешнего признания Р. Медведева о его кооперации с Ю. Андроповым...

Почему сегодня Р. Медведев с похвальной откровенностью признается, что его работодателем был не кто иной, как шеф КГБ и будущий Генеральный секретарь ЦК КПСС? Кто его тянет за язык? Думаю, что своей откровенностью Медведев хотел не выдать себя, а перещеголять Хлестакова: видите ли, он был «на дружеской ноге» с «самим» Андроповым! Кстати, замечу тут же: оба героя Гоголя — Собакевич и Хлестаков — гармонично уживаются в одном Медведеве. Как Собакевич, он щедро приклеивает злые ярлыки подлинным диссидентам Сахарову, Солженицыну, Григоренко, Гинзбургу, а себя он, видимо, и всерьез считает «историком», да еще и «писателем». Так, в одном из интервью ему был задан вопрос: «Недавно «Аргументы и факты» назвали Вас величайшим историком, как Вы к этому относитесь?» Вместо того, чтобы сказать, что это несусветная чушь, Р. Медведев привел новые «аргументы и факты» в подтверждение данного тезиса. «В Бельгии вышла книга, — сообщил Медведев, — «25 выдающихся историков XX века», и там среди русских историков они нашли только трех, которые в эту книгу попали: профессора Ростовцева, академика Покровского, а среди советских историков они назвали только мою фамилию...»

Бессмертен Хлестаков на Великой Руси!

Надеюсь, я вполне ответил на данный вопрос о моем отношении к Рою Медведеву. Теперь — всего лишь несколько слов, касающихся его отношения ко мне.

Медведев считает мои книги о Сталине и Берия чистой фантазией.

На Западе издавались десятки книг о Сталине и Берия, в которых фантазии было больше, чем фактов, больше «лжи и выдумки», чем понимания их подлинной природы. Авторы таких книг Сталин не преследовал, меня же за первые две книги, вышедшие при его жизни, приговорил к расстрелу. Приговор о расстреле не был приведен в исполнение, так как агент НКВД, присланный из ГДР убить меня, добровольно сдался американской разведке. Этот приговор никто не отменял, и он до сих пор лежит в моем досье в КГБ СССР.

Медведев пишет, что в 1942 г. я из Чечено-Ингушетии перешел на сторону немцев.

Было — наоборот: немцы «перешли на мою сторону», когда, после пятилетнего сидения в подвалах НКВД, я, как «враг народа», был в гостях у своей тетки в Терекли-Мектебе Ставропольского края, который и заняли немцы во время моего пребывания там.

Медведев утверждает, что Авторханов «вербовал бойцов для... специальной гитлеровской команды», намеренно избегая приводить «факты», которые сочиняли его коллеги из андроповского КГБ.

Приведу эти «факты» — из софроновского «Огонька» 70-х годов: «Авторханов дезертировал из Советской Армии, издавал газету на оккупированной территории, служил в гитлеровской контрразведке, выдавал гестапо советских подпольщиков-коммунистов, комсомольцев, активистов. У Авторханова руки по самые локти в крови».

На все эти обвинения я еще тогда, в 70-х, ответил: «Клеветники из «Огонька» и КГБ вызывают выступить с этими обвинениями против меня перед судом Федеральной Республики Германии, где я живу, где до сих пор судят за такие преступления, или повторить эти обвинения в западной коммунистической прессе, чтобы я мог привлечь к судебной ответственности клеветников». До сих пор жду ответа КГБ на этот вызов...

Когда гестапо стало «дохлой собакой», КГБ перевел меня в ЦРУ. Почти сорок лет я числился в его агентах. Теперь, поскольку мы живем в эру «нового мышления», писать прямо об агентах ЦРУ не полагается. Поэтому Рой Медведев прибегает к эзопову языку: Авторханов 30 лет работал преподавателем марксизма-ленинизма в американских военных разведывательных школах. И этого Авторханова, который написал немало книг, печатает сейчас журнал «Октябрь», печатает и «Огонек»!..

Да, я 30 лет учил американских офицеров и дипломатов, но не марксизму-ленинизму — американцы слишком практичные люди, чтобы попусту тратить свое время на изучение ложных верований. Я учил их истории России и СССР, структуре и функционированию советской политической системы. Я учил их пониманию трагедии народов России, которым Ленин, Троцкий, Сталин силой навязали беспремерный в истории тиранический режим.

И я счастлив, что дожид до начавшегося крушения этого режима. До времени, когда русские и нерусские могут читать не только коммунистических идеологов в СССР, но и их противников на Западе. Из сравнительного чтения они вынесут свой приговор.

В отношении собственных книг — я иду навстречу этому приговору со спокойной совестью.

Мюнхен

ОТРАЖЕНИЕ

ИЗ-ЗА ЧЕГО БУМ?

На табачный бум 1990 г. Госкомстат СССР отреагировал, естественно, цифрами. Оказывается, в Советском Союзе 50 табачных фабрик. Все они, за исключением тех, что работают в Белоруссии и Киргизии, к 1990 г. стали выпускать папирос и сигарет меньше. В 1986 г. курильщикам предлагалось 384 миллиарда штук папирос и сигарет, а в 1989-м — всего 343 миллиарда. Курительного и трубочного табака — 1380 тонн и 1250 тонн.

Вот чем это обернулось в 1990 г. С января по сентябрь было произведено 90 процентов табачных изделий (относительно прошлого года) — 227 миллиардов штук, а в магазины — вместе с импортом — поступило 94 процента. Малые проценты скрывают крупные цифры: скажем, недостающие десять процентов подразумевают 24 миллиарда штук папирос и сигарет, из-за нехватки которых весь бум.

КОМУ ПОВЕЗЛО БОЛЬШЕ

Госзаказ уже не пользуется былым авторитетом. Жители Москвы и Ленинграда чувствуют это по магазинам «овощи-фрукты». Госкомстат РСФСР установил, что к августу раннего картофеля было поставлено в Москву всего 980 тонн, а в Ленинград — 115. Даже с цифрами прошлого года это не идет ни в какое сравнение: в Москве в то время было уже 13 079 тонн, а в Ленинграде — 730.

Не лучше и с другими овощами: от 138 000 тонн в прошлом году Москве нынешнего года досталось их лишь 115 000, а Ленинграду от прошлого года — 57 500 тонн — 49 900.

Основной поставщик раннего картофеля Москве — Московская область. Ленинграду — Ленинградская. Московская выполнила госзаказ всего лишь на 1,1 процента, а Ленинградская — на 0,3 процента.

Только овощные хозяйства Дагестана выполнили госзаказ, доставив в Москву огурцы и помидоры. А Ленинграду больше повезло с огурцами (57 процентов от госзаказа) — меньше с помидорами (25 процентов). Совсем не повезло с морковкой (0,4 процента), капустой (2,7 процента) и свеклой (1,3 процента). Но и в Москве положение не лучше: 3,2 процента капусты, 0,08 процента лука и все тому подобное.

Жителям труднодоступных районов Крайнего Севера овощей досталось ничуть не больше, чем москвичам и ленинградцам: около 4 процентов заказанной капусты, 7 процентов огурцов, 20 процентов помидоров...

С фруктами в трех исследованных районах неодинаково, но тоже не знаешь, где лучше: 33 процента в Москве, 6,9 — в Ленинграде, 56 — на Крайнем Севере...

БУМАЖНЫЕ ГЛАЗА ПРЕЗИДЕНТА

Специальная комиссия, образованная Президентом для расследования причин гибели военнослужащих в мирное время, создана для отвода глаз. Она не может работать, и Горбачев об этом знает, считает В. В. ЧУМИЧЕВ, член комиссии.

С введением института президентства это явление набирает силу: создаваемые с большой помпой новые и новые комитеты, комиссии, советы и подкомитеты — не работают. Не работают с таким удручающим постоянством, что поневоле задумываешься: действительно ли они создавались для работы?

Комиссия, о которой пойдет речь, должна была заниматься смертью. Иметь дело с насилием. С издевательствами. С кровью. И сделать так, чтобы их не было. Казалось бы, здесь о лицемерии и подумать страшно...

«Специальная комиссия по проверке объективности и полноты расследования причин гибели и травматизма военнослужащих и военных строителей в мирное время» — так она называлась в документах о статусе, принесенных на подпись Горбачеву. Похвальная дотошность названия обещала обилие кропотливой, непреклонно правдоискательской работы. Начало этой работе, прочем, было положено не клерками из президентской канцелярии.

— Своих детей мы из могил не поднимем, — В. В. Чумичев, отец погибшего в армии солдата, приехал из Литвы. — Но я понял: о моем сыне должен узнать весь Союз. Мы, родители, теперь, когда нет наших детей, больше ни для чего не нужны... кроме этого вот. Мы живем, чтобы сломать эту мясорубку. Почему люди надеются, что их сыновья не попадут в тот процент «естественной убыли», который столь дичинно планируется в армии?! Из писем, которые мы сейчас получаем (за месяц около 500), ясно: наших детей убивают везде — в стройбатах и в «образцовых» частях, в Чехо-Словакии и в Москве!

10 При чем убивают самых лучших ре-

бят. Приезжаешь узнать, почему это произошло, и слышишь ответ убитый: «Он слишком много из себя строил...» Да ведь просто тот парень был яркой личностью! Спрашиваешь следователей — в чем причина убийства? А они в ответ: «Не знаем и знать не хотим. Убийца признался, и все». — «Но почему, почему?!» — «Нам это неинтересно». И для «хорошей» статистики записывают смерть в графу «несчастный случай». Или «самоубийство» — хотя на теле обнаружены следы насилия...

В сентябре прошлого года I Всесоюзный съезд родителей военнослужащих принял декларацию, в которой первым пунктом записал: «Признать действительную военную службу в Вооруженных Силах СССР опасной для жизни и здоровья граждан». Съезд выдвинул множество требований к Президенту и к Министерству обороны — от введения альтернативной службы до государственного страхования военнослужащих, от радикальной военной реформы до обеспечения права родителей посещать служащих сыновей в любой точке СССР за счет Министерства обороны. В отдельном обращении к Горбачеву съезд заявил: «Больше не можем верить Вашим обещаниям». И еще: «...бездействие ставит Вас в положение убийцы наших детей».

Материалы съезда не были опубликованы ни в одном официальном издании.

В конце октября несколько солдатских матерей провели двое с половиной суток в приемной Президента, после чего были, наконец, допущены на высочайшее randevu. И три часа не отпускали Горбачева — пока не добились от него обещания создать комиссию по расследо-

ванию трагических случаев в армии, включив в нее в первую очередь родителей и независимых юристов. Горбачев пообещал, что «не будет никакого саботажа».

Президентского указа родители погибших дождались лишь 15 ноября — а в Москву для работы их вызвали только в конце ноября. Когда же инициаторы создания комиссии вчитались в документы, подписанные Президентом, то надежды на нормальную работу (как это словосочетание ни кощунственно в данном случае) у них улетучились.

Статус Специальной комиссии, утвержденный Горбачевым во исполнение его же собственного указа, по существу, не дает ей никаких прав. Вместо права возвращать дела на доследование и возобновлять их, входить в прокуратуры с предложениями о возбуждении уголовных дел по фактам незаконно прекращенных расследований убийств, вместо права на проведение повторных экспертиз, вместо права законодательной инициативы (а всего этого требовали солдатские матери) Президент оставил комиссии лишь кое-кое право «принимать участие в расследовании случаев заболевания, травматизма, гибели военнослужащих в армии в мирное время». Странно было бы, если бы Специальной (!) президентской (!) комиссии не было дано право даже «принимать участие». Комиссия может также «давать поручения» по проверке дел — давать тем следственным органам, которые эти же самые дела уже рассматривали! Видимо, второй раз они будут делать это еще более беспристрастно...

Справедливости ради надо заметить, что членам комиссии, по крайней мере, было предоставлено право доступа к информации по статистике преступлений в Вооруженных Силах. Но... право-то предоставлено, а статистика — нет.

— Министр обороны должен был, — возмущается В. В. Чумичев, — издать приказ по Вооруженным Силам, чтобы обо всех случаях преступлений против личности в армии немедленно сообщали в нашу комиссию, но он этого не сделал. И никаких «особых», «специальных» прав на самом деле мы не имеем. Все равно как если бы человек с улицы пришел и начал расследовать преступление в военной части. Нам говорят: «Вы — специальная комиссия, одно это добавляет значимости вашим словам...»

Апофеозом саботажа работы комиссии стал ее, так сказать, социальный состав. Из сорока членов в ее составе лишь девять человек —

Фото В. Суворова

родители погибших военнослужащих. И — огромное количество полковников, генералов, майоров, военных юристов. Тех, кто, по существу, в ответе за неправомочные действия следователей, скрывавших факты убийств, издевательств, садизма в армии.

— На приеме писем и заявлений пострадавших здесь, в приемной Совмина СССР, работают только родители — члены комиссии и просто люди, пришедшие помочь. Остальные, те, кто обязан зани-

маться этим, не приходят. Не хотят! — и З. Р. Леднева, член комиссии, показала мне список членов комиссии, где против фамилий стояли плюсы и минусы: присутствовал на заседании или нет. Против должностей, начинающих с «начальника» или с воинского звания, стоят унылые ряды минусов...

Работа комиссии заблокирована нежеланием ее членов работать. Нет кворума — нет решений! Нельзя «принять участие», невозможно «выйти с ходатайством». Все очень

просто. Президент, подмахнув такой состав комиссии, который не будет заниматься рытьем собственной должностной могилы, заранее обрек «специальную президентскую» на бессилие. Он обязан был это предвидеть — но, видимо, не захотел.

— Я не знаю, зачем создавать комиссии и комитеты, которые — и это ясно с самого начала — работать не будут, — продолжает Чумичев. — Недавно одной женщине, потерявшей в армии сына, пришел ответ из Комитета советских женщин: «Ваша жалоба направлена в Главное политическое управление Советской Армии». И все! Ни слова соболезнования не нашлось для бедной матери у всех советских женщин — если считать, что их олицетворяет Комитет...

Сам Владимир Васильевич здесь выполняет (неформально, конечно, просто как мужчина) роль руководителя. Председатель комиссии — Ю. Х. Калмыков (который является одновременно председателем Комитета Верховного Совета СССР по законодательству), по словам Чумичева, о своем новом назначении узнал из газет, оказался болен и не в состоянии вести эту работу.

Не хотелось бы столь мрачных аналогий, но своими недействующими решениями Президент действительно провоцирует некое подобие «кровавого воскресенья». Люди, идущие к нему с хоругвями и молитвами, натываются на стену военных мундиров. И оттого, что бумажный залп неслышим, крови меньше не становится. «Ваше попустительство приводит к гибели наших сыновей!» — взывали к нему матери погибших парней на съезде родителей военнослужащих. Сегодня, после вымученного, требуемого с Президента — и неработающего! — указа, после того, как самые яростные попытки найти правду захлебнулись (а новые указы пишутся, а новые комитеты и комиссии создаются...), вслушается ли он в то, что кричат ему эти женщины, поймет ли, чем это грозит ему и всем нам?

Государство виновато в гибели наших детей, государство, а не только конкретные подонки! Дедовщина передается из поколения в поколение, а офицеры, военные следователи, высшее командование покрывают преступления и тем самым провоцируют новые и новые. Сейчас, сегодня вечером мы ляжем спать, а там, в казармах, начнется э т о...

Президент не слышит. Президент пишет новый Указ.

Сегодня уже трудно посчитать, сколько регионов в России объявлены свободными экономическими зонами и сколько еще хотят ими стать. Впечатление такое, будто стоит получить заветный статус, как прибавится товаров в магазинах, а заодно решатся другие проблемы. Ну а что, может быть, и в самом деле можно на скорую руку организовать эту самую зону и дела пойдут в гору? Весь вопрос, как организовать ее... Бывая в командировках, много раз слышал от людей: «Вот станем свободной экономической зоной, тогда заживем».

А что это такое, спрашиваю. В ответ чаще всего следовал красноречивый жест в сторону Запада. Когда вокруг все говорят и мечтают об одном и том же, но никто не знает, что это, становится особенно интересно. Вернувшись из очередной поездки, на этот раз в Благовещенск, где такая же идея бесплодно витает в воздухе, решил позвонить экономистам из экспертной группы при Председателе Верховного Совета РСФСР.

Так мы встретились с членами этой группы — Львом Фрейнкманом, Антоном Даниловым-Данильяном и Ивэном Харлановым.

— *Поскольку, как я уже понял, точно определить, что такое свободная экономическая зона в нашей стране, дело безнадежное, то давайте для начала поразмышляем на эту тему. Есть же хотя бы какое-то понятие такой зоны, с какой целью она должна быть создана...*

Л. Ф. — Свободная экономическая зона — это кусок территории страны с особым валютно-финансовым хозяйством. Здесь должны действовать льготные налоги, особый ценовой режим, разные формы посещения предпринимательства, в первую очередь для зарубежных фирм, льготы при вывозе прибыли за границу, валютных операциях.

Все это для достижения трех основных целей. Во-первых, чтобы подзаработать. У нас есть территории, где деньги лежат на дороге.

Сами мы их собрать не умеем, и, если привлечь сюда иностранцев, можно получить хорошую прибыль. Во-вторых, чтобы, глядя на них, научиться чему-нибудь. Работать придется вместе, поэтому будет возможность перенимать опыт. И в-третьих, использовать эти зоны как плацдарм для проведения экономической реформы по всей стране.

— *Что же мешает все это сделать?*

Л. Ф. — При нашей системе государственного предпринимательства создание классической свободной экономической зоны сегодня просто невозможно. Хотя бы уже потому, что это требует на нулевом шаге вложения крупных сумм в валюту для развития инфраструктуры, привычной западному бизнесмену: приличные гостиницы, связь, развлечения, если хотите. Тут же склады, дороги, продукты питания и т. д. Иначе преуспевающие предприниматели просто не поедут сюда. Мы же не в состоянии оторвать от бюджета столько валюты, даже если это сулит через пять лет солидную прибыль.

— *Я не в силах влезть в шкуру богатого предпринимателя, поэтому не буду спорить, придет он или нет делать деньги в забытый богом уголок России. Наверное, вы правы, не придет. Но на что рассчитывают те, кто невзирая ни на какие неразвитые структуры уже получил статус свободной экономической зоны?*

И. Х. — Мне кажется, у нас сохраняется поразительная вера во всякие заклинания, красивые слова. Кто-то запустил в оборот звонкий термин, отдающий западным благополучием, и сразу реакция — наконец-то, это нас спасет. Мы по-прежнему все время шархаемся от одной идеи к другой, но особенно задумываясь, а что, собственно, оно такое. Началась перестройка. Сначала спасением посчитали аренду, подряд, теперь свободное предпринимательство, свободные экономические зоны.

Одни доказывают, что вся беда в неправильных ценах, другие ратуют за немедленное создание коммерческих банков. Кажется, выполним все, и тогда, словно мозаика, части сложатся вместе, наступит порядок. Но экономика слишком сложный организм, чтобы так просто все получилось. Нужна целостная концепция преобразования страны.

В принципе свободные экономические зоны не помешают реформе, даже могут помочь. Но где каналы воздействия, по которым зоны, как паровозики, станут подталкивать, подпихивать всю нашу экономику? Все должно быть взаимосвязано. А пока — наоборот — все мешают друг другу, как, например, эксперименты с валютой — укреплением рубля.

Л. Ф. — Как мы будем использовать опыт свободных экономических зон, многими понимается совершенно примитивно. Вплоть до того, что создадим, мол, маленький Гонконг в Чите или Находке, оградим колючей проволокой, а затем будем ее постепенно отодвигать в глубь страны, пока не охватим всю территорию. Смешно. Экономический механизм, действующий в такой зоне, должен, по всей видимости, постепенно сближаться с механизмом, которым живет страна. В какой-то точке они должны в итоге сходиться. Ни о чем таком не приходилось пока слышать.

— *Зоны свободного предпринимательства существуют в мире давно. Можно же, наверное, воспользоваться опытом других стран?*

А. Д.-Д. — То, что происходит в мире, нас по большому счету не должно волновать. Это как на Марсе. Интересен может быть лишь опыт Китая, у которого относительно сходные проблемы. Но, на наш взгляд, Китаю не удалось распространить достижения свободных экономических зон на всю страну. То есть не смогли отодвинуть ту самую колючую проволоку в глубь государства.

В других же экономически силь-

— Выходит, зоны свободного предпринимательства могут быть далеко не одинаковы?

А. Д.-Д. — Естественно. Ленинград, Кемерово, Находка — это совсем разные проекты, ведь и разнообразие условий в нашей стране огромно. Поэтому видов зон можно сделать сколько угодно, и они лишь условно будут называться единым термином.

— Если все-таки предположить, что зоны созданы и работают, то не вызывает ли у вас тревогу возможный разрыв в уровне жизни тех, кто окажется в зоне свободного предпринимательства, и тех, кто не попадет в нее? Претензий у людей друг к другу и так предостаточно, а тут вдруг еще и такое...

И. Х. — Зоны должны сначала просуществовать достаточно долго, чтобы обозначился серьезный разрыв в уровнях жизни, стоит ли так надолго загадывать? Сегодня этой проблемы нет и, похоже, долго еще не предвидится. По некоторым соображениям можно ожидать, что большую выгоду от зоны получают не те люди, которые в ней живут и работают, а соседи. Зоны порождают массу проблем, социальных в первую очередь. Выгоднее жить по соседству и держать руку на пульсе. Я бы пока не стал завидовать людям, оказавшимся в ней. Завидовать в наших условиях пока никому.

— Вы не скрываете своего критического настроения в отношении создания свободных экономических зон в нашей стране. В этом не было бы ничего удивительного, не будь вы членами экспертной группы при Председателе Верховного Совета РСФСР. Но ведь не кто иной, как Борис Николаевич Ельцин, подписывает указы о предоставлении статуса зоны свободного предпринимательства все новым и новым областям в России. Знает ли он о позиции своих советников-экономистов?

Л. Ф. — Указы о присвоении статуса свободных экономических зон некоторым областям — политическое решение. Ельцин не может не дать той самостоятельности, которую у него просят люди. Они ведь не требуют мяса, товаров, понимая, что взять их неоткуда. А вот свобода, чтобы попытаться все сделать самим, им сейчас нужна как воздух.

А. Д.-Д. — И потом, мы говорили сегодня отчасти умышленно о негативных сторонах идеи создания свободных экономических зон. О

плюсах этой идеи сказано давно и много. Мы же, как эксперты, обязаны со всех сторон проанализировать замысел.

Обществу не хватает здравомыслия в нынешней тяжелой ситуации. Всякую мысль, даже действительную, у нас способны низвести до абсурда. Потом начинается поиск виновных... Но даже тот, кто первым высказал идею, оказывается ни в чем не виноват. Потому что замысел перевернули вверх ногами, наполнили глупыми дополнениями, в результате чего все превалено.

Пример с Белорусской железной дорогой. Пока опыт самостоятельности распространялся только в этой республике, он был хорош. Ведь задумывался-то он именно применительно к ее условиям. Но додумались перенести идею на сибирские дороги, где все совсем по-другому. В итоге — крах.

То же самое можно сказать о свободных экономических зонах. На Западе их придумали для достижения своих целей, а не наших.

И. Х. — У нас уникальная хозяйственная ситуация. И в этом главная несостыковка наших оценок с рекомендациями авторов многочисленных отечественных проектов разработок, которые уверяют, что не надо ничего такого придумывать, ибо в мире все давно известно. Мы не можем слепо копировать западный опыт, ведь задачи, которые нам надо решать, беспрецедентны.

Мы когда-то первыми свернули с дороги, по которой двигалось все человечество. Теперь придется самим искать дорогу «назад».

— Снова первыми искать новый путь? По-моему, роль первопроходцев у нас плохо получается?

Л. Ф. — Но и отказаться от этой роли нам уже поздно. Идея создания свободных экономических зон имеет, видимо, все же право на существование, как и многие другие идеи. Но наряду с ними просто необходимо выработать общую экономическую стратегию возрождения страны, которая объединила бы в единое целое все современные хозяйственные новации. Без таковой шансы на успех будут близкими к нулю.

— Ну а пока свободной экономической зоне, как я понял, требуется... сталкер. Иначе говоря, проводник и толкователь. Без него, оказавшись в зоне, никто не поймет, что делать, куда идти.

ных странах совсем иная практика. Зоны создаются для развития каких-то отстающих территорий или отраслей промышленности. Страна как бы подтягивает до общего уровня слабый регион. Как только с помощью различных льгот удалось сдвинуть дело, то есть стал концентрироваться капитал, развилась инфраструктура, то льготы постепенно снимаются.

В нашей стране все мыслится наоборот. Пытаются создать сильную экономическую структуру на отдельной территории, а потом этим опытом, как домкратом, поднять всю страну.

— Вы несколько раз упоминали колючую проволоку, которой огораживается свободная экономическая зона. Это что, обязательное условие для ее создания?

Л. Ф. — Механизм развития свободной зоны, вокруг которой сохраняется обычная территория, не проработан. Не разграничивать их нельзя, поскольку даже в самых скромных проектах они должны сильно отличаться, и по экономическому, и по социальному состоянию. Два теоретически «чистых» варианта — колючая проволока или разные деньги. И то, и другое, конечно же, плохо. Но даже в компромиссном варианте придется создавать режимы, сходные с тем, какой сегодня в Севастополе.

Или возьмем Ленинград. Здесь, мне кажется, речь идет не о зоне свободного предпринимательства в полном смысле этого термина, а о зоне усиленного сотрудничества с другими странами; в отдельных отраслях, например в области туризма, это те же совместные предприятия, создаваемые на особые льготных условиях. То есть льготы, не выходящие из той общей тенденции, в которой развивается наша обычная внешнеторговая деятельность. Кстати, Ленинград, пожалуй, один из немногих городов, где можно уже сейчас зарабатывать валюту, практически ничего не вкладывая. Один туризм чего стоит.

Оправдание Москвы

Дмитрий ШУШАРИН

Я живу пока там, где родился. А родился я в Москве тридцать лет назад. И сколько живу, столько слышу обвинения в адрес родного города. Причем обвинения эти исходят от людей, что называется, моего круга; от тех, кого принято называть демократами.

«Гоненье на Москву» связано с ее историей за последние семьдесят лет, когда Земля стала начинаться от Кремля, а вполне сухопутный город рабским трудом был превращен в порт пяти морей. В так называемые годы застоя родился анекдот: граница между коммунизмом и развитым социализмом — Кремлевская стена, между развитым социализмом и просто социализмом — Московская кольцевая автодорога. Страна голодала, а столица беспардонно и бесталонно жирела. Раздавался в размерах и город, захватив множество деревень, оказавшихся внутри МКАД, он стал отхватывать куски пространства вне кольца. К чести «патриотов», они первыми «оценили» опасность этого пожирания пространства. По их наблюдениям, делалось это с целью придания карте Москвы формы шестиконечной звезды.

Вина Москвы казалась очевидной. Еще тридцать лет назад мужик был крепостным-беспаспортным. На протяжении жизни моего поколения поражение в правах деревенского населения сменилось более мягким и более распространенным, а потому и менее заметным, поражением в правах всего населения страны, имевшего второсортные паспорта. Первый сорт определялся московской пропиской, сулившей разнообразные блага.

Но началась так называемая перестройка, прошли выборы. Во время работы I Съезда народных депутатов СССР противостояние Москвы

Фото Б. Азарова

и остальной страны, неприязнь к московским депутатам со стороны депутатов провинциальных для многих оказались неожиданными. (Сейчас, когда союзные органы потеря-

ли авторитет и уважение, мы должны признать, что среди российских депутатов нет такого отчуждения. Во многом это заслуга человека, сумевшего стать посредником между

Москвой и Россией, депутата от Москвы в союзном парламенте и от Свердловска — в российском.)

Неприязнь к москвичам-парламентариям во многом была вызвана их принадлежностью к более сытому, более требовательному городу, к общности, жившей лучше всей остальной страны. Теперь положение выравнивается и во многих городах страны цены на рынке чуть ниже, а выбор продуктов в магазинах чуть больше, чем в столице. Впрочем, всюду хуже, если иметь в виду не частности, а общее положение дел. Но стало ли от этой несомненной справедливости кому-то легче?

Да, в былые годы Москва незаслуженно стала обладателем больших возможностей, а потому и более сложных потребностей. Доступ к московским благам обуславливается столичной пропиской. Кто-то добывал ее, вступая в фиктивный или фактический брак, соглашаясь много лет жить в общежитии на правах иностранного рабочего, презренной «лимиты». Кто-то давал взятки, а кто-то выслуживался, становился чиновником. Москву принято называть чиновничьим городом, но потомственных чиновников среди коренных москвичей можно отыскать только в нижнем и отчасти среднем звене. Высшие посты в городском руководстве, не говоря уже о союзном и республиканском, всегда занимали выходцы из провинции. Только Гришин был родом из подмосковного Серпухова. Юрий Прокофьев — выдвигенец московской номенклатуры, но и он родился в Каракаллакии. Для других Москва стала предпенсионным прибежищем.

Можно, конечно, обвинять человека в обладании первосортным паспортом или в добывании его. Но очень часто погоня за пропиской была свидетельством потребностей не просто более высоких, а качественно иных, чем у большинства населения. Мы привыкли к фразе «чтобы хорошо (лучше) жить, надо хорошо (лучше) работать» и не замечаем, что она двусмысленна, если не бессмысленна. Разве работа не имеет отношения к жизни? Понятно, что имеется в виду разделение потребления и того, что обеспечивает возможность потребления. Но почему такое противопоставление? Разве не бывает потребности в хорошем труде, в хорошей работе? Разве любимая, по призванию, работа отделима от «жизни»? Да и оплата труда, особенно для нормального, то есть честолюбивого, мужчины имеет значение далеко не второстепенное.

Московский обыватель — оправдание Москвы. Дело не в том, что этот человек имел доступ к благам материальным и нематериальным. По многим показателям, например, Юг России имеет более высокий жизненный стандарт — автомобиль, частный дом для каждой семьи, более качественное и здоровое питание. Но вот заниматься интеллектуальной работой там уже невозможно, если, конечно, ориентироваться на мировые стандарты, — ни библиотек, ни столь необходимой среды повседневного общения там нет...

Человек, рвущийся в Москву, — это не просто человек, нуждающийся в библиотеке и собеседниках, но уже человек с качественно иными потребностями, со стремлением к свободному выбору рода деятельности. В Москве такой свободы всегда было чуть-чуть больше, поэтому здешний обыватель чуть-чуть более индивидуалист, чуть-чуть более независим, чуть-чуть более нуждается в гарантиях своей крошечной свободы. Здесь действительно в понятие «жить» входит и понятие «работать», а потому и потребительское общество, если оно будет развиваться на московской основе, будет качественно отличаться от того, которое может возникнуть в полупатриархальной провинциальной среде, где потребительство имеет примитивный характер.

Но довольно самовосхваления, тем паче, что и о нынешнем Моссовете можно сказать много разного. Я не принадлежу к числу тех, кто желает ему неудачи, хотя объективно провал планов реформы благодетелен для Москвы и России. К власти пришли московские обыватели и сами для себя выяснили, что живут в социальной, экономической и политической пустыне. Все у нас на уровень ниже. Обыватель у власти, а под властью, то есть там, где и надлежит быть обывателю, — я уже и не знаю, кто там находится. Одни говорят — люмпен, другие — маргинал. Но это все слова иностранные. А по-русски говоря — простой советский человек с минимальными потребностями и колоссальными притязаниями. Уже сейчас он не помнит, что мясо, колбаса, сыр бывают разных сортов, но не забыл о своей исторической миссии, о своих преимуществах перед другими народами. Еще немного, и людское сообщество превратится в атомизированную толпу, описанную Александром Кабаковым, которой нужны две вещи — еда и оружие. А это уже сообщество не совсем людское.

Смена власти в Москве родила шутку: «А на площади Советской поселился хитрый грек». Гавриил Попов — действительно главный грек СССР, но какая уж там хитрость. Разве будет хитрый человек, отвечая по телевидению на многочисленные жалобы по поводу нехватки и недостатков, советовать москвичам самим решать свои проблемы, не дожидаясь вмешательства генерал-губернатора. Ничего, кроме раздражения, это не вызывает.

Успех нынешнего Моссовета зависит от того, как скоро он перестанет быть советом, отвечающим за все и владеющим всем, от того, как скоро он превратится в муниципалитет, от того, как скоро ему удастся сделать из «хомо советикуса» людей, дорожащих собственностью, трудом, достоинством и честью. Нужен ли для этого особый столичный округ? Сомневаюсь, что усиление исполнительной власти может помочь при полном отсутствии у этой власти социальной опоры. Если, конечно, не считать тех, кто за неимением собственности и занятий, приносящих доход и моральное удовлетворение, ходит на демонстрации.

События, точнее сказать, социальные и политические процессы, приобретают другой оборот. Вы заметили, что во всех моих рассуждениях и прогнозах отсутствует очень важный элемент — внешний мир. Московский обыватель, еще не успев появиться и окрепнуть, начинает собирать чемоданы. Уезжают или готовятся уехать люди, не видящие для себя никаких перспектив на родине. По существу вопрос стоит так: что окажется более привлекательным для потенциальных обывателей, тех, кто в перспективе может образовать новый средний класс, — приватизация, которая является ядром реформы и должна иметь всеобщий социальный, а не только экономический характер, или возможность самоутверждения за рубежом. Может, массовый исход положит начало подлинному обновлению России, спасет интеллектуальный и деловой потенциал нации, образует диаспору, которая станет посредником между страной и миром, а у основной массы населения резко снизит уровень притязаний, вызвав у русских национальный шок, заставив их по-иному оценить свое место в мире?

Но что будет тогда с Москвой, которую я не могу пока, не в силах покинуть, хотя живу с чувством того, что меня выживают из родного города и страны? Останется ли она сама собой или это будет другой город? Не знаю...

АХ, ЛОМБАРД, МОЙ ЛОМБАРД...

Владимир КОВАЛЬ

Нигде вы не найдете столько персонажей Достоевского, как в ломбарде...

Раньше очереди были тихими и подавленными, редко взрывались, если кто-либо из новичков пытался схитрить. Отличительной же чертой их была готовность к товарищеской выручке, делавшая и минутное знакомство событием целого дня. Один убежал вниз выкупать, другой занимал место к окну, где принимали вещи, а вызвавший наибольшее доверие оставался сторожить самую трудную, самую дорогую — «золотую» очередь. Подменяли друг друга, рассказывали надрывающие душу истории о продаже вещей день в день, даже без льготного месяца! («Ах! Какой ужас!») Униженный готов верить всему плохому...

Обычно рассказы были о трагической судьбе действительно ценных вещей. Одна старушка «из бывших» сдала серебряную шкатулку с выложенным крупными камнями вензелем. Оценили в 300 рублей, как лом, отбросив «на глаз» камни. Опоздала всего на день — сдали. Обливалась слезами, просила вернуть — ничего не помогло. Даже скорую вызывали. А шкатулка, конечно, не в магазин, а к «своим» ушла.

Женщина принесла новую дубленку. Приходит получать — старье дают ношеное. Она — в крик, но разве поможешь?..

Если в очереди есть новенький, а такой есть обязательно, он кривит губы, отворачивается и всем своим видом старается показать, что не верит, и вообще он тут в первый и последний раз, возникли некоторые трудности. Очередь не замечает враждебности новичка и, не замечая, бывает права. Проходит три месяца, потом еще три — кривящий губы становится своим и уже сам рассказывает истории, деля общую неприязнь к режущему звонку на обеденный перерыв...

Людам, стоящим в очереди, известны все московские ломбарды. За каждым из них устоялась своя репутация. В том, что на Войковской, по слухам, лучше оценивают золото; на Пушкинской — меха; где-то — ковры. Но большин-

ство из стоящих продолжают ходить в тот, с которого началась перезакладная карусель.

Мне лучше других знаком Арбатский. Выщербленные ступеньки, разгоняемый вентилятором запах нафталина, стареющие на глазах приемщицы. Память и наблюдательность — их отличительные черты, профессиональные качества. Вспомнив или небрежно брошенным взглядом определив склонность клиента к скандалу, назначают цену и стоят на ней до конца. Прости больше — не добьешься, да и позади стоящий, пять минут назад деливший с тобой невзгоды, уже выражает недовольство и прямо отталкивает от окна. Ломбард ненавидит того, кто добрался до окна, — почему он так медлит! Какое имеет право торговаться! Ломбард не делает различий между теми, кто сдает вещи «в порядке очереди» и без очереди. Но стоит перейти в кассу, как «сцена у окна» забыта и породненные унижением соочередники заводят новый разговор о перипетиях заложенной жизни...

Когда за окном показывалась молоденькая, еще неопытная приемщица, у меня появлялась надежда. Ее можно переубедить, она еще не зачерствела до конца, оценивает по справедливости. Но удача случается редко, да и опыт к таким, как она, приходит быстро и навсегда...

Существуют клиенты, приходящие к «своей» приемщице. Они верят, что вещь будет сдана непременно по высшей расценке, но и это — неправда, это самообман...

...Уже получала много мама, уже подросли мы с братом и стали приносить заработанное домой, но ломбард был рядом, неотступно следовал за нами. За неделю до срока мама становилась замкнутой, начинала нервничать, обычно дружные, мы уже поругивались.

Как-то сидя у друзей, заторопился домой. Поинтересовались: «В чем дело?» Не соврал: «Ломбард. Вставать в четыре утра, надо занять очередь». — «Какой?» — «Арбатский». — «Не волнуйся, у нас там знакомая работает. Подойдете в любое время».

Обрадовался, вернувшись домой, рассказал.

— Нет.

— Почему?

— Унижаться по знакомству? Потому и с ломбардом завязана, что ни перед кем одалживаться не хочу.

Встали в четыре, успели, вечером — пластом...

Может быть, работники ломбарда тоже устают. Возможно, они выносят даже большее, усиленное ежедневностью, унижение. Говорят, что иные из них трудовую книжку бросают в нафталин лишь ради того, чтобы самим успевать до работы без очереди сдавать собственные вещи... Правила поведения им навязываются, унижения сдатчиков — что-то вроде обязанности...

Растущая политизация общества не обошла и ломбардное общество. Приглушенные пересказы историй со шкатулками и старинными часами сменили восклицания: «Доколе можно?!» Мифических старушек вытеснили сплетни о членах Политбюро и их семьях, видимо, и не ведавших ломбардной духоты...

За пять лет перестройки очередь к окошкам заметно выросла. У входа появились «жучки», предлагающие перекупку. «Жучки» на любой вкус: укомплектованные загрантряпьем; интеллигентного вида седеющие мужчины; усредненные мужички, готовые тут же обмыть сделку. Некоторые клиенты сдаются, но большинство еще верит в освобождение от ломбарда, от вечной привязанности к нему. Но петля затягивается все туже...

Очередь в ломбарде — наверное, самая интеллигентная из советских очередей. Сравниться с ней может разве что очередь в ОВИР. Приглядевшись, обнаружите, что они не только похожи, но и лица в них иногда мелькают те же. Но если в одной люди удручены и унижены, то во второй большие советские глаза освещены надеждой. И та, и другая, на мой взгляд, — перестроенные символы нашей интеллигенции. Символы нищеты, унижения, мифических надежд. Оголяются до книжных полок стены квартир, сносятся в ломбард уже все найитое прошедшими че-

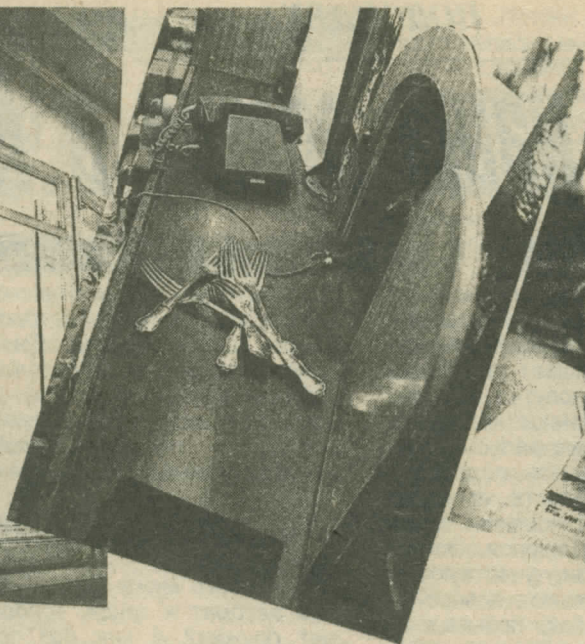

фото Ю. Штуккина

рез семьдесят лет поколениями. Если не хватает на билет, кланяешься друзьям, знакомым, суровой кассирше из кассы взаимопомощи на работе. Одна лишь государственная пошлина превышает заработок учителя, библиотекаря, инженера.

Человек, краснеющий даже в случае, когда приходится продавать по своей цене купленные с переплатой тесные туфли, идет на унижение заграничного недоедания и перепродажи на Родине

невиданной техники, только чтобы вырваться из долгового плена. Друг, профессор, автор научных трудов, чтобы поехать в Германию по приглашению знакомых, по вечерам убирал общественную библиотеку. Хорошенькая, полнокровная красавица вернулась из Бельгии изможденной, осунувшейся: подрабатывала там, чтобы раздать долги на родине. А вот мне повезло: удалось подработать по специальности, без унижения. Видели бы вы глаза матери, ко-

гда, навестив ее в больнице, сообщил, что выкупил все, все до последней безделушки! Показалось даже, что такой радости она не испытывала никогда...

Недавно вновь побывали в ломбарде, хотя и давали зарок никогда не переступать его порога. Встали поздно и отвезли вещи на хранение. Когда вышли на улицу, мама тихо сказала: «Если бы не на хранение — оценили бы намного меньше».

ПИСЬМА

Чем больше Москва застраивается, тем больше в ней пустырей.

Попробуйте отъехать на метро 5—6 остановок от кольцевой линии к периферии — и вы обязательно выйдете на пустырь. А в одной из сторон света увидите линию горизонта — как в степи.

Я еду на работу 1,5 часа. От тех пустырей, где играет мой сын, к тем, около которых стоит Московский университет. На сороковой минуте я проезжаю мимо пустырей, где прошла моя юность. Они еще не застроены, а наши пятиэтажки уже начали сносить... О чем я думаю? О том, что при экономических расчетах час свободного времени среднего человека оценивается примерно в рубль. И о том, что, скажем, магазин «Лейпциг» находится у окружной автомобильной дороги. Чтобы попасть в него, нужно потратить лишний час на дорогу туда и обратно. Умножьте один рубль на количество посетителей (около 10 тысяч в день) да на триста рабочих дней — получите 3 миллиона рублей в год. Это боль-

НА ШИРОКИХ МОСКОВСКИХ ПУСТЫРЯХ

ше, чем стоит здание магазина!

Почему вокруг большинства периферийных станций метро простраются или пустыри, или скверы? Разве не логичнее было бы возле метро поставить наиболее посещаемые магазины, музеи и кинотеатры, а скверы унести подальше от шумных и загазованных магистралей?

Иногда хочется сказать архитекторам — спуститесь на землю! Перестаньте взирать сверху на макеты застройки. Дороги — не орнамент на ковре: в них важна не затейливость, а краткость. А то, что у вас зеленое вокруг макетов, — зимой бывает белым, а осенью и весной — грязным. Поставьте букашку-человека рядом с макетом дома. Каково ему среди огромных плоскостей? Почти любой кинотеатр, а тем более райком, окружается сквером, достойным (по площади) мавзолея Тадж-Махал. Вы что, никакой архитектуры, кроме дворцово-парковой, не изучали? Стоимость земли, окружающей большинство служебных зданий в новых районах, превосходит стоимость самих зданий —

это безумная роскошь!

Предлагаю строить районы с квадратными кварталами, без просветов между домами (как в старых районах Ленинграда или на Тверской улице).

Пусть автобусы-экспрессы между соседними радиусами метро и тем самым разгрузить центр. Проложить или продолжить скоростные магистрали между соседними районами.

Использовать на благо общества одно из свойств нашей административной системы — простоту введения запретов и запретить строительство новых районов, пока не будут закончены старые «новостройки» и не будут заполнены ближайшие к центру пустыри.

А сейчас я открываю газету и читаю, что планируется расширить Москву чуть ли не до Подольска и возить людей на работу на неком, еще не разработанном скоростном метро. Сколько придется добираться до этого метро на обычном транспорте, статья умалчивает.

Москва

М. ШУМАКОВ 17

Что делает наша армия в Нагорном

Андрей МАЛЬГИН

Странный вопрос, скажет читатель. Ну, конечно же, не дает разгореться межнациональному конфликту: охраняет покой азербайджанских сел от армянских экстремистов, защищает армянские села от азербайджанских боевиков, попутно изымает оружие, следит за соблюдением законности, короче, переводит жизнь в Карабахе на мирные рельсы.

А я этому читателю отвечу: ничего подобного. Войска накаляют напряженность в области, проводят карательные акции, причем лишь в отношении одной из сторон конфликта, терроризируют мирное население, разрушают хозяйственные связи, участвуют в экономической блокаде... В минувшем ноябре я совершил поездку в Нагорный Карабах, побывал не только в Степанакерте, но и в разных, весьма отдаленных уголках этого несчастного края. Я ехал безо всякого предрешения к этим русским, украинским, латышским, узбекским ребятам, которых судьба забросила (точнее, командование направило) в «район чрезвычайного положения». Но теперь я знаю: внутренние войска МВД СССР, присланные сюда нашим Верховным Советом с миротворческой миссией, выполняют здесь иные — карательные — функции.

Предоставлю слово очевидцам, с которыми довелось общаться.

Сара Мангасарян — жительница села Каджаван Мардакертского района. Точнее, бывшая жительница, поскольку этого села больше нет. Оно уничтожено.

Несколько слов о селе. Это новостройка. Весной туда приехали жить с семьями два десятка молодых выпускников Степанакертского пединститута. Ребята отстроились, обзавелись скотом, распахали окрестные земли, открыли школу, детский сад, небольшой магазинчик, клуб. На беду, через поле, на расстоянии примерно километра, находилось село азербайджанское, и оттуда частенько постреливали. Я и сам слышал вечером автоматные очереди, хотя Каджаван сейчас пустует. Стены испещрены следами от пуль, стекла выбиты, на земле валяются разорванные детские книжки, внутри в домах поломанная мебель, снаружи бродят исхудавшие собаки...

— 24 октября, — рассказывает Сара Мангасарян, — без десяти пять утра мы были разбужены стрельбой из автоматов. Мы выскочили из дома и увидели, что обстрел ведется со всех сторон и что приехало очень много солдат. Все было освещено ракетами. Свет был очень яркий.

В наш дом ворвалось сразу сорок или даже больше солдат. Они стреляли в стены. Женщины и дети кричали, просили о пощаде. Мы слышали такие же крики и из других домов. Моего сына бросили на пол и стали без объяснений бить сапогами. Потом направили дуло автомата ему в шею и закричали: «Говори правду, сволочь! Сейчас мы тебя расстреляем». Мы спрашиваем: «За что? Что мы сделали?» «Такой мы получили приказ», — отвечают. Солдаты перевернули весь дом. Они искали не оружие, а деньги, украшения. Все меня сорвали: серьги, кольцо, крестик. Все деньги наши рассовали по карманам,

бросили мне три рубля: «Возьми, старуха, купишь завтра хлеба». Все, что было заготовлено на зиму в банках, было разбито. Всю нашу одежду изорвали. Пулями изрешетили потолок, а потом всех парней собрали вместе и увезли. Детей они избивали дубинками. У одного десятилетнего мальчика весь живот и вся шея — это один сплошной синяк... Днем пришли азербайджанцы и угнали наш скот.

Мариэтта Минасян, заведующая магазином, мать троих детей:

— Моего мужа Мгера избивали во дворе. Приставив автомат к груди, требовали сдать оружие. «Что, нет оружия? А как без оружия живешь здесь? Не страшно?» Не обыскали, а перевернули вверх дном мой магазин, забрали 600 рублей выручки, взяли 3000 рублей, сбереженных для строительства дома. От солдат услышала, что пустят газ. Детей уложила в постель, укутала, чтобы не отравились.

Гаяне Петросян, учительница школы:

— Мой муж, Армен Бабаян, тоже учитель. Наша двухмесячная зарплата — 380 рублей — и собранные для строительства дома 10 тысяч исчезли. Дверь и окна разбиты, в доме все разворочено. Нам попросто ограбили. Всех мужчин нашего села солдаты увезли с собой. Мы не знаем, что с ними делают. Нам пришлось разъехаться по своим родным, потому что без мужчин жить в Каджаване мы не можем.

Зоя Степанян, мать четверых детей:

— Мужу 28 лет, он работает в Каджаване электриком. Зовут его Степан. В ту ночь он дежурил. Мой брат, Борис Мкртчян, бежал от бакинских погромов. Хотел прописаться в Каджаване, взять посуду и построить дом. Брата избивали так долго, что он потерял сознание. Его бросили на сырой пол и били сапогами по спине и бокам. Меня и детей, один из которых грудной, вывели во двор. Было холодно.

Мариэтта Хачатрян, мать троих детей:

— На выстрелы я вышла и увидела Камо раненым, окровавленным. Автоматчики же рядом гоготали. Подошла, увела Камо домой, уложила. Его стало воротить. Поднесла ему стакан воды. Сейчас он в больнице, перенес две операции. А вот 31-летнего Алишу Бегчаряна убили из автомата.

То, что произошло в Каджаване, происходит и в других армянских селах Карабаха. Военные не признают местной власти (собственно, и обком, и облсовет, и районные Советы, и райкомы партии — запрещены, действуют, по сути, нелегально). Даже армянская милиция в области разоружена (в азербайджанских селах я видел большое количество милиционеров с автоматами; говорят, что это просто переодетые в милицейскую форму боевики Народного фронта Азербайджана).

Карабахе?

Из сводки МВД о происшествиях за октябрь:

«Убито: армян — 5, азербайджанцев — 1.

Ранено: армян — 6, азербайджанцев — 0.

Совершено разбоев и краж скота: всего — 15.

Угнано крупного рогатого скота: у армян — 825, у азербайджанцев — 0; угнано мелкого рогатого скота: у армян — 1224, у азербайджанцев — 0.

Обстрел населенных пунктов: армянских — 6, азербайджанских — 1.

Обстрелы, забрасывания машин камнями: совершено армянами — 2, азербайджанцами — 7.

Поджоги объектов: армянских — 1, азербайджанских — 0».

И далее самое интересное:

«За указанный период войсками комендатуры РЧП проведено четыре операции по изъятию оружия у населения (все в армянских населенных пунктах). В трех случаях найдены складирования оружия и другого военного снаряжения. В азербайджанских населенных пунктах таких операций не проводилось, как в НКАО, так и в прилегающих к НКАО районах Аз. ССР, входящих в район чрезвычайного положения».

Я хотел бы спросить коменданта РЧП генерал-майора В. Сафонова, почему он сосредоточил войска не в районах возможных столкновений армян с азербайджанцами, а в Степанакерте, городе с мононациональным (армянским) населением? В места конфликтов их не дозвешья, а Степанакерт наводнен техникой, патрулями, солдатами, которые ведут себя далеко не образцово.

Я хотел спросить об этом генерал-майора, но не смог: в день, когда я был в Степанакерте, он сначала несколько часов провел на торжественном заседании, посвященном годовщине Октябрьской революции, затем на торжественном обеде.

Но на все свои вопросы ответы я все же получил. В частности, в Степанакертской областной больнице, напоминающей ныне прифронтовой госпиталь.

Сорокашестилетний Робик Мирзоян жестоко избит. Его лицо — страшного желто-синего цвета, сплошной синяк. На лбу и на глазу повязка. Врачи сказали, что Робик остался без глаза.

— В половине десятого вечера, — рассказывает он, — я шел домой, чтобы успеть до начала комендантского часа. Со мной было трое друзей и мальчик. Неожиданно к нам приблизился патруль — пятеро солдат в бронежилетах. Они были как-то странно взвинчены, глаза их блестели. Я сразу же подумал, что они находятся под действием наркотиков либо пьяны. Они потребовали паспорта. Мы достали, а мальчишка, чего-то испугавшись, побежал от нас. Один из солдат вскинул автомат, чтобы стрелять в мальчика. Я не дал ему этого сделать. Тогда нас загнали в машину и продержали часа два или три. Потом подъехала другая машина, в которой еще были арестованные. Всех нас отправили в фильтрационный пункт. Там приказали встать лицом к стене, расставить ноги шире плеч. Тут же меня ударили прикладом автомата по голове, я упал, потерял соз-

нание. Потом мне рассказали, что, когда друзья попытались меня поднять, их тоже избili.

— Скажите, — спросил я Робика Мирзояна, — с вами первый раз такое происходит?

— Нет, однажды я сделал замечание офицеру, который матом обругал пожилую женщину. Тогда он приказал солдатам побить меня дубинками. Это было прямо на улице. Многие мои знакомые избиты солдатами в Степанакерте, среди бела дня.

Робик прав: таких случаев много. Даже на квартиру народного депутата СССР Зория Балаяна за несколько дней до моего приезда в Степанакерт неизвестные в военной форме совершили нападение. К счастью, он в ту ночь находился у матери, в другом месте.

В городе получило большой резонанс убийство патрулем архитектора Армена Акопяна. Он был убит тремя пулями у порога своего дома. Кстати, как свидетельствует хирург, производивший вскрытие, это были не обычные пули — а пули со смещенным центром тяжести. Попадая в тело человека, они несколько раз меняют направление, буквально разрывая его изнутри. В 1986 г. Советский Союз под нажимом мировой общественности вынужден был отказаться от применения этих пуль в Афганистане, но они, как видим, продолжают использоваться внутри страны. Именно этими пулями были в прошлом году убиты солдатами шестеро молодых людей на ереванском вокзале. До сих пор следы этих необычных пуль вы можете видеть на стене вокзала. Военные эксперты из союза «Щит», почти одновременно со мной посетившие в Карабахе те же адреса, обнаружили, что при проведении карательных акций в октябре также использовались эти пули.

В Степанакертской больнице я нашел в реанимации тяжелораненого жителя села Авдур Мартунинского района Юрия Гаспаряна. Правда, он был ранен не солдатами внутренних войск, а жителями соседней азербайджанской деревни.

— 27 октября, — рассказывает он, превозмогая боль, — в половине одиннадцатого утра я услышал крики снизу, из нашего села. Мальчик кричал, что азербайджанцы уводят наш скот, стадо баранов. Все мы побежали туда, с палками, но без оружия. Только я поднялся на гору, меня сразили автоматной очередью. Привезли в больницу, сделали операцию, а когда на следующий день приехала жена, я узнал от нее, что следом за угоном скота, как это всегда бывает, была проведена акция по изъятию в нашем селе оружия (хотя стреляли не мы, а азербайджанцы). В селе нашли только одно охотничье ружье, но четыре дома полностью разорили, в том числе дом нашего председателя колхоза. Ломиками, лопатками вскрыли полы, выбили двери, разбили окна, посуду. Одного парня, моего ровесника, связали и на глазах у родителей избili, сломали ему ребро.

Заинтересовавшись рассказом Юрия, я отправился по горячим следам в село Авдур. Второй секретарь райкома партии (повторяю, распущенного, но продолжающего работать; Карабах — единственное место в стране, где жители борются за сохранение райкомов и обкома) Валерий Айрапетян, оказавшийся свидетелем событий, рассказал о том, как они происходили. Как солдаты выбили окна и двери в домах, избili их жителей, как перебили посуду и утварь, расстреляли даже детскую кровать, распотрошили подушки. В числе пострадавших оказался председатель колхоза, которого избili, отправили на фильтрационный пункт — страшное место, откуда никто не возвращался в добром здравии. Причина — найденные в

его дворе две старые гильзы от охотничьего ружья. Когда солдаты закончили разорять дома, они сели в два БТРа, двинулись в центр села, сломав ограду памятника павшим воинам, в 9.00 остановили БТРы на площади и, включив музыку, принялись танцевать. После этой разрядки, повергшей жителей села в ужас, отправились разорять соседнее село Мирушен...

Еще об одной чудовищной акции рассказал мне первый секретарь Мартунинского райкома партии (затруднившийся сказать, какой именно партии: КП Азербайджана, КП Армении или КПСС) Олег Есаян:

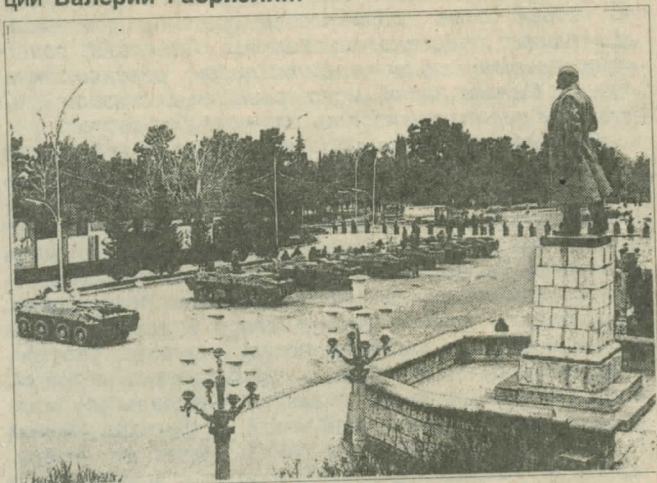
— Недалеко от границы с Физулинским районом (где проживают азербайджанцы. — А. М.) расположены села нашего района — Сос и Мачкашкен. 8 сентября жители этих сел торжественно открыли храм — Амарасскую церковь. А на следующий день около восьми часов вечера в храм ворвались военнослужащие, учинили в нем разгром, осквернили его, угрожая святыни. Мне тут же об этом сообщили, я связался с военным комендантом района Фоменко и попросил немедленно обеспечить охрану храма. Он отказался это сделать. Затем около часа ночи в райком позвонила Нашхун Аванесян, председатель колхоза, и возбужденно сообщила, что на ее колхоз напали, приехали БТРы и открыли стрельбу. Мы тут же выехали на место происшествия. Впереди двигалась машина, в которой были начальник райотдела милиции, три милиционера, по дороге к ним подседа председатель колхоза. Следом шел мой УАЗ, в котором, кроме меня, было еще два милиционера.

Примерно в двухстах метрах от храма все произошло. Милицейская машина с включенной мигалкой прорвалась вперед, на нее обрушился шквальный огонь, это заставило нас остановиться. Выбежавшие с близлежащей фермы люди сообщили мне, что приехали солдаты, стреляют во всех, кто проезжает мимо, задерживают, кого-то убили, и есть как будто много раненых. Я попытался связаться по радиации с начальником милиции, но он не отвечал. Минут сорок-пятьдесят шла беспорядочная стрельба, затем наступило затишье, после чего солдаты двинулись цепью в нашу сторону, прочесывая автоматами местность. Мы спрятались на ферме, которую буквально изрешетили пули. Были убиты две коровы, но никто из нас не пострадал. Мы попытались вернуться по той же дороге, но из близлежащего азербайджанского села по нашей машине открыл огонь замаскированный там БТР. Пришлось дожидаться рассвета и возвращаться через горы.

А вот что рассказал начальник райотдела милиции Валерий Габриэлян:

— Подъезжая к тому месту, с которого велась стрельба, я включил мигалку и через мегафон повторял: «Прошу не стрелять. Я начальник райотдела милиции. Готов вступить в переговоры». Ответом мне была стрельба прямой наводкой по нашей машине. Вылетело лобовое стекло, заглох двигатель. Мы выскочили из машины. Прямо перед собой я увидел коменданта Физулинской комендатуры майора Нестерова, окруженного группой солдат. Он потребовал бросить оружие и подойти. Первым поднял руки и двинулся в его направлении участковый инспектор, лейтенант милиции Агабекян. Тут же в него выстрелили, попали в плечо, он с криком упал. Нам ничего не оставалось делать, как броситься врассыпную. Я прыгнул в кусты, по которым сразу же был открыт огонь из многих стволов. Нестеров крикнул мне: «Выходи, а не то я тебя сейчас убью!» Я вышел, он несколько раз ударил меня автоматом. Примерно час всех нас заставили лежать на земле лицом вниз. Затем связали, сложили штабелями, как дрова, и погрузили в автобус. Нас было в этом штабеле 26 человек, в том числе женщина — председатель колхоза. Нас привезли сначала в Физулинскую комендатуру, потом в райотдел милиции. Больше суток продержали под арестом. Работников милиции не били, но мы слышали крики наших ребят — их жестоко избивали. Потом в Физули прибыл начальник УВД НКАО Ковалев, и после 8-часовых переговоров нас освободили. Выйдя на свободу, я узнал, что сразу после инцидента было передано сообщение ТАСС (в том числе и в программе «Время») о том, что армянские боевики совершили нападение на село Верин Диванлар Физулинского района и потребовали от жителей покинуть село. 19 боевиков взято в плен, среди них начальник райотдела милиции, то есть я...

В газете «Советский Карабах» от 2 ноября есть любопытная публикация. Вышедшие на свободу мартунинские «боевики» Сергей Арутюнян, Андраник Саакян, рассказывая об издевательствах, которым их подвергли в тюрьме солдаты внутренних войск, поведали такую историю. Оказывается, после особенно жестоких побоев их заставили позировать для необычной съемки. 70-летнему Саркису Саруханяну дали в руки гранату (а он, кстати, ветеран Отечественной войны, заслуженный человек, учитель), рядом с ним поставили остальных, и они должны были изображать некую атаку. Когда участники готовящейся инсценировки наотрез отказались принять в ней участие, их бросили наземь и долго избивали ногами. Что ж, сообщение ТАСС об армянских боевиках могло бы быть подкреплено фотоиллюстрациями!

Среди раненых, с которыми я разговаривал в степанакертской больнице, был Нельсон Баласанян, житель села Дудукчи Гадрутского района.

— Ночью, примерно в три часа, заслышав шум возле дома, я поднялся, разбудил семью. В дом ворвались солдаты в красных беретах, но некоторые были в обычной милицейской форме. Дети (а у меня их четверо) заплакали. Я сказал им: «Не плачьте, дети. Это же русские солдаты. Они не сделают нам ничего плохого». В этот момент меня ударили по лицу, сломали нос. Стали кричать: «Давай оружие!» Я ответил, что оружия нет. Тогда меня связали, бросили возле лестницы, стали переворачивать весь дом, убили собак. Когда выяснилось, что оружия нет, меня избили так, что я лишился сознания. Говорят, я потерял много крови. Сейчас приходила жена, сказала, что солдаты унесли все наши деньги — 800 рублей и все золотые вещи. Мешки с мукой, зерном, кормами порезали, и то, что в них было, высыпали на землю. Уходя, сорвали с петель двери, все разбили, что можно было разбить.

Я шел из больницы и думал — знаете о чем? Я думал о детях Нельсона Баласаняна и о других детях Карабаха. С каким чувством к русским солдатам и вообще к русским вырастает они? Не раз в Карабахе я слышал, что растет первое поколение, у которого ненависть к русским будет заложена в крови. Их отцы и деды не знали этого чувства. Никогда за всю историю Нагорного Карабаха русские не причиняли вреда его населению. Без малого двести лет назад Карабах вошел в состав Российской империи. Все взрослое население Карабаха ушло в 1941 году на войну. Оттуда вернулся 21 Герой Советского Союза.

«Русский солдат — хороший солдат», — говорили здесь. Больше так здесь никогда не скажут.

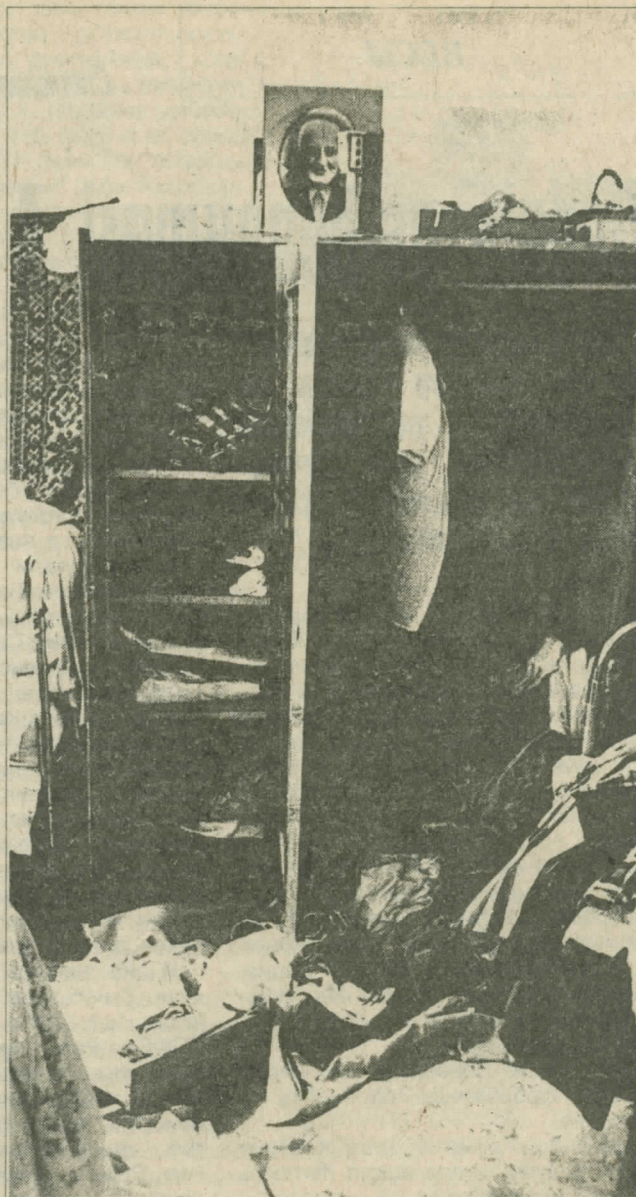
А еще я думал об этих солдатах. Я думал о том, какими людьми они вернутся из армии. Знаю, от многих слышал, что воины-афганцы романтизируют свой фронтовой опыт, гордятся своими подвигами. Чем же будут гордиться вчерашние солдаты, вернувшиеся из Нагорного Карабаха? Что они принесут с собой в нашу мирную жизнь, какой опыт, какие навыки, какие чувства?

Зверь, испробовавший человеческую кровь, становится людоедом. Рижские омоневцы, участвовавшие в уничтожении села Каджаван, награждены правительственными наградами. На ноябрьские праздники они прибыли из Карабаха к месту постоянной дислокации и уже 9 ноября учинили в Юрмале кровавый разбой. Латвия содрогнулась. А боевое крещение они получили двумя неделями раньше — в Каджаване.

Свою статью я начал беседой с Сарой Мангасарян, которая была очевидцем этой карательной акции. Я искал ее целый день — уцелевшие жители села разбежались по разным деревням, найти их было не так просто. Мы разговаривали при свечах — электростанция, находящаяся в азербайджанском районе, по вечерам отключает свет в армянских селах. Накануне нашего разговора, 4 ноября, у ее сына должна была быть свадьба. Она не состоялась — мужчин увезли солдаты. Тут же за столом сидел старик, отец невесты.

«Скажите, — спросил я Сару, — вот сын вернется. Где вы будете жить? Неужели в Каджаване?» — «Обязательно!» — воскликнули все присутствующие, в том числе и отец девушки, которой придется ехать с молодым мужем под пули. «Это наша земля, — сказали люди. — Мы будем жить на ней».

Кто услышит их? Кто поймет?

Даешь референдум! А зачем?

В результате референдума по вопросу «Быть ли Крымской автономной республике» все поссорятся со всеми и потеряют Крым навсегда.

Совсем недавно еще, когда татары с бессильным отчаянием заговаривали о восстановлении государственности, автономии, о возрождении Крымской АССР, видя в этом единственный путь сохранения себя как народа, мы в ответ только удивлялись: «Ишь, чего захотели...» И вот теперь сами торопимся. На 20 января внеочередной сессией областного Совета назначен референдум, в ходе которого предстоит ответить на вопрос: «Вы за воссоздание Крымской Автономной Советской Социалистической Республики как субъекта Союза ССР и участника Союзного договора?»

Торопимся! Первоначально референдум собирались проводить в феврале.

Не лежит у меня душа к этому референдуму, и все время пытаюсь понять: почему?

Казалось бы, так просто: «Да будет слово ваше: «да, да», «нет, нет»; а что сверх этого, то от лукавого». Не тот случай. Я не хочу примыкать к победителям, к заведомому большинству, которое скажет «да», но мне неприемлемы и доводы тех, кто собирается ответить «нет».

Я против референдума потому, что он уведет нас от поиска компромиссных, взаимосогласованных решений; не дав практически ничего, он может поссорить всех: Украину с Россией, Крым с Украиной и Россией, да и нас, живущих в Крыму, между собой.

Если бы это не звучало выпендрено, сказал бы: я буду бойкотировать крымский референдум. Впрочем, судя по всему, не я один.

Идея референдума давно зреет

в наших краях. Еще со времени борьбы против строительства Крымской атомной электростанции. Но тогда победили, не прибегая к этой мере. Что же дало ей толчок сейчас, на нынешнем, так сказать, витке нашего бытия? Думаю, что решения о государственном языке, принятые год назад в Киеве.

Они испугали население Крыма, в абсолютном большинстве состоящее из русских, перспективой украинизации. Сразу скажу, что я владею украинским языком. Но дело не во мне. Относясь с пиететом к украинскому языку, полностью разделяя чувства его ревнителей, я не приемлю в таких вопросах насилия. Безнравственна русификация, но чем лучше принудительная украинизация? В самом законе «принудительного» вроде бы не так уж и много. Однако много ли нужно, когда дело касается такой деликатной материи?

И наслоились два обстоятельства. У нас жива память о том, что Крым до 1954 года входил в РСФСР. Разыгранный Н. С. Хрущевым акт передачи его Украине был, несомненно, произвольным, поистине волюнтаристским. И другое: «радикализм некоторых членов Руха и Украинской республиканской партии», как острожно и вполне дипломатично сказано недавно в одной уважаемой газете.

Крымчан раздражают шумные упреки киевских парламентариев в том, что на полуострове нет ни одной украинской школы. Будто они есть, скажем, в Донецке или их много в Харькове или Одессе. Будто кто-то препятствует созданию таких школ. Да ради Бога! Возьмитесь за это, перейдите от слов к делу. Украинцев-то в Крыму и в самом деле больше полумиллиона.

На последнем съезде писателей Украины слышались жалобы на то, что в Киеве нет ни одного украинского детсадика. По-видимому, эта проблема уже решена, иначе чем объяснить такое внимание к Крыму?

Раздражают поверхностные, лег-

ковесные исторические экскурсы некоторых уважаемых депутатов и заявления на весьма высоком уровне о Крыме как об исконно украинской земле, неотъемлемой части Украины и т. д. Но как быть тогда с Бахчисараем, с Керчь-Пантикапеем, с Феодосией-Кафой, со Старым Крымом-Солхатом, с Сурб-Хачем? Наконец, с Севастополем — «городом русской славы»?

Не надо бы швыряться словами. Даже в полемическом запале.

Сторонники «украинского Крыма» скорее всего скажут «нет» в ходе референдума, усматривая (не без оснований) лукавство в самой постановке вопроса о Крымской АССР как субъекте Союза ССР и участнике Союзного договора, подозревая, что это — путь к отделению Крыма от Украины.

Собственно, такие намерения и не скрываются. Цитирую «Крымскую правду» за 29 ноября:

«...Те, у кого еще свежи в памяти события 1954 года, когда крымчан, точно так же, как сейчас, заставляли в пожарном порядке учиться говорить и писать по-украински, менее терпеливы.

— Это был произвол, которого мы никогда не простим, никогда не забудем и никогда не смиримся с ним, — заявил, выступая от имени ветеранов партии, войны и труда, А. К. Добров. — Я поддерживаю тех, кто выступает за отмену уничижительного указа 54-го года. Многие севастопольцы не согласны быть в составе Украины».

Даже если и некорректно, то весьма эмоционально. Жесткие настроения.

Поборников «украинской партии» здесь меньшинство, однако и у него есть шансы. Оно может заблокировать решение сторонников нынешней автономии, которым для победы необходимо не менее двух третей голосов. Впрочем, это маловероятно. Результат предreshен. Но зачем тогда всё это? Ведь Председатель Верховного Совета республики Л. М. Кравчук сказал, что украинский парламент и без референдума преодолит Крымскую просимую автономию...

Тут есть, однако, своя тонкость. Нынешний сценарий разработан таким образом, что на авансцену должен выйти и выходит с призывом к сплочению и всенародному голосованию спаситель — тот самый партийно-советский аппарат, который еще недавно багровел от одной мысли о восстановлении государственности Крыма.

Инициатива-то данного референ-

дума возникла на областной партконференции, и решение о его проведении принято именно с этой подачи. Попробовали бы они пикнуть о чем-то подобном при Щербицком! А сейчас можно.

Как это напоминает сценарии, уже разыгранные — с кровью — по соседству. Абсолютно та же схема: с одной стороны, эйфория от свободы, от провозглашенного в республиканской столице суверенитета, от цветов национальных флагов, от закона о государственном языке; а на этом фоне зреет тревога «русскоязычных»; сперва в кулуарах, а потом где-нибудь на митинге выстреливается фраза: «Ельцин нас предал». И становится ясно, что спасение только под обветшавшими красными знаменами «пролетарского интернационализма»...

И так, ждем волеизъявления «народа Крыма». А такого попросту нет. Есть издерганные люди, принадлежащие к разным народам, разным нациям и верованиям. Есть население полуострова, пестротой своей мало чем отличающееся от населения, скажем, приднестровских районов Молдавии.

Говорим о политизации народа, а он не столько политизирован, сколько «люмпенизирован». Я сам наблюдал это при разгроме палаточного городка татар в Ялте, которому, кстати, предшествовали другие вспышки насилия.

Нетрезвые молодые люди, доставленные в центр, на Советскую площадь, неведомо кем на неведомо откуда взявшихся автобусах, явно жаждали почесать кулаки.

Многочисленные наряды милиции пребывали в летаргии и приходили в движение, лишь когда реальная опасность стала угрожать смертоубийства.

Партийные и советские отцы города, тоже наблюдавшие происходящее сквозь широкие, выходящие на площадь окна ялтинской мэрии...

Решение о референдуме принято без татар и, похоже, вопреки им. Рассуждения о голосовании татар за пределами полуострова, в местах их нынешнего проживания, звучат, мало сказать, неубедительно — фальшиво. Да и нужны ли эти голоса, если они будут отданы «против»? А другого трудно ждать от людей, для которых крымская автономия, какой она видится инициаторам референдума, будет еще одним шагом на пути к их исчезновению как этноса.

Вот такие невеселые дела. Есть соблазн с умным видом ска-

зать: а за всем этим лежит глубокое недовольство экологическим, экономическим состоянием края, очередями, купонами и талонами, разочарование в недавно избранных Советсах... Но ведь и в самом деле так. Крым разорён, загажен, сверх всякой меры урбанизирован, почти полностью потерял свои уникальные свойства. На сохранение бесценных памятников истории и культуры не находится средств, зато построены новые дворцы и величественные административные здания.

Можно даже рискнуть и привести сравнение: после приснопамятных постановлений о борьбе с пьянством исчез сахар, а законы о языке — так, как они были у нас восприняты, — сделали острейшим дефицитом обычные человеческие отношения.

Сначала русские и украинцы все вместе внимали вздорным слухам о зловещих замыслах и даже поступках татар — эти слухи с удивительной синхронностью возникали в разных концах полуострова. И вот новый тектонический раскол — между украинцами и русскими.

А дальше?

Даёшь референдум!

Конечно, было бы слишком плоско считать, что он нужен только для того, чтобы сам народ пересадил нынешних своих областных руководителей в республиканские министерские кресла. Однако же первым шагом после победы будет «преобразование соответствующих органов государственной власти и управления в Верховный Совет и Совет Министров Крымской АССР».

Итак, областной Совет провозгласит себя Верховным Советом и, по-видимому, начнет (совсем как взрослые) заседать на постоянной основе. Примем Декларацию о суверенитете и, очевидно, заявим о верховенстве местных законов (иначе не стоило и огород городить).

Получим президента, получим министров. Хорошо зная и этих мужей, и положение дел в области (простите — в республике), легко представим себе смелость и самостоятельность их решений...

А как будет вести себя наш нынешний сюзерен? Конституция Украины еще не принята, а там тоже, скорее всего, будет статья о верховенстве ее законов над местными. Да и статус автономии (если он будет принят) не исключает жестокости со стороны республики. Пример тому... Однако не стану приводить примеры, чтобы не накалять страстей.

ПИСЬМО ИЗ СЧАСТЛИВОГО РАЙОНА

В других районах сплошные проблемы — того нет, этого нет. В нашем, Карачаровском, все совсем по-другому. Врачей и работников торговли — в избытке. Вдоль и поперек Карачарово пересекают транспортные артерии. А «нежилой» наш фонд не какие-нибудь министерства да театры, с которых нечего взять на развитие района, а мощные и рентабельные заводы.

Выходит, мы живем куда лучше, чем наши соседи? Что ж, посмотрим.

Люди наши, как и повсюду, стоят в огромных очередях к своим участковым врачам. А те разрываются между приемом больных и посещением их на дому. Все объясняется просто: остальные врачи числятся либо в заводских поликлиниках, либо в железнодорожной санэпидстанции и т. п.

То же самое с торговлей. В Карачарово расположены знаменитые многоэтажные склады ГУМа и «Детского мира». С раннего утра режут многотонные грузовики — что-то увозят, что-то привозят. А два универмага в том же Карачарово, до которых не грузовиком, а тележкой можно было бы товар довести, — вечно пусты. Есть у нас и две гигантские овощные базы. А что в наших овощных магазинах? Правильно, сплошная гниль и продавец в замызганном халате.

И с демократией у нас все в порядке. В районе готовится новое строительство. Нам предоставили право выбирать, что для нас нужнее: жилой дом или поликлиника. Как ни странно, такой выбор никому радости не принес. Все понимают, что строить поликлинику — значит даром расходовать средства. Ведь есть заводские, которые можно повернуть на обслуживание всего населения. А жилой дом в окружении девяти заводов... Можно себе представить, на что новоселов обречем.

Посылаю вам свои заметки. Жаль только, что ваш журнал я еще ни разу не видел. Газетный киоск у нас, конечно, тоже есть. Но он вот уже несколько месяцев закрыт. Так что подписаться «ваш читатель» я, извините, не могу.

Москва

КГБ СЕГОДНЯ ЗАЩИЩАЕТ КОНСТИТУЦИОННЫЙ

СПЕЦХРАН

И... УНИЧОЖАЕТ

Подполковник госбезопасности Александр Кичихин обвиняет: «Мы предупреждали о возможной резне. Кровь Карабаха, Сумгаита, Узгена, Оша — на совести руководства компартии». Он информирует: «Сейчас в КГБ активно уничтожаются архивы. Дела Сахарова и дела Солженицына больше не существует». А также требует: «Немедленно департизировать органы ради спасения перестройки и сохранения гражданского мира».

— Александр Николаевич, в последнее время вы довольно часто выступаете в средствах массовой информации с обвинениями в адрес руководства КГБ и КПСС. Чем это вызвано?

— Обратиться к общественному мнению меня вынудило преступное бездействие руководящего состава нашего Комитета и ЦК КПСС, в результате которого может пролиться новая кровь ни в чем не повинных людей. Теперь уже в Поволжье. Так что молчать в данной ситуации мне не позволяют совесть и гражданский долг.

— О каком назревающем межнациональном конфликте вы говорите? И разве можно предвидеть пролитие крови на этой почве?

— Дело в том, что я работаю заместителем начальника отделения в Управлении КГБ СССР по защите советского конституционного строя. Одной из главных задач нашего отделения как раз и является прогнозирование межнациональных конфликтов. Со всей ответственностью человека и профессионала смею заявить, что мы предвидели трагическое развитие событий на межнациональной почве еще задолго до того, как они произошли. Мы предупреждали о возможной резне в Сумгаите, в Узгене и Оше. Однако наши докладные записки, направленные в соответствующие инстанции, были похоронены в аппаратных недрах ЦК КПСС. По крайней мере руководство компартии, которое до недавнего времени правило нашей страной, не сделало ничего, чтобы использовать эту информацию для погашения назревающих конфликтов. У населения страны много

упреков: «Куда смотрел КГБ при приближении межнациональных конфликтов?» Но никто не знает, что рядовые сотрудники свое дело по предсказанию кровавых драм делали четко и добросовестно. А вот руководство КГБ. Почему, например, председатель нашего комитета В. Крючков, как член Президентского совета, не добился реализации нашей предупреждающей информации по предотвращению гибели людей? И почему с В. Крюкова и других членов Президентского совета никто не потребовал ответа за все? Так что к тем миллионам, которые были уничтожены за годы Советской власти, я причисляю и новые тысячи жертв в Закавказье, в Средней Азии, в Молдавии уже во времена перестройки.

Именно такое преступно-халатное отношение к информации, добытой нашим отделением, и толкнуло меня на конфликт с руководством КГБ и КПСС. Вот уже больше восьми лет я занимаюсь советскими немцами, незаконно выселенными в годы войны со своих исконных земель в Поволжье. Естественно их стремление вернуться на родные земли и возродить там свою автономию.

Однако партийно-хозяйственное руководство Саратовской области, куда возвращаются советские немцы, в последнее время развернуло мощную антинемецкую кампанию среди населения. Появились даже призывы физического устранения приезжающих немцев. Только рассудительность и выдержка немецкого населения позволяют пока избежать прямой конфронтации и крови.

— Но для чего партийно-хозяйственному руководству Сарато-

вской области разжигать межнациональные страсти до вооруженного столкновения?

— Дабы избежать справедливого возмездия. Я несколько раз был в Саратовской области и специально занимался анатомией конфликта. Суть его вот в чем. Антинемецкие настроения в Поволжье разжигает начальник объединения «Саратовводстрой» Иван Кузнецов. По существу он является хозяином области, так как располагает несметными финансовыми и материальными ресурсами, ежегодно выделяемыми центром на мелиорацию в регионе. А что такое мелиорация в действии, знает лишь тот, кто с ней сталкивался. Мелиорации всегда сопутствуют экономические и экологические преступления. Есть данные, что на некоторых мелиоративных объектах области использована лишь половина выделенного строительного материала. Другая половина попросту украдена.

Различные махинации позволяют начальнику «Саратовводстроя» возводить комфортабельные жилые дома и дачи для нужных выскопоставленных чиновников. За время командировок я собрал немало документальных свидетельств о методах саратовской мелиоративной мафии. До выхода на пенсию ей покровительствовал сам Егор Лигачев.

Так вот. Советские немцы заявляют: как только будет восстановлена их автономия в Поволжье, они потребуют немедленного судебного расследования преступной деятельности мелиораторов, которые истощили и загадили в области тысячи гектаров плодороднейших земель.

Обо всем этом я доложил своему непосредственному начальству, когда вернулся из Саратова. Но мне напомнили нашу инструкцию, согласно которой сотрудники КГБ не имеют права собирать компрометирующую информацию на избранных партийных и советских руководителей.

— Но ведь начальник объединения «Саратовводстрой» к ним не относится...

СТРОЙ АРХИВЫ

— К сожалению, и он попадает в этот перечень неприкасаемых, так как является членом бюро Саратовского обкома партии. Нарушая служебную субординацию, в ноябре 1989 года я написал докладную записку на имя председателя КГБ В. Крючкова. Но чтобы эта записка все-таки дошла до него, я обратился к председателю не по служебной линии, а по партийной. Как коммунист к коммунисту. Просил разрешения передать собранные мной материалы в Прокуратуру Союза.

В. Крючков прочитал мое послание. И предложил изложить суть дела на стандартных четырех страницах. Именно в таком объеме КГБ составляет докладные записки для ЦК КПСС. Я написал. И через несколько дней с моей информацией были ознакомлены все члены Политбюро. Об этом в нашем управлении долго вспоминали. Ибо в истории КГБ никто не помнил такого случая, чтобы инициатива рядового сотрудника имела такой резонанс.

Однако радость оказалась преждевременной. В ЦК КПСС о моей записке быстро забыли. А тем временем обстановка в Саратовской области продолжала ухудшаться. В любую минуту конфликт мог перерасти в физическую расправу. Поэтому я и решил действовать по своему усмотрению. Направил открытое письмо почти двумстам народным депутатам СССР, а также в 12 центральных газет. Газеты не откликнулись. А письма народным депутатам не дошли. В Секретариате Верховного Совета СССР мы узнали, что они почему-то были изъяты и возвращены в КГБ.

Мой материал опубликовало вначале только одно издание — центральная газета советских немцев «Нойес лебен». Товарищам по работе понравилось выступление, а вот руководство КГБ отреагировало на него резко отрицательно. Как наш комитет умеет выкручивать руки, общественность, вероятно, представляет по делу Калугина.

Я не буду пересказывать все то,

что произошло со мной на службе за эти месяцы. И следили за мной, и клеветали, и угрожали. Сейчас фактически я отстранен от оперативной работы. И только благодаря поддержке товарищей меня еще не уволили из органов.

Единственное, чем мне приходилось заниматься в последнее время, так это уничтожением своих архивов.

— **То есть как уничтожением?**

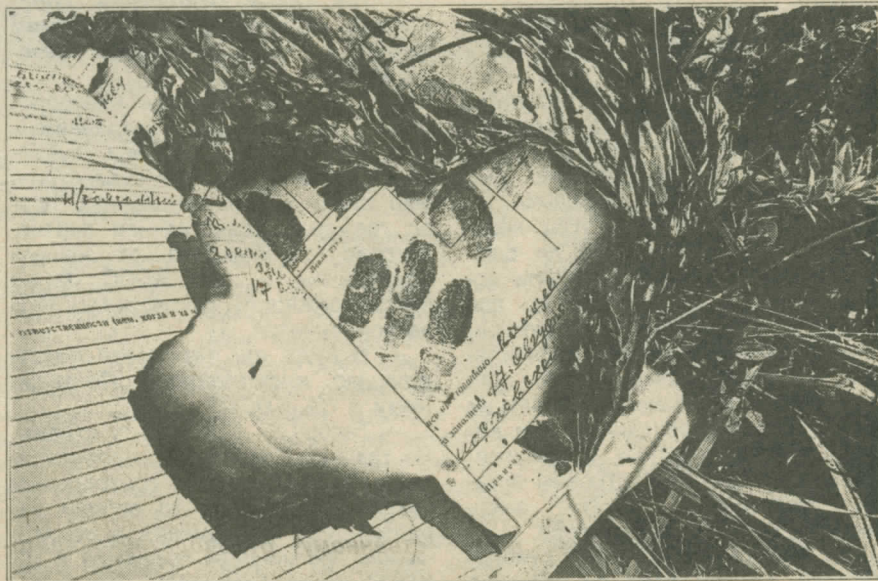
— Дело в том, что несколько месяцев назад наше Пятое идеологическое управление было преобразовано в Управление по защите советского конституционного строя. Чем оно должно заниматься, пока точно никто не знает. А чтобы никто не узнал, чем мы занимались до сих пор, сотрудникам управления был дан от руководства устный приказ очистить сейфы от документов.

— **Но ведь вы могли отказаться их уничтожать...**

— Что значит отказаться?.. Мы люди военные. И приказ есть приказ. За невыполнение приказа меня вообще могли отстранить от работы, и уничтожением моих документов занялся бы кто-то другой. Так что отказ тут ничего не решал. Подчинившись ему, я старался все-таки спасти наиболее ценные документы.

Что же касается моего личного отношения к подобному очищению, я считаю его двойным преступлением. Не только перед современниками, но и перед потомками. Из-за страха последующего разоблачения

Фото Ю. Рыбчинского

уничтожаются бесценные исторические материалы. Такое уничтожение нельзя считать ошибкой.

— Среди уничтоженных вами документов были такие, которые вызывали стыд, раскаяние?

— Я работал по убеждению и совести. Вероятно, потому и пришел к таким выводам. Скрывать в прошлом мне нечего! Повторяю: наиболее ценные свидетельства я сохранил. Более того, на основании собранных исторических документов я подготовил большой материал о судьбе советских немцев. К сожалению, не могу пока найти для нее издателя. Слишком много в ней фактов, компрометирующих шовинистическую сущность нашей власти.

— Вы сказали, что в вашем управлении уничтожаются документы. Но именно ваше управление в недавнем прошлом совершало немало антиконституционных действий, преследуя инакомыслящих. И что, теперь этих архивов нет?

— Насколько мне известно, уже уничтожены дела на Сахарова, Солженицына и других правозащитников. И теперь ничего нельзя восстановить. Ничего нельзя доказать. К примеру, само утверждение, что Андрея Дмитриевича Сахарова кто-то преследовал, становится клеветой. Не существует, я уверен, на сей счет уже никаких документальных улик. Они были уничтожены в первую очередь. И теперь, даже если Съезд народных депутатов СССР потребует от Крючкова предоставить факты физической и моральной «обработки» академиком органами безопасности, он с чистой совестью таких документов не обнаружит.

Еще пример. Несколько лет назад были уничтожены и все дела на лиц, которых органы КГБ «профилактировали». А ведь результатом этих дел зачастую являлось увольнение людей с работы и «изгнание» с места жительства. Мне представляется, что прошлым летом из нашей истории этим незаконным устным приказом по бывшему пятому управлению была вообще изъята и уничтожена вся страница, посвященная советским правозащитникам многих десятилетий. Но всего объема этого преступления я не знаю. Не знает ни один рядовой сотрудник, среди которых немало честных и добросовестных людей. Так устроены органы: исполнители должны знать лишь то, чем они занимаются.

Что же касается наших руководителей, то они вряд ли что-либо

расскажут журналистам. Это не в их интересах.

— Может ли КГБ оказаться той силой, с помощью которой консервативные партии вернут наше общество к развитому социализму?

— Трудно сказать. С одной стороны, насколько мне известно, КГБ СССР недавно переданы дивизии особого назначения. Для них не составляет труда в считанные часы ввести в любом городе страны военное положение. Но, с другой стороны, органы уже перестали быть тем бездумным карательным механизмом, который осуществлял все предыдущие репрессии. В КГБ сейчас происходит расслоение личного состава. Растет недовольство рядовых сотрудников своим руководством. Ибо почти все руководящие посты в комитете занимают бывшие партийные работники. Они исключительно далеки от цивилизованного понимания задач нашего ведомства. И думают, прежде всего, не о государственной безопасности, а о том, как спасти своих бывших зарвавшихся дружков по партии от справедливых разоблачений.

И этот узкопартийный интерес они навязывают всему комитету. Тормозят инициативу снизу, манипулируют направлениями в работе.

— Так каков же итог последних перестроек в вашем ведомстве? КГБ уже не занимается нашими убеждениями? И органы не собирают больше досье на прогрессивные движения и общественные организации?

— Нет, почему же, общественными организациями, прежде всего партиями, мы занимаемся.

— Но какое отношение собираемая информация по партиям имеет к государственной безопасности?

— Считается, что мы контролируем деятельность создаваемых партий для того, чтобы они случайно не замахнулись на государственную строй и конституционные права граждан. Единственная партия, которая освобождена от нашего «внимания», — это КПСС. В ее благонадежности руководство КГБ не сомневается.

— И куда вы передаете поступающую информацию? По-прежнему в ЦК КПСС?

— Теперь — Президенту страны. Но так как Президент по совместительству является и генеральным секретарем партии, то вполне вероятно, что информация о политических противниках поступает в ЦК КПСС через Горбачева. Это неза-

конно. Ибо в цивилизованном обществе ни одна партия не имеет права следить за делами другой, используя при этом государственные структуры.

— Попробуйте спрогнозировать свою судьбу после этих признаний...

— Мне уже неоднократно давали понять, что в КГБ СССР я человек нежелательный. Но повода уволить у них нет. Думаю, меня попытаются вытолкнуть в российский комитет госбезопасности, если такой будет создан. И я с удовольствием перейду. Я даже уже думаю о том, каким он должен быть.

— И каким же?

— Прежде всего департизированным. И это не только мое мнение. Недавно проводили анонимное анкетирование сотрудников нашего управления. Свыше восьмидесяти процентов опрошенных высказались за департизацию органов. И это притом, что анкеты распространял наш партком, ориентируясь на самых благонадежных. Вторым важным моментом я считаю демилитаризацию органов. Являясь людьми военными, мы вынуждены порой выполнять приказы, которые противоречат нашим моральным представлениям. А так быть не должно. И наконец, в органах необходимо покончить с преемственностью поколений. Могут быть династии сталеваров и хлеборобов. Но династий чекистов быть не должно. Сегодня КГБ СССР в значительной степени засорен сынками и внуками бывших чекистов и партработников. Эти наследники создают группировки и кланы, которые нередко ставят свои интересы выше интересов безопасности страны. Ведут борьбу за престижные места в комитете, а потом нередко первыми продают наши секреты и совершают другие преступления. Если бы наша разведка обнародовала список предателей последних лет, то выяснилось бы, что большинство из них — дети элиты.

В то же время есть большие опасения, что и Российский КГБ будет сформирован по принципу «застойных» и репрессивных времен. Во всяком случае, туда уже пытаются «внедрить» руководителей, послушных аппарату и скомпрометировавших себя в прошлые годы.

И пока КГБ от этого не избавится, быть ему послушным орудием партии в борьбе с демократией и прогрессом.

Сейчас принято публиковать письма читателей, которых обуревают высокие гражданские чувства. Добролюбов и Герцен перед простыми советскими читателями блекнут. А вот отделу социально-бытовых проблем «Столицы» в этом смысле не везет: мы получаем письма, авторы которых не берутся соперничать с Бисмарком или Лигачевым в разрешении политических или крестьянских кризисов. В то время как в обществе, потрясаемом президентскими указами, ежедневно совершаются исторические события, наши читатели почему-то никак не поднимаются над жизнью и мыслят, как вы увидите, все еще довольно приземленно.

ОТДЕЛ СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫХ ПРОБЛЕМ

**Зима
одежды нашей**

Зимнее пальто для ребенка в магазине не купишь. Пальтовой ткани в продаже нет...

Забралась на антресоли, достала свое старое, еще не изношенное пальто и, как в старые добрые времена, собралась отдать в перелицовку. Так ведь и этого не делаешь! Детские ателье, оказывается, переквалифицировались на пошив пальто исключительно из лаке на синтепоне! Из лаке, понимаете? На синтепоне. Лаке — это разновидность болоньи, синтетика. А синтепон — и есть синтепон: светит, да не греет. А я-то хочу одеть своего ребенка в теплое зимнее пальто, а не в нечто, что воздуха не пропускает.

Но шить из лаке на синтепоне детским ателье в Москве выгодно и бесхлопотно: клади себе на лаке лекала 32-го, 34-го, 36-го детских размеров — вырезай и склеивай. С лаке да с синтепоном наши портные совсем разучились шить, забыли, как сантиметром обмеривать человека. Гонят скафандры.

Гонят скафандры детских размеров и еще так искренне возмущаются: чего это им звонят «мамаши» и предлагают перелицевать свои собственные девичьи пальто. Возмутительно! В ателье № 10 под названием «Теремок», которое обещает шить «верхнее пл. для девочек», шьют бесполоую одежду из лаке на синтепоне. В ателье на Остоженке, 9, сказали, что вообще не шьют на индивидуального человека — только готовое и на продажу. Не ателье, а магазин!

С отчаяния я позвонила в справочную «Службы быта». Диспетчер долго листала какой-то заповедный справочник, назадала мне массу вопросов: где живу, да какие улицы ко мне ближе, да до каких ателье мне будет недалеко ездить — сервис! А потом вздохнула — видно, устала от листания — и говорит: в Краснопресненском районе ателье, где из моего пальто сделали бы пальто на мою дочку, нет.

— Ничем не могу вам помочь. Попробуйте позвонить в объединение «Авангард»: 216-19-95.

Звоню. Никто не отвечает. Не отвечает день, два... Не отвечает вообще. Хоть бы робота поставили: «Ждите ответа...», тогда у нас, «мамаш», надежда бы оставалась, что наши дети к зиме будут тепло одеты.

А так — никакой одежды... извините, надежды.

Галина НОВИКОВА,
«мамаша»

**Спасибо,
хоть
предупредила...**

Не бывает кооперативов хороших или плохих. Бывают нужные или не очень. Это — теоретически. Однако «в жизни», когда даже самые крепкие кооперативы вдруг не выдерживают темпа и перестают справляться с заказами, они выходят из положения, совсем как обычные государственные учреждения!..

«Была назначена свадьба моего сына. Еще за месяц до нее в специализированном кооперативе, который обслуживает только новобрачных, «ТРАНСПЭК», сын заказал две машины и заплатил за эту будущую радость 150 рублей.

В день свадьбы собрались друзья, чтобы ехать за невестой. Вдруг раздается телефонный звонок и незнакомая девушка говорит, что она из кооператива «ТРАНСПЭК». Я сразу почуяла сердцем недоброе и взглянула на часы: до выезда оставалось всего 50 минут. Мои подозрения оправдались: девушка сказала, что одной машины не будет, сделать она уже ничего не может и не будет ничего делать, потому что она сейчас вообще-то звонит уже не из родного кооператива, а из отчего дома.

Мы взмолились: что же нам делать? Время регистрации брака назначено, за невестой надо ехать на другой конец города!.. Неумолимая девушка предложила нам ловить такси. Она еще добавила, что сделала нам одолжение, позвонив из дома. Тогда я кинулась звонить кооперативному диспетчеру, но трубку никто не поднимал...

Посылаю вам копию несчастной квитанции на 150 рублей. Сами можете прочесть, какие строгие санкции кооператив предусмотрел для вечно бесправного заказчика, если он вдруг откажется от машины, и какие для себя, собственно, он не разработал никакой ответственности. Если, конечно, не считать, что в крайнем случае возвращает деньги, которыми пользовался целый месяц. А моральный ущерб, нанесенный заказчику, не в счет? Да еще в такой день!

«Кроме кооперативной машины, не пришли еще четыре некооперативных такси, которые мы заказали накануне. На них должны были ехать в ресторан бабушки и невеста. Ну, с божьей помощью доехали. А когда добрались до ресторана в Олимпийской деревне, то оказалось, что на столах нет ничего из того, что заказывали за день до свадьбы...

Вот такая свадьба. Вот это московский сервис.

В. Сергеева.»

Так что, как видите, плохих кооперативов не бывает. Плохой кооператив как две капли воды похож на государственный ресторан.

Советский миллионер: ПАТРИОТ ИЛИ МАФИОЗИ?

По общему мнению, миллионер в Советской России — это обязательно теневик, завсегда с ресторанами, барин, не ведающий, чем дышит народ. А вот вам миллионер-меценат, работающий без сна и отдыха, покровитель культуры, генеральный директор НТЦ «Технология» А. Павленко.

— Как среднестатистический советский человек, я глубоко убеждена, что хорошо устраиваются в нашей сегодняшней жизни либо все те же «аппаратные дети», либо спекулянты, рвачи да жулики. Вы, Саша, ведь даже не москвич по происхождению, из Кустаная в столицу приехали. У вас был могучий дядя или просто ловкость рук, ума, смекалка, а в результате — квартира в центре, «мерседес» и «заграница» уже как дом родной?

— У меня не было никого из родственников здесь. Женился на четвертом курсе института, развелся через несколько лет. Кому нужен безденежный и бесквартирный ученый? Первое время жил на кафедре, потом в общежитии у приятелей, потом снимал одну квартиру, другую, оформился по совместительству сторожем на Новосибирской, занимал служебную квартиру, где сейчас моя фирма. Затем увлекся МЖК в своем Свердловском районе. Собирался защищать диссертацию на кафедре технологии переработки неметаллических материалов МАТИ. И решил — не биться головой о стену, внедряя свои изобретения на кафедре, а создать новую систему организации научной деятельности.

— То есть заделались бизнесменом, капиталистом при «недораз-

витом социализме». Но для этого нужен был начальный капитал. Артем Тарасов, говорят, нашел его на свалке, в куче неликвидов. А ваши деньги — из какого «сора» проросли?

— Научно-технические центры, в отличие от кооперативов, с самого начала, с 1987 года, находились под контролем государственной системы. Взлет многих кооперативов объясняется именно льготами: низкими по первую пору налогами, свободой в обращении с наличными деньгами. Мы же платили 30% налога (не путать с молодежными центрами, пародией на научные, они были освобождены от налогов). Любый кооператив проходил стадию накопления простым путем. Имел возможность получать в банке наличные деньги. Допустим, полмиллиона. Покупал, к примеру, на эти деньги компьютеры по 30-40 тысяч, а продавал по безналичному расчету по 50-60. Закрытые предприятия в 87 — 88-м годах миллиарды разбрасывали, чтобы иметь технику. Кооператор мог сколько угодно потратить наличных денег, потом перевести на себя сберкнижку и распустить кооператив. НТЦ обязывались вести баланс, строгий учет средств. Без разрешения координационного совета из представителей райкома партии, комсомола, райисполкома я даже сломать главного бухгалтера не мог уволить.

— Это связывало вам руки?

— Напротив. Не позволяло зарываться. В небольшой компании всегда найдется человек, у которого от свободы может закружиться голова. Масса вариантов: манипуляции со счетами, нажива на дефиците (с теми же компьютерами), взятки. А в той экономике, которую мы делаем, нужно быть достаточно честным. Нормально относиться к большому деньгам. Если они не твои — не «заглядываться». Но прежние поколения советских людей воспитывались с психологией распределителей. Если тебе что-то попало в руки, надо хорошо распределить — максимум оставить себе. Чтобы построить новую экономику, необходимо сотворить и нового человека — с психологией созидателя. Для кото-

рого на первом плане будет не получение материальных выгод, а дело. Если же у тебя будет Дело, то в экономике здравого смысла оно тебе всегда принесет деньги. Поэтому наш НТЦ не скатился на кооперативную дорожку. Нас уложили в прокрустово ложе системы, и это позволило нам выстоять, научиться в жестких рамках быть богатыми. И начальным моим капиталом была четкая специализация фирмы. Все эти годы я выстраиваю фирму, основанную на изобретениях. Я как бы продолжаю свою научную работу, реально внедряю новые технологии и в своей области композиционных материалов, и в других областях. Каждое перспективное дело, талантливую идею мы организуем в самостоятельную фирму, которая на акционерных началах сотрудничает в материнской компании. Это и есть холдинг, структура, в которой у меня сегодня 24 дочерние фирмы: электроника, авиабизнес, сервисное обслуживание, технология автоматизированных систем, туризм, искусство, продажа автомобилей, издательская деятельность, медицина, строительство домов и гостиниц.

— И все-таки у нас так не бывает. На Западе, говорят, случается: рядовой клерк схватится вдруг за волосы и перетягивает себя из рутины прямоком в миллионеры. Но у нас-то кругом коррупция, взяточничество, местничество. И вообще, хоть убейте, больших и «чистых» денег быть не может!

— Да, бизнес поцивилизованному — это когда у меня есть товар и я хочу его продать. У нас таких взаимоотношений: хочу купить — хочу продать — нет. Наш бизнес — это изоцилиться сделать продукт с минимальными издержками: закупив по дешевке сырье, найдя предприятия, которые в третью смену, за низкую арендную плату, а то и задаром, на личных контактах, дадут тебе использовать производственные мощности. Потом договориться с магазином — с помощью взятки или опять же по дружбе-любви. У нас в бизнесе путь непрямою. И я пытаюсь в этом бредовом океане построить свою, локальную систему на непреходящих ценностях — на таланте,

на изобретении. Чтобы она объективно существовала, вне зависимости от удачи с дешевым сырьем. Центр «Технология» завоевал статус хозяйственного звена местного Свердловского райсовета. Мы отчисляем немалые средства на текущий специальный счет исполкома, разработали концепцию социально-экономического развития района. Наши малые предприятия тоже повернуты к нуждам района. Скажем, фирма «Большая Дмитровка» специализируется по уборке улиц...

— Значит, определенным образом вы все-таки «подкупили» район?

— Просто заложенные в нашей работе здоровые принципы сломали существующие, но необъективные законы: коррупцию, личную предвзятость, чиновничье самодурство. Не знаю, сколько мы еще будем все это перестраивать, но уверен, какие бы ни принимали постановления Горбачев с Рыжковым, экономика здравого смысла победит.

— Но как же русская поговорка «не обманешь — не продашь»?

— Это не поговорка русских купцов. С отменой крепостного права в России началась миграция населения в Сибирь. Оттуда, из провинции, выходили на мировой рынок купеческие компании. Утверждались они в основном из старообрядцев. У них в вере было заложено: не обмани, не предай, уважай своего партнера. Да, купцы зеркала били в Славянском базаре, любили погулять, но дела вели на высшем уровне.

— А спекуляция, к примеру, на падении-подъеме акций в цене как биржевой принцип — тоже элемент высоконравственный в бизнесе?

— Сейчас даже Верховный Совет Союза приходит к мысли, что спекуляция — нормальный процесс рынка. В тоталитарном режиме, в нездоровой экономике она — обман, преступление. В рыночной системе это определенные отношения между продавцом и покупателем, в результате которых возникает профит — прибыль.

— Ну, хорошо, пусть вы «честно разбогатели» по рецепту наших прапрадедушек. Зачем же вы тогда все по заграницам, по парижам, нью-йоркам разъезжаете?

— Испокон века наши купцы наживали деньги и инвестировали их в предприятия за рубежом. Там отработывали технологии и здесь уже внедряли. Это принципиально другой путь, чем тот, по которому вело страну наше правительство: продавали нефть, получали валюту, поку-

пали продовольствие, проехали его, потом опять задумывались — что бы еще продать, дабы не помереть с голоду. Сейчас я приехал из Франции, где создал совместное предприятие. Там я закупаю небольшой заводик по изготовлению хлеба и в аренду предоставляю дочерней фирме «Техпищепром». Получается французская булочная в Москве. У нас контракт с такими фирмами, как «Филипс», — на сервисное обслуживание электронных микроскопов, с «Ситроеном» — на продажу в Союзе машин компании. Сейчас готовим проект по строительству в стране фирмы, выпускающей микроавтобусы «Ситроен».

— В Париже вы, конечно, останавливаетесь в пятизвездочном отеле?

— Я отказываюсь от командировочных расходов на гостиницу, живу у друзей и сэкономленные деньги вношу в бизнес совместного предприятия. Я не могу перевести мои валютные средства со своего счета во Внешэкономбанке в СП за рубежом, поэтому вынужден идти на маленькие финансовые нарушения — увозить туда валюту и вкладывать. Мне не доставляет удовольствия шиковать в парижских ресторанах — я, наверное, не тот миллионер. Гораздо интереснее вкладывать деньги в дело. Да это и не элемент шика. Вот хорошая машина, с которой я бед не знаю, — это и спасение, и чувство собственного достоинства. Prestиж фирмы от отеля не зависит. Западные партнеры понимают, что такое советский бизнесмен, даже если он распоряжается миллионами. Миллионы-то «деревянные». Другое дело, когда по контракту с «Филипсом» за ру-

беж выезжает Хворостовский. Он должен обязательно жить в пятизвездочном «люксе».

— А как вообще Дмитрий Хворостовский, оперная звезда номер один, попал в сферу вашей деятельности? Как могла «Технология» породить дочерний оперный центр «Арт» («Моцарт»)?

— Конечно, цель любого коммерческого предприятия — прибыль. Мне выгодно помогать искусству, опосредованно рекламируя свою фирму. Это более эффективно, чем рисовать товарный знак на автобусах или финансировать конкурсы красавиц. Опера — один из немногих экспортных товаров, которые мы можем позволить себе продавать. Не так, как раньше, когда мы фактически разбазаривали таланты. Когда они уезжали, делали отличную карьеру на Западе и возвращались сюда знаменитыми. Мы стараемся здесь предоставить им условия для свободной самореализации. Хворостовский, с одной стороны, волен проявлять себя как самостоятельный оперный певец и петь на мировых сценах. Но он получил возможность работать над спектаклем и у нас — спокойно, не спеша, с одним из лучших наших дирижеров Колобовым. Не беспокоясь о своем материальном положении. А от сплошного гастролерства он устал бы через пару-тройку лет.

— Но вот вы стали миллионером, хоть и в «деревянном», рублевом смысле. Отличительные подробности вашей новой, богатой жизни?

— Я вечно без обеда. Не могу выкроить время. И хронически некогда выспаться...

Элиита КОСТЕНЕЦ

фото Э. Кудрявицкого

КАК ОДИН ГЕНЕРАЛ ПОКУПАЛ ЗА БУТЬИЛКУ

ЗОНА

Скандал, разразившийся во время предвыборной кампании в Омске, для большинства российских жителей, задвленных собственными заботами, прошел незамеченным. И в самом Омске страсти потихоньку сошли на нет. Но истина не установлена и по сей день. Похоже, начальник областного УВД генерал Образцов опять вышел сухим из воды. Верховный Совет России, внимательно изучив историю фальсификации выборов, настаивал немедленно освободить генерала от должности. В ответ Образцов собрал свой «кабинет» и заявил: «У этих щенков из Верховного Совета еще зубы не выросли, чтобы меня съесть!»

А ведь именно с подачи генерала в городе развернулась истерическая акция, цель которой была ясна и проста, как милийский сапог, — очернить и дискредитировать кандидата в народные депутаты редактора местного телевидения Сергея Носовца.

Для этого в типографии УВД и в соседней колонии уголовниками были изготовлены десятки тысяч листовок форматом от почтовой открытки до концертной афиши. Все это выглядело бы не столь зловеще, если бы генерал таким противозаконным способом поддерживал постороннего кандидата, которому он симпатизировал. Но начальник Омского УВД симпатизировал сам себе.

Попутно выяснилось, что Владимир Образцов нечист на руку не только в сугубо гражданских делах...

«Любимый город может спать спокойно», — размышлял поздним вечером генерал. Только что ему доложили, что весь Омск оклеен плакатами, призывающими граждан голосовать за достойнейшего из достойных.

Но не только от этих, приятно щекочущих самолюбие, вестей на душе кандидата на пост народного избранника было покойно. Одновременно, по тайному приказу, сотрудники УВД расклеивали на стенах

домов и иные литературные упражнения.

Их убогое содержание сводилось к следующему.

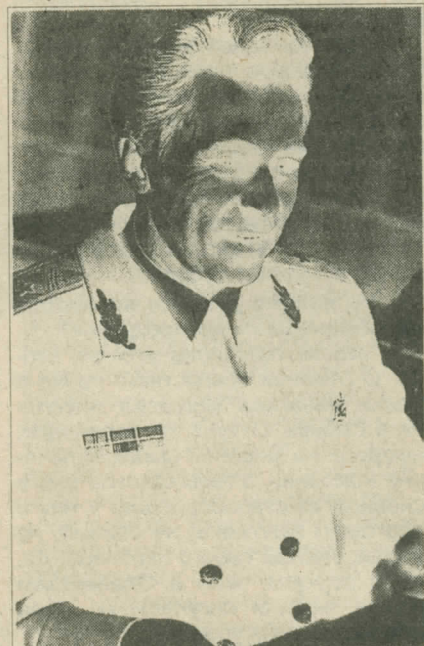
«...Носовец — еврей, один из тех, кто ведет страну к полному развалу...»

«...Доверенные лица еврейского избранника: Шадрин, Буглов, Новиков — уголовники, затесавшиеся в сомнительную «команду» Носовца...»

Цитировать можно и дальше, но все, так или иначе, крутится вокруг этого малого «джентльменского» набора. Сразу следует внести ясность: Носовец — русский, а перечисленные «уголовники» не только не являлись никогда его доверенными лицами, но и с уголовным кодексом живут в согласии, что элементарно проверяется.

Бесспорный факт грубейшего нарушения статьи 14 Закона «О выборах народных депутатов РСФСР» стал основанием для возбуждения уголовного дела (№ 73056) по признакам статьи 132 УК РСФСР (воспрепятствование осуществлению избирательного права).

Дальше начались чудеса. Омская прокуратура буквально через несколько дней прекратила дело. Следователь Попова получила недвусмысленное указание замять под любым надуманным предлогом начатое расследование.

Но соратники не ограничились словами Образцова, видимо, решив, что серый мундир есть бронезильт, защищающий от всего на свете, в том числе и от демократии. 14 марта 1990 года сержант милиции Шенгальц, выполняя приказ начальства, расклеивал плакаты (60×80 см), позорящие Носовца, около одного из предприятий. Тогда проходивший мимо житель Омска Погуляев сделал ему замечание о неправомерности действий и попросту снял провокационную бумажку со стены. Сержант без лишних объяснений избил назойливого гражданина и составил на него фиктивный протокол о мелком хулиганстве. А потом в отделении милиции пострадавшего силой заставили написать объяснение о том, что он был пьян.

За удачную операцию Образцов с удовольствием присвоил Шенгальцу офицерское звание — инициативу надо поощрять.

...Пока сержант избивал избирателя, генерал публично выступал на предвыборной встрече. В это время

ДЕПУТАТА ВОДКИ

в помещение зашел другой избиратель, Симонов, и задал один-единственный вопрос: почему начальник УВД сам беззастенчиво попирает те законы, которые призван защищать. Образцов отдал приказ своим подчиненным немедленно вытолкать любопытного из зала. Получив телесные повреждения от милиционеров, тот был вышвырнут на улицу. Судебно-медицинская экспертиза подтвердила многочисленные травмы, однако прокуратура вообще отказала в возбуждении уголовного дела, до сего дня, кстати, не вручив Симонову копии о принятом решении и о причине отказа.

Это лишь штрихи, характеризующие стиль работы омской милиции во главе со своим шефом. Итог же таков: политика кнута, даже без пряника, отразилась и в чисто профессиональной деятельности Образцова — бывшего секретаря обкома.

Методы партийного руководства массами переключались в управление внутренних дел. По привычке обманывая народ (в смысле близкого

светлого будущего), Образцов сразу дал понять, что никаких «лишних» преступлений на подвластной территории он не потерпит. Эйфория должна быть поголовной — так примерно представлял генерал свою новую работу.

У каждого райотдела появились квартальные «соцобязательства» — в районе должно свершиться 180 преступлений — и ни одного больше. Если вдруг (страшно подумать!) обнаружено на 1–2 преступления больше запланированного — горе тому начальнику. Образцову нужен был определенный процент, и процент свято соблюдался, а точнее, подтасовывался. И сводки, летящие в Москву, всегда были что надо, а генерал на белом коне.

А недавно начальник УВД сочинил блестящую инструкцию, посвященную «порядку проникновения» в здание управления. Отныне работникам прокуратуры вообще запрещалось появляться в УВД без санкции бюро пропусков. Даже по служебной необходимости, не говоря уж о том, чтобы вкусно отобедать в закрытой для простых смертных столовой.

Обиженные закононадзиратели начали усиленно «копать» под генерала и докопались до того, что на свет появилась любопытная бумажка.

Из представления омской прокуратуры:

«...Соблюдение законности при учете и регистрации преступлений свидетельствует о том, что антигосударственная практика укрывтия преступлений должностными лицами органов внутренних дел области не только не искореняется, а имеет

ОТ РЕДАКЦИИ.

Почти одновременно стало известно о двух новых событиях, связанных с «деятельностью» Образцова. Первое — заместитель прокурора РСФСР И. Землянушин сообщил, что уголовное дело № 73056 (то самое. — М. М.) возобновлено и направлено для расследования в независимую прокуратуру Томской области. Второе — в Омск вылетела специальная бригада МВД РСФСР с целью служебного разбирательства правонарушений, возведенных аппаратчиками УВД в норму своего бытия. Мы обязательно вернемся к этой истории.

устойчивую тенденцию к распространению в еще больших масштабах.

Руководители районных отделов создают обстановку внешнего благополучия с динамикой преступности и ее раскрываемости за счет укрывтия нераскрытых преступлений.

За 10 месяцев 1988 года было выявлено 469 фактов укрывательства, а за тот же срок 1990 года уже 847».

Надо быть крайне наивным, чтобы поверить в то, что подтасовка происходила помимо воли Образцова. О негласных инструкциях в управлении знали все, и все дружно молчали. Кто из страха, кто из угодничества.

Все факты, тщательно проверенные комиссией Верховного Совета РСФСР, подтвердились, и депутаты вынесли четко обоснованное определение с требованием немедленной отставки Образцова. В ответ генерал собрал свой «кабинет» и заявил: «У этих щенков из Верховного Совета еще зубы не выросли, чтобы меня съест!» Не больше и не меньше.

Правда, чуть ранее, когда парламентарии не покладая рук еще работали в городе, генерал вел себя несколько иначе. Одно за другим следовали приглашения на загородные пикники и «царские» охоты. Апофеозом задабривания депутатов стал приезд Образцова в аэропорт, где члены комиссии ждали посадки в самолет.

«Вася, открывай!» — скомандовал генерал, и на столе материализовались запотевшие бутылки «Московской».

Однако, несмотря на почти насильственное спаивание, депутату Александру Голишникову удалось вырваться из цепких объятий и ударить в другое помещение. Эта безобразная сцена подробно описана в докладной записке Ельцину.

А «непотопляемый» генерал, как и прежде, каждое утро подкатывает на одном из четырех своих служебных лимузинов к личному подъезду УВД, чтобы, размявшись в персональном гимнастическом зале, бодрым и здоровым войти в фешенебельный кабинет.

Михаил МАСЛОВ

«С ДРУЖЕСКИМ ПРИВЕТОМ!»

Памятный знак «Участнику блокады» вручали исключительно жителям города на Неве. Вероятно, в ближайшем будущем аналогичную награду Родины смогут получать истощенные обитатели столицы.

Разница в том, что в 41-м на «паек смертника» Ленинград посадили враги, которые сейчас массированно шлют туда тонны еды. А Москва очутилась на осадном положении во многом благодаря стараниям наших соотечественников. Надежным сообщником современных «печенегов» стало неожиданно Министрство связи. Но и у тихих, безропотных почтовиков лопнуло терпение: в редакции раздался звонок начальника почтамта при Павелецком вокзале Николая Гришкина. Он пригласил нас в гости.

И мы поехали.

...Огромное пространство одной из главных московских перевалочных баз было забито синими стандартными контейнерами. Некоторые из них, заполненные «под завязку», терпеливо стояли вдоль стен, ожидая скорого отправления. Другие же, заботливо согнанные к длинной ленте транспортера, напоминали стадо ненасытных механических чудовищ. В открытые дверцы, словно в пасти, закидывались посылки и посылочки разных калибров и фасонов. Дилетанту невдомек, что за всем этим разнообразием скрывается одна и та же продукция. Перечислить ее нетрудно — это то, чего днем с огнем не найти в магазинах, — масло сливочное, конфеты, растворимый кофе, сигареты, консервы...

Голодная Москва

По закону вскрывать посылки запрещено, но слабая тара иногда не выдерживает веса груза и рассыпается, не пройдя и одной сотой предназначенного пути. И тогда женщинам-сортировщицам предстает удивительная, почти волшебная картина. На грязный бетонный пол, весело переливаясь, тяжелым дождем сыплются конфеты «Вечерний звон», или бесформенными слитками беззвучно выпадают подтаявшие пачки масла, или...

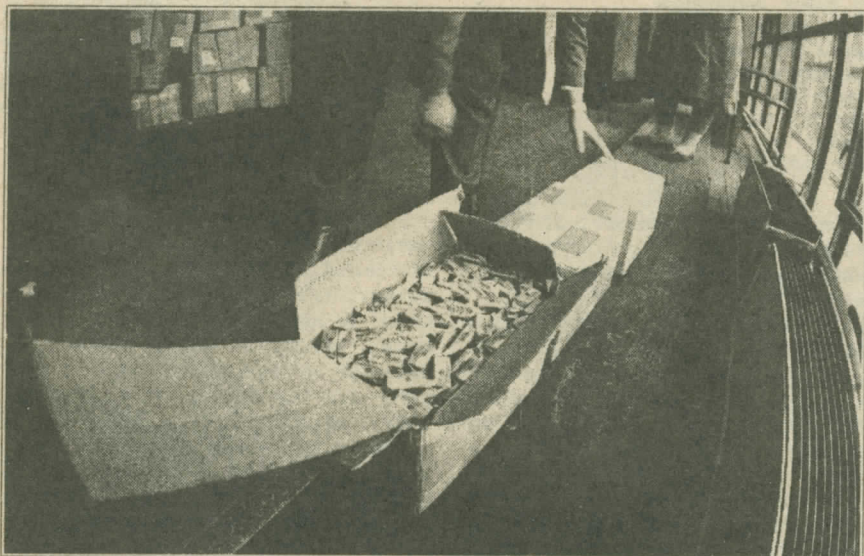
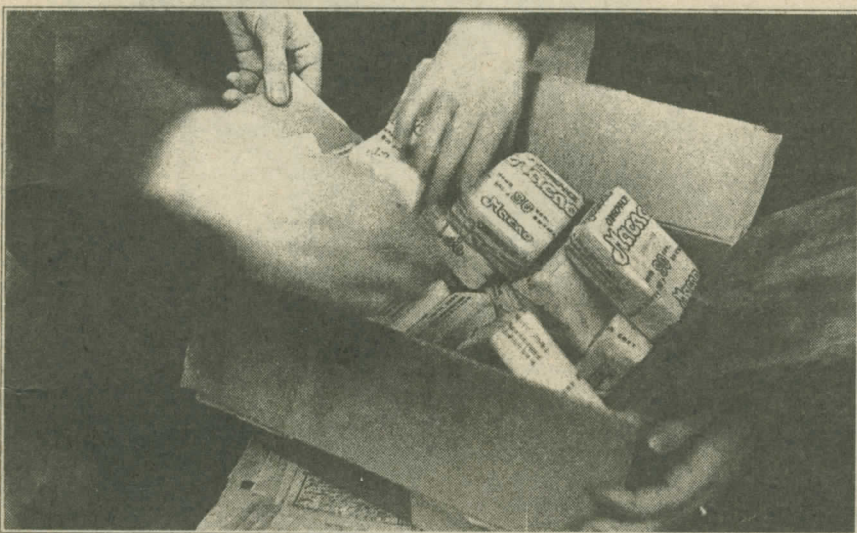
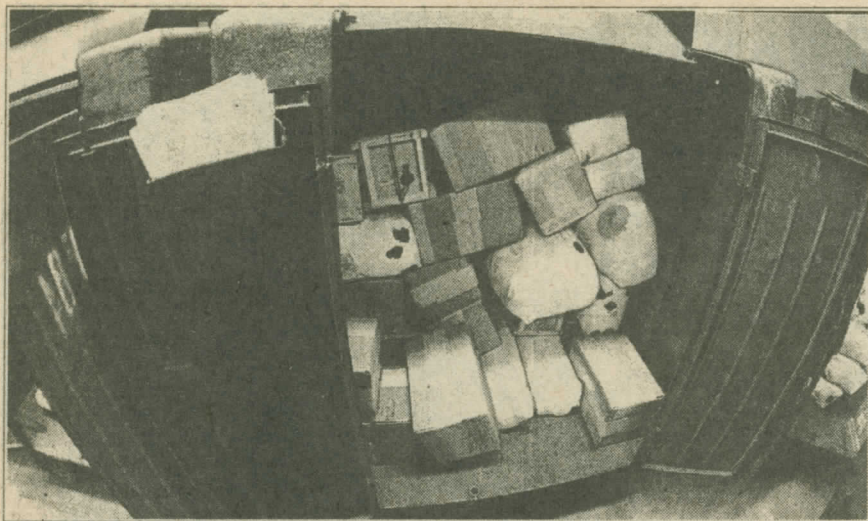
Этих «или» за смену набегает столько, что в душах уставших сортировщиц вполне способен скопиться заряд ненависти на всю оставшуюся жизнь. Труд женщин здесь оценен государством по достоинству: 130 рублей в месяц за 75 тонн собственноручно перенесенных чужих съедобных ценностей при абсолютной невозможности купить хоть малую толику из них. Это напоминает изощренную пытку, которой позавидовал бы непревзойденный инквизитор Лойола, прославившийся особой жестокостью.

— За кого нас тут держат? — возмущается Николай Гришкин. — Все посылки с самыми необходимыми на сегодня продуктами идут в одни и те же адреса на имена одних и тех же получателей. В основном в районы Армении, Грузии, Азербайджана. Можно и конкретнее, только что это даст? Я пять раз вызывал сотрудников ОБХСС, указывая те отделения связи, где принимают это нескончаемое изобилие. Результат нулевой.

Мои подчиненные вышли из-под контроля. Я не удивлюсь, если в один прекрасный день коллектив откажется отправлять продуктовые посылки и все съест сам.

Странная реакция стражей из ОБХСС — ведь речь идет не о паре пачек «Беломора» и килограмме ле-

денцов в подарок бабушке. Здесь иные масштабы — конфеты высылаются тоннами, а сигареты и кофе — сотнями фабричных упаковок. Для маскировки их старательно обшивают тканью, пишут ложную копеечную стоимость (короб сигарет «Ява» с 400 пачками оценивается в 8—10 рублей), занижают истинный вес, переплачивая за это услужливым почтовикам в отделениях связи.

Устоявшихся точек, через которые идет львиная доля «подпольных» продуктов, не так уж много в Москве, и «вычислить» их — дело нескольких часов. Версия очевидна — дефицит поступает в руки закавказских «продуктовых эмиссаров» прямо со складов, с фабрик, из подсобок магазинов. Оптовики не скуются на переплату, зная, что все равно расходы на месте окупятся в двадцатикратном размере.

Одна из последних «душераздирающих» историй. В ворота почтового блока в течение многих дней в строго определенное время подкатывал «ЗИЛ», с верхом загруженный стандартными ящиками. Десятки тысяч пачек сигарет «Ява» (не коммерческие, а те, которые должны были продаваться по талонам за 60 копеек) находились в кузове в заводской упаковке. Их благополучно получил адресат в Гяндже (АзССР). И таких охотников покурить (попить, поесть) очень много. Почему-то гораздо больше, чем москвичей, которым Моссовет гарантировал право на приобретение этих же товаров.

Самое печальное в почтовом пиратстве то, что пересылка продуктов из Москвы происходит на строго законном основании. В то время когда другие республики устанавливают национальные таможенные пункты, где у пересекающих «границу» отнимается все — от шариковой ручки до компьютера, посылку за пределы республики просто невозможно отправить. Москва же и не собирается защищать свой рынок в условиях настоящей блокады.

В почтовом отделении обязаны принять любое количество посылок от любого гражданина. Требовать от него предъявления отсылаемого товара не имеют права. Таким незатейливым путем можно переправить одну, десять, тысячу тонн вкусного масла или кофе. Успевай только расфасовывать!

Блокада столицы продолжается. И то небольшое, что оседает в городе, внезапно растаскивается и вскоре «всплывает» уже в далеких южных краях.

Фото Э. Кудрявицкого

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ

(Уголовный кодекс в картинках)

Татуировка (полинезийск.) — нанесение на тело рисунков накалыванием и втиранием под кожу красящих веществ.

Советский энциклопедический словарь, 1988.

Жизнь в неволе породила несчетное число уникальных вещей, предметов лагерного быта, которые и в нашем цивилизованном сознании заняли если не отдельную полочку, то хотя бы крохотный уголок.

Изрисованные чернилами руки школьников — звездочки, якоря, кресты — не что иное, как примитивное подражание «романтическим» дядям, а блатные словечки, сыплющиеся направо и налево из уст советского интеллигента, — трусливое желание скрыть свою принадлежность к презираемой до последнего времени «прослойке». И вот уже, как в пьесе абсурда, непонятно, где кончается зона и где начинается свобода.

Бытие, определяющее сознание (по классикам), расставило все по местам. И милую устаревшую «Не забуду мать родную» преступник уже не колет у себя на груди. Он колет прямо на лице — «Раб КПСС» или на ногах — «Так спасибо же вам, коммунисты, за счастливое детство и юность мою».

Татуировка — визитная карточка, паспорт и даже, если хотите, «табель о рангах» каждого уголовника. Читая натальную живопись, можно без единого вопроса узнать, с кем имеешь дело: с пассивным или активным гомосексуалистом, насильником или картежником, «шестеркой» или авторитетным вором. Человеку, мало-мальски просвещенному, достаточно бросить беглый взгляд на исколотые руки случайного попутчика, чтобы не спать в поезде всю ночь, дрожа за свой бумажник: пассажир, сидящий напротив, — карманный вор. И ни на что другое он покушаться не станет — слишком редко блатные изменяют своей «специальности».

Рисунок с помощью нехитрого инструментария — иголки и баночки с тушью — наносится на всю остав-

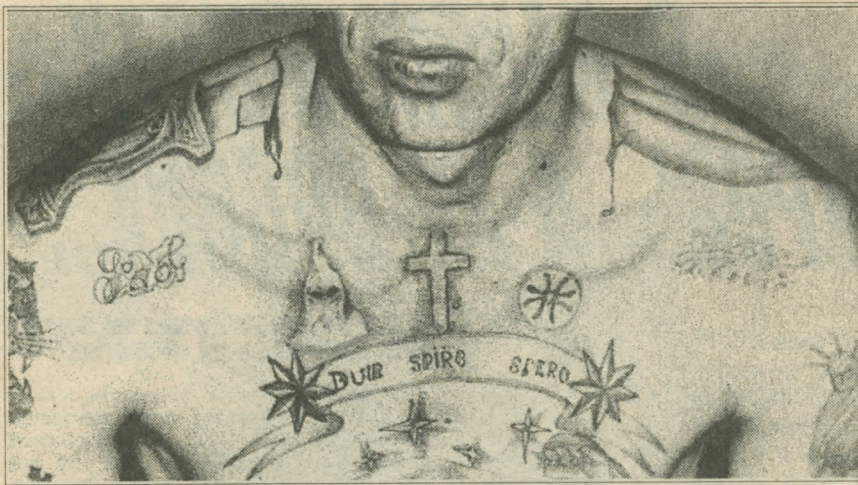
Церковное распятие трактуется у зеков несколько иначе, чем в канонической библии, — «советская власть меня распяла». Вообще религиозная символика — постоянный спутник лагерной жизни, но это совершенно не говорит о набожности уголовников. Традиция колоть у себя на теле кресты и церкви, ангелов и чертей сложилась как раз в годы, когда религия была в загоне. Это было своеобразным вызовом официальным властям. Ну а отпечаток сапога пониже спины — «память» об ошибке, за которую зек поплатился свободой.

шуюся жизнь и обязывает его владельца ни на йоту не отступать от правил, предписываемых самой накалкой.

Ради того, чтобы поддержать «незапятнанную» репутацию «мокрушника», приходится время от времени убивать. Активный гомосексуалист должен, особенно на зоне, постоянно демонстрировать всем, что он с кем-нибудь сожительствует, иначе его разжалуют и переведут в касту пассивных — насильно сделают на строго определенной части тела соответствующий рисунок. А быть пассивным — совсем другое дело, с горя можно и повеситься.

Мастера натальной живописи почти за святых и пользуются особым покровительством боссов тюремного мира. К ним идут на поклон сотни тысяч советских заключенных, их умоляют за огромные деньги совершить акт таинства — приобрести к клану тайных «хозяев жизни».

Сложнейшие композиции — продукт настоящего художественного таланта тюремных «рембрандтов». К одному тамошнему, наголо остриженному мэтру, мне рассказывали, была запись, как у нас на холодильнике, аж на пять лет вперед. Дело было в зоне строгого режима, сро-

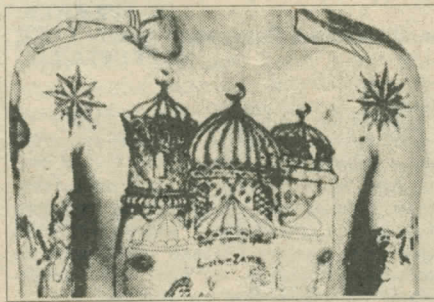
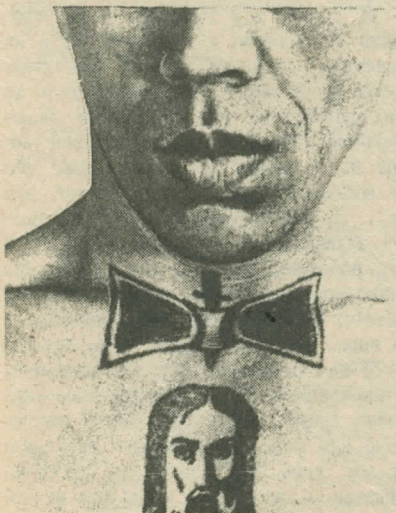

На снимке — типичный «раб КПСС», о чем свидетельствует наколка на плечах. Дело в том, что на зоне, как и в армии, проводятся политзанятия, во время которых местные идеологи пикают уголовников тезисами о непреходящей роли партии. В знак протеста и появляются такие татуировки. Крест и колпак палача — отличительная метка обособленной «семьи», где этот зек занимает не последнее место — он в авторитете. Кинжал, «воткнутый» в горло, — клятва отомстить на воле знакомой женщине за измену.

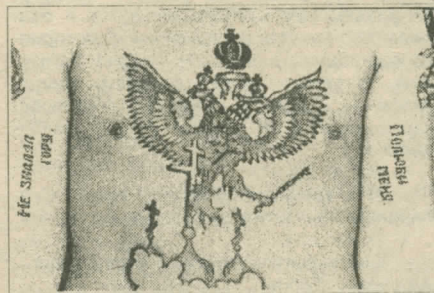
ки большие — отчего же не подождать, если есть возможность стать единственным обладателем шедевра редкой красоты, стоимостью равного полотну маститого живописца.

Тайна... Все крутится вокруг загадочности символики, невозможности проникнуть в касту «посвященных»,

«Бабочка» выдает страстное желание войти в группу лиц, не склонных к исправлению, сознательно исповедующих отрицание всякого правопорядка.

Перед вами настоящий «половой гангстер», отбывающий очередной срок за изнасилование. Церковь, правда, в мусульманском исполнении, означает принадлежность к блатному миру, число куполов — количество «ходов» на зону. Стилизованные звезды около плеч — знак авторитета среди заключенных.

«Не видела горя — полюби меня» — призывает этот «люболюбивый» человек. Побывавший в лагере уже три раза (три церковных купола), он смело причислил себя к криминальному миру, изобразив пусть царского, но орла. Орел у блатных — символ власти, но, судя по незанятому пространству на теле, наколки он сделал ради «понта» и, скорее всего, за свою поспешность еще заплатит.

художественно не отразив на теле соответствующей статьи уголовного кодекса. Если узнают, что наколка ложная и сделана ради куража, люта разборка ждет нарушителя конвенции, от отрубания пальца с несправедным «перстнем» до превращения его в презираемого всеми «петуха».

Невозможно догадаться, например, о смысле такой композиции — обнаженная женщина в наручниках перед плахой и рядом палач с топором. Оказывается, обладатель подобной татуировки судим за убийство жены или родственника. Женщина, которая им увлечется, должна подумать, сколько шансов у нее остаться в живых после первой ночи с женоненавистником.

Что значит выколотая шестиконечная звезда? Вероятно, принадлежность к определенной национальности? Ошибаетесь. Это всегнанавсего клятва отомстить евреям, признательные показания которых способствовали «навеске» срока незадачливому вору. Странно, но это не распространилось на другие нации, иначе многим зекам пришлось бы колотить у себя на груди Государственный герб СССР.

Черный красивый парусник — отличительная черта «гопников» — вооруженных грабителей-гастролеров.

Церковный колокол расскажет о том, что его носитель — вор-карманник, крадущий деньги у прихожан в дни религиозных праздников.

Череп с костями — смертная казнь заменена лишением свободы. Изображение орла, впившегося когтями в руки человека, накалывает себе «генерал» — наставник воров-подростков, который сам обычно не ворует, а живет за счет добычи своих учеников — «жульманов».

Так что же такое татуировка: искусство или лишь жалкая пародия на него, этакий слабенький отголосок соцреализма? Наверно, и то и другое. Кто знает, может, совсем скоро наколки войдут в моду и у мирных граждан, как это случилось на Западе, где за умеренную плату вам изобразят на плече симпатичного цветного попугая или экзотический цветок.

У нас же пока это привилегия уголовников, и тематика татуировок уныло однообразна — ножи и цепи, черти и свастика, пауки и плачущие ангелы.

Такова наша жизнь...

М. ЛЬВОВ

Фото из коллекции полковника милиции А. Бронникова и Ю. Дубягина.

«В НАШИХ ЖИЛАХ — КРОВЬ, А НЕ ВОДИЦА...»

Михаил ПОЗДНЯЕВ

Указ

Президиума Верховного Совета СССР
О присвоении действительному члену
Академии медицинских наук СССР ДЕБОВУ С. С.
звания Героя Социалистического Труда.

За большие заслуги в развитии медицинской науки и в связи с шестидесятилетием со дня рождения присвоить действительному члену Академии медицинских наук СССР ДЕБОВУ Сергею Сергеевичу звание Героя Социалистического Труда с вручением ему ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Л. БРЕЖНЕВ.

Москва, Кремль.
6 декабря 1979 г.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

РАЗГОВОР С ТОВАРИЩЕМ ДЕБОВЫМ ПРО ТОВАРИЩА ЛЕНИНА И ОБСЛУЖИВАЮЩИЙ ЕГО ПЕРСОНАЛ.

ра. Красные гвоздики. Интересно, сколько? То есть — четное число или нечетное? Как живому — или наоборот? Счесть не успеваю: раздалка. На джину крючков. Лифт. Рядом грузовой. Молча поднялись (не говорить же о погоде!), вышли. Коридор. Доска почета. Лиц пять или шесть. Без подписей. Одни портреты. Приятель, которому потом расскажу, пошутит: «Да и фотографии — совсем не тех людей!»

Приемная. Просторная. Три дамы. «Вам — сюда». Двери в кабинет без таблички — двойные. Как шкаф. Вхожу...

Ну, как вам сказать...

Можно играть в футбол. Стол для совещаний, человек на пятьдесят. На другом конце стола — кто-то сидит. Встает. Иду. Долго. Дошел. Поздоровались. Это товарищ Дебов (догадываюсь: я-то представлялся, а он — нет)...

— Сергей Сергеевич, докучают вам журналисты?

— Да, что-то в последнее время стали. А можно спросить вас: с чего это вдруг такое оживление?

— А как вы сами думаете?

— Ну, во-первых, слишком много в нашей жизни накопилось разных «белых пятен», разных умолчаний. И наша работа — тоже «белое пятно». А во-вторых, общественный интерес подогрели выступления Марка Захарова, Юрия Карякина с призывом схоронить Ленина.

— А что вы думаете об этих выступлениях?

— Я думаю, эти товарищи хотят схоронить не Ленина, а ленинизм. И в их заявлениях слишком много фантазий, просто профанации. Договариваются до таких глупостей, что от Ленина давно ничего не осталось, что в Мавзолее вообще давно лежит не Ленин, даже что это восковой манекен, бог знает что еще... Я вам совершенно официально хочу заявить: за те сорок лет, что я здесь работаю, тело Владимира Ильича Ленина не претерпело никаких изменений! Нет никаких утрат, все хранится в том виде, что и шестьдесят семь лет назад. Я вам больше скажу. Специальным постановлением Правительства нам разрешено время от времени брать микропробы для более тщательного изучения. Так вот, если специалисту их показать, не сказав — откуда, он ни за что не по-

(Единственное упоминание имени нашего собеседника в официальной печати до 1989 года.)

Тогда, 12 лет назад, я начал бы примерно так:

«Тихая улица в центре Москвы. В двух шагах отсюда — едва ли не самый шумный перекресток столицы. Грохочет Садовое кольцо. Перепутье. А здесь — царит торжественная тишина. Здесь — время замерло. Здесь — всегда 21 января 1924 года...»

Нет, не дали бы мне написать 12 лет назад. И три года назад не дали бы. И, пожалуй, даже год назад. Потому — и начну по-другому.

— Сергей Сергеевич, ваш институт подчиняется Минздраву?

— Да, это так.

— А как давно?

— Все время.

→ Неужели? Я ведь отчего спрашиваю: мы пытались узнать ваш телефон в справочной Минздрава — так барышня сказала, что «НИИ биологических структур» у них не значится.

— А у нас еще и другое название — «Лаборатория при Мавзолее Ленина», вы бы спросили.

— Я и спросил. Нет, говорят! Это что, сверхзасекреченность или недоразумение?

— Ну, конечно, недоразумение...

По Мосгорсправке — не значится. В адресной книге — пусто. «09» — глухо. Минздрав, Академия медицинских наук — простите за выражение, дохлый номер. Как всегда, случай помог. Вот и звоню.

Тихий старческий голос:

— Я не против. — Пауза. — Но мне нужно получить от моего министра товарища Денисова соответствующее разрешение.

Минздрав СССР — через дорогу от «Столицы». Влетаю с письмом-прошением о визите — и сталкиваюсь с едва знакомым, но в высшей степени ответственным работником министерства, идущим как раз на совещание к министру. Через минуту — ровно столько оставалось до начала совещания — виза «Не возражаю» получена. Вот уж везение!

Спешу обрадовать товарища Дебова. Но он молча, очень долго и очень спокойно, листает календарь, определяя, когда мне снова позвонить. Думал, ошеломлю его своим «драгун унд штурм» — вот же тебе: у человека жизнь по минутам расписана... Встретимся мы нескоро — по причинам уважительным. И придется мне звонить еще раз пять или шесть. И всякий раз товарищ Дебов был на месте — когда бы я ни звонил...

Ну и вот она, улица Красина. Дом № 2. Пятиэтажный, вполне институтского вида. Черная с золотом вывеска. Листок: «Требуются на работу» (шофер, уборщица, еще кто-то). Вхожу — и оказываюсь, вместо ожидаемого просторного вестибюля, в комнате метров пятнадцать. В углу — узкая лестница наверх, рядом — дверь в комнату поменьше: для ожидания. В другом углу — милиционер.

— Вы к кому?

— Я к товарищу Дебову, Сергею Сергеевичу. Мы договорились на это время.

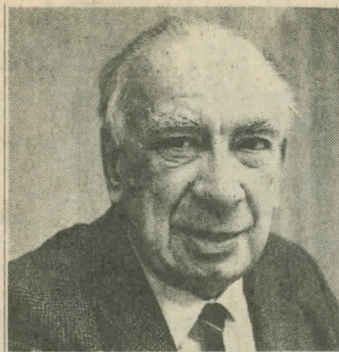
— А он кто?

— Он директор этого... учреждения... Академик Дебов...

Милиционер долго водит пальцем по списку сотрудников, выдвинутому из ящика стола. Ага, есть. Телефон такой-то. Звоните — вон местный, на стенке.

Женский голос. Записывают мою фамилию, имя, отчество. Сейчас, говорят, принесем пропуск...

Дама, спустившаяся откуда-то сверху, предъявляет пропуск (и меня) постовому. Поднимаемся молча наверх. Вот и вестибюль. Посередине — тот, ради кого все это (и я в том числе). Из мрамор-

С. С. Дебов

Фото И. Флиса и Э. Кудрявицкого

верит...

— Это что, благоприятное стечение обстоятельств или триумф советской науки?

— Разумеется, здесь сыграло свою роль то, что исключительно удачно было в 1924 году проведено балъзамирование. Но и, кроме того, мы все эти годы постоянно совершенствовались как методику полувлажного балъзамирования, так и состав, которым пропитано тело Владимира Ильича Ленина.

— Насколько ваша работа соответствует окружающей ее строгой секретности? Не мешают ли вам, если так можно выразиться, «смежники» — излишней опекой, например? Медвежьими услугами?

— Мы работаем совершенно свободно, совершенно! Что же касается охраны нашей работы как государственной тайны, то, в общем, сама методика хорошо известна в мире, давно описана. Тайной, секретом является состав. А кроме того, наш институт потому еще так охраняется, что здесь время от времени проходят работы по балъзамированию выдающихся политических и государственных деятелей других стран...

— Как?! Вот здесь, в этом доме?!

— Да. Находилось здесь тело Антонио Агостино Нето. Потом еще тело президента Гайаны...

Коснулись тем деликатных.

Вот, говорю, Сергей Сергеевич, сегодня люди считают каждую копейку. Вы не опасаетесь, что на вас с этого фланга зайдут. Я, говорю, не ожидал увидеть такое солидное здание. Штат у вас немалый...

«А сколько, по-вашему, — улыбнулся товарищ Дебов, — у нас человек работает?» — «Человек, — говорю, подумаю, — сто!» — «Немного больше. Сто пятьдесят. Не более чем в любом другом академическом институте, а скорее — и поменьше. Сорок научных сотруд-

ников». — «И все они имеют... доступ... к телу?» — «Ну, нет. Таких у нас примерно десять человек». Я помолчал, потом говорю: «Все равно много». Нашел где торговаться. — «Наш институт обходится государству всего в миллион рублей. В год. А потом — не забывайте, что мы работаем не на одном объекте. Сотрудники лаборатории регулярно командированы за рубеж. Группа работает несколько месяцев, ее сменяет другая». — «А они там, что, своими силами не могут обойтись?» — «Секретность, — улыбается товарищ Дебов. — Они нам помогают, но главную часть работы делаем мы».

Пытался вызнать, имеет ли деятельность института какое-нибудь народнохозяйственное значение. Вроде бы нет. Все усилия сосредоточены на одном деле. При том, что трудятся здесь специалисты широчайшего профиля.

Тогда, спрашиваю, можно еще вопрос — личного свойства?

Товарищ Дебов смотрит на меня внимательно: ваяйте...

— Сергей Сергеевич, вы здесь работаете сорок лет. Можно сказать, вся жизнь тут прошла. Это нынче редкость — сорок лет на одном месте. Я понимаю, как трудно сюда устроиться, но еще труднее, наверное, — уволиться. Минздрав Минздравом, а все же...

— Я категорически утверждаю: все эти годы у Лаборатории был один хозяин. Минздрав.

— Я вам верю. Я, собственно, про другое. Вам никогда — ведь бывают же такие случаи, верно? — никогда не хотелось уйти, что называется, ко всем чертям, заняться чем-то другим?

Пока я, осторожно подбирая слова, несу такую вот дичь, вижу, как товарищ Дебов снова расплывается в улыбку. Дослушав до конца и выдержав паузу, отвечает:

— Я все эти годы преподавал, заведо-

вал кафедрой, являлся вице-президентом Академии медицинских наук, у меня несколько солидных трудов, более 200 опубликованных статей. Видите, я не переставал заниматься наукой — я биохимик, и уходить мне было незачем...

— Но ведь это когда-то может кончиться? Люди, споря о судьбе Мавзолея, сталкивают доводы политические и общечеловеческие. Но есть еще и научные доводы, да? То есть — есть какой-то смысл в продолжении этого эксперимента?..

— Что вы называете экспериментом?!

Обиделся. Вспыхнул. Надо же. Я принялся торопливо и заискивающе объяснять: это — наука, а в науке, кроме логики, есть и диалектика. А есть и нелепые случайности, особенно у нас... Да и во всяком серьезном изыскании бывают неожиданные повороты...

Нет, обиделся. Всерьез.

Говорят, что медики — народ в чем-то циничный. То, чем занимаются в «Лаборатории при Мавзолее», как я понимаю, лежит на стыке отнюдь не романтических наук: патологоанатомии; судебной медицины, эпидемиологии, невесты чего еще. И вдруг — такая утонченная щепетильность! «Объект» именуется не иначе как «Тело Владимира Ильича Ленина», и всякий раз поясняется: ни в коем случае не «мумия», это — две разные вещи!

И вот такая же обида — от одного предположения, что с «объектом» вдруг что-то может произойти. Такая, сказал бы я, стопроцентная вера. Странная для материалиста. Или это — уже не материализм?

В. П. Воробьев, в 1924 году произведший первое балъзамирование, тогда же, по окончании работ, воскликнул: «Ну, теперь лет 50, а может быть, и все 100 простоят».

Правительственная комиссия, в 1944-м осматривавшая эвакуированный в Тюмень «объект», постановила: «При условиях систематического наблюдения и выполнения уже выработанных коллективом Мавзолея процедур тело В. И. Ленина может сохраняться неопределенно долгое время».

Товарищ Дебов Сергей Сергеевич заверяет: «Пусть люди не сомневаются: мы приложим все старания и умение, чтобы такое время было как можно более продолжительным, исчислялось столетиями...»

Тихая улица в центре Москвы. В двух шагах отсюда — едва ли не самый шумный перекресток столицы. Перепутье. Перестройка. А здесь — царит торжественная тишина. И вся-то наша жизнь-борьба, все наши выборы и митинги, хлебные и соляные бунты — все вдрызг разбивается об эту тишину, об это, без выходных, непрерывного цикла производство. Есть, ей-богу, за что бороться в данном случае: скромный героизм, обыкновенное чудо, труд не за страх — а за совесть...

Воистину: «Тело Ленина живет и побеждает!»

ОТРАСЛЕВОЙ НАУЧНО- ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ПЭВМ — «ТЕХНО»

Малое предприятие, учрежденное Министерством авиационной промышленности СССР, имеющее прямые связи с ведущими производителями ПЭВМ Сингапура и Тайваня, проводит обучение на курсах пользователей и обслуживающего персонала ПЭВМ по следующим специальностям:

- Практическое использование ПЭВМ (курс начинающего пользователя) — объем 80 часов, цена 760 руб.
- Техническое обслуживание ПЭВМ — 100 часов, 950 руб.
- Работа с ППП ACAD — 200 часов, 1900 руб.
- Работа с ППП PCAD — 200 часов, 1900 руб.
- Системное обслуживание ПЭВМ — 70 часов, 665 руб.
- Работа с ППП MS — WORD («настольная типография») — 50 часов, 475 руб.

Обучение проводят преподаватели-специалисты, работающие по указанным направлениям.

Каждому слушателю на время обучения предоставляется компьютер типа PC-AT, группа состоит из 12 человек.

Администрация курсов обеспечивает доступ учащихся к библиотеке программ Центра, насчитывающей более 1000 пакетов программ, предоставляет возможность их копирования в учебных классах Центра.

Слушатели обеспечиваются местами в гостиницах или гостиничных кооперативах.

Сдавшему зачет выдается официальное удостоверение.

Дополнительную информацию можно получить по адресу: 105203, Москва, ул. Первомайская, 126, ОНИЦ ПЭВМ — «Техно», телефон: 465-68-21, факс: 461-35-14

Фото Ю. Штукина

Гей, семиты!

Первый шаг к гражданскому согласию сделан! И совершили этот трудный акт, конечно, вездесущие кооператоры.

У каждого свои выразительные средства, свои ограниченные возможности. Кто умеет плясать и петь злободневные куплеты, кто «всеюнавсего» стоять за прилавком.

Можно, честное слово, можно, не обвешивая голодных покупателей, отпускать копченую колбасу и одновременно принимать активное участие в деле примирения вконец рассорившихся наций. Самим фактом продажи колбасы всем желающим и без ограничений, во-первых.

А во-вторых, изощренной фантазией, направленной на наиболее броское и удачное название товара.

Все это чудесным образом и воплотилось в жизнь в молдавском кооперативном магазине «Кодры».

На одном и том же прилавке миролюбиво и аппетитно разместились колбасы —

«Еврейская» и «Славянская».

Как говорится, на все вкусы. Семиты, разумеется, возьмут своей — «еврейской», а русофилы — «славянской».

Хотя на следующий день, когда в магазин приехал фотокорреспондент, чтобы запечатлеть эту историческую торговую миссию, обнаружилась интересная картинка.

Пустой лоток с одиноко висевшим ценником «славянская» сначала настроил на мысли о высоком самосознании жителей России. Но отнюдь, как выяснилось, не переполнявшие патристические чувства стали тому причиной, она оказалась куда банальнее — дешевизна. Относительная, конечно, ведь «еврейская» оценена в 17 рублей за кг, а «славянская» всего в 15. Вот и весь фокус.

Нет, не весь. Когда кончилась «славянская», «еврейскую» начали хватать с таким же успехом. Дефицит! А политика тут ни при чем.

Очень кушать хочется!

М. М.

Полеты во сне и туман наяву

А должны были быть полеты наяву, похлеще, чем во сне. Правда, в официальных бумагах, курсировавших между Москвой и Лос-Анджелесом, они именовались просто прыжками. Но ведь если человек без всяких парашютов прыгает с Останкинской телебашни или, скакнув с трамплина, проносится на автомобиле по воздуху вдоль Красной площади, — это именно полет. Не воображения, нет. Реализовать его собирался советский каскадер, а запечатлеть на киноленту — американская фирма «Юник Филмз», пожелавшая дополнить «русским духом» отснятый уже ею сериал «Лучшие мировые трюки».

Советские партнеры фирмы из экспериментального творческого

объединения «Русский путь» за полтора года полностью подготовили плацдарм для полета. Получили согласие Останкинской телебашни, начальство которой изъявило свою готовность к получению двух миллионов долларов страховки от американской компании. Наш каскадер В. Иванов заплатил из своего кармана не одну тысячу за чертеж трамплина, расчет траектории полета над главной площадью страны. Генеральный директор «Русского пути» А. Алексеев сделал самый немислимый

трюк во всем сериале «Лучших мировых»: за 10 дней — по нашим условиям молниеносно — добился приема у коменданта Кремля. После легкого шока и принятия валидола хозяин кабинета сдался и назначил встречу с фирмой «Юник Филмз».

Фирма же «Юник Филмз», после полутора взаимно затраченных лет, после израсходованных нашей стороной только на переговоры по факсам да телефонам пяти тысяч, вдруг не является в Москву на

свидание с комендантом Кремля и начальником телебашни в Останкино. Объяснение пришло через два месяца по почте, не по факсу. «Юник Филмз» отказалась от «смотрин» ввиду мало-пригодной для съемок московской туманно-снежной погоды. Как выяснилось, вся американская фирма состоит из «бывших» наших. Может, они песню своей молодости вспомнили и перефразировали:

А в Москве по утрам туман,
Дефицит сигарет.
Если хочешь сойти с ума —
Лучше способа нет...⁰

И решили остаться при своем уме и интересе. Тем самым с треском «прокатив» по Красной площади наш «Русский путь».

А. Е.

FUTURE technologie

ТЕХНОЛОГИИ БУДУЩЕГО

ОТ ОТДЕЛЬНЫХ КОМПЬЮТЕРОВ
ДО СЛОЖНЫХ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ

НАШИ СПЕЦИАЛИСТЫ:

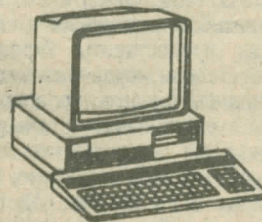
- * дипломированы ведущими фирмами — производителями компьютерных систем;
- * окажут Вам необходимые консультации по всему спектру вычислительной техники, включая локальные вычислительные сети;
- * выполняют работы по установке и тестированию оборудования на Вашем предприятии;
- * проведут обучение Ваших специалистов;

Реальные цены. Высокое качество.
Фирма — производитель. ГАРАНТИЯ 2 ГОДА.
Сервисное обслуживание за советские рубли.

Приобретая наше оборудование, Вы имеете возможность поставить на сервисное обслуживание уже имеющуюся у Вас технику.

**FUTURE
TECHNOLOGIE** — Ваш уверенный шаг в будущее!
INTERNATIONAL

Наш адрес: 125252, г. Москва, Чапаевский пер., 14.
Телефоны: 157-06-72, 157-05-37
Факс: 157 05 37
Телекс: 121183 FTI SU

Был ли ЛЕНИН агентом германского Генштаба?

Весной 1971 года я, тогда молодой историк, встретился со своим научным консультантом М. В. Фофановой, известной тем, что у нее на квартире неоднократно скрывался Ленин в период, когда было выдвинуто обвинение в его шпионаже в пользу Германии. Она мне рассказала один эпизод, которому суждено было стать отправной точкой этого исследования.

— Вечером 6 июля у меня на квартире проходило совещание членов ЦК большевиков. Совещание уже подходило к концу, когда Ленин встал, взял со стола газету «Живое слово», несколько секунд стоял молча, а затем, повернувшись лицом к Сталину, сказал: «Если

хоть один малейший факт о деньгах подтвердится, то было бы величайшей наивностью думать, что мы сможем избежать смертного приговора».

Рассказ Маргариты Васильевны ошеломил меня. И все-таки я долгое время не мог сослаться на ее слова — потому, что у меня не было доказательств. Теперь они появились.

Я тороплюсь познакомить с ними читателя. Боюсь, что могу опоздать: уже пришлось испытать удар булыжником по голове, подметные письма с обещаниями отправить на «ближайшее Николо-Архангельское кладбище», угрозы по телефону.

Впервые обвинения Ленина в том, что он является немецким агентом, появились в печати вскоре после его возвращения вместе со своими соратниками в Россию через территорию Германии. Сам этот факт был настолько подозрительным, что некоторые газеты стали открыто писать о том, что «Правда» работает на немецкую оборону. Однако это были лишь слухи, основанные на косвенных фактах, предположениях и догадках, но прямых улик против большевиков еще не было. Они появились 28 апреля 1917 г. после того, как в генеральный штаб русской армии явился с повинной прапорщик Д. С. Ермоленко. На допросе он показал, что Ленин является одним из многих действующих в России агентов германской разведки. Правительство поручило членам кабинета министров А. Ф. Керенскому, Н. В. Некрасову и М. И. Терещенко всесторонне содействовать расследованию столь серьезного дела. Был привлечен широкий круг квалифицированных специалистов.

В то время когда шло расследование, обстановка в стране накалялась. Особенно она обострилась в конце июня — начале июля 1917 года. Отчасти это было вызвано правительственным кризисом, возникшим в связи с требованием Центральной Рады предоставить Украине автономии. А также в известной степени неудачным наступлением русских войск на Юго-Западном фронте, продовольственным и топливным кризисом, охватившим столицу и окрестности. Однако можно было бы предотвратить выход обезумевших вооруженных солдат, моряков и рабочих на улицы, стабилизировать обстановку, если бы не подстрекательская деятельность большевиков. Советская историография десятки лет представляла дело таким образом, будто бы демонстрация 3—4 июля носила мирный характер и была расстреляна Временным правительством с благословения эсеро-меньшевистского ВЦИКа. Но многочисленные свидетели тех событий утверждали, что вооруженные «манифестанты» первыми

открыли огонь из винтовок по правительственным войскам, в результате чего началась перестрелка. В ней было убито и ранено около 400 человек.

По воспоминаниям В. И. Невского, 4 июля руководители Военной организации большевиков ждали от ЦК сигнала, «чтобы довести дело до конца» (Красноармеец, 1919, № 10—15, с. 40).

В этих условиях сотрудники контрразведки с одобрения министра юстиции П. Н. Переверзева решили не терять времени и использовать часть уже собранных обвинительных материалов — с тем, чтобы разоблачить подоплеку действий большевиков и вывести из-под их влияния массы рабочих и солдат. Руководство контрразведки пригласило к себе бывшего депутата Государственной Думы от рабочих Петрограда Г. А. Алексинского и социалиста-революционера В. С. Панкратова. Подготовленное ими заявление было опубликовано 5 июля в утреннем выпуске газеты «Живое слово» под сенсационным заголовком «Ленин, Ганецкий и К — шпионы!».

В газетном материале говорилось, что прапорщик Ермоленко был «переброшен 25 апреля сего года к нам в тыл на фронт 6 армии для агитации в пользу скорейшего заключения сепаратного мира с Германией. Поручение это Ермоленко принял по настоянию товарищей.

Офицеры Германского генерального штаба Шидицкий и Люберс ему сообщили, что такого же рода агитацию ведёт в России агент Германского генерального штаба и председатель Украинской секции «союз освобождения Украины» А. Скоропись-Иолтуховский и Ленин. Поручено стремиться вести всеми силами к подрыванию доверия Русского народа к Временному правительству. Деньги на агитацию получают через некоего Сведсона, служащего в Стокгольме при Германском посольстве. Деньги и инструкции пересылаются

через доверенных лиц.

Согласно только что поступившим сведениям, такими доверенными лицами являются в Стокгольме: большевик Яков Фюрстенберг, известный более под фамилией «Ганецкий», и Парвус (доктор Гельфанд). В Петрограде: большевик, присяжный поверенный М. Ю. Козловский, родственница Ганецкого — Суменсон, занимающаяся совместно с Ганецким спекуляциями, и другие. Козловский является главным получателем немецких денег, переводимых из Берлина через «Дисконто — Гезельшафт» на Стокгольм «Виа-Банк», а отсюда на Сибирский банк в Петроград, где в настоящее время на его текущем счету имеется свыше 2 000 000 руб. Военной цензурой установлен непрерывный обмен телеграммами политического и денежного характера между Германскими агентами и большевистскими лидерами.

По поручению Временного правительства были исключены вчера телефоны во всех большевистских организациях, в типографиях, занятых большевиками, и в частных квартирах большевиков. Ввиду угрозы большевиков захватить телефонную станцию, на Морскую улицу, к помещению, занимаемому телефонной станцией, был послан бронированный автомобиль.

По полученным сведениям, большевики готовили нападение на контрразведывательные отделения генерального штаба. К помещению, занимаемому отделением, был выслан бронированный автомобиль.

В этом же номере газеты помещена заметка «Кто разоблачил Ленина» следующего содержания:

«Комитету журналистов при Временном правительстве доставлено за собственноручной подписью члена 2-й Государственной Думы Г. Алексинского и шлиссельбуржца В. Панкратова следующее письмо:

«Мы, нижеподписавшиеся, Григорий Алексеевич Алексинский, бывший член 2-ой Государственной Думы от рабочих Петрограда, и Василий Семенович Панкратов, член партии социалистов-революционеров, пробывший 14 лет в Шлиссельбургской тюрьме, считаем своим революционным долгом опубликовать выдержки из только что полученных нами документов, из которых Русские граждане увидят, откуда и какая опасность грозит Русской свободе, революционной армии и народу, кровью своей эту свободу завоевавшим. Требуем немедленного расследования. Г. Алексинский и В. Панкратов».

Одновременно были отпечатаны листовки о заявлении Алексинского и Панкратова. Они бесплатно раздавались на каждом углу. Столица была потрясена этой новостью. «Петроградская газета» писала 9 июля, что известие о шпионаже Ленина в пользу Германии вызвало негодование у его бывших соседей по дому (в последнее время он проживал на квартире у Елизаровых).

В одной из статей, опубликованных 6 июля в газете «Речь», ее автор задавался вопросом: «Разве не Ленин обещал провокатора Малиновского, разве он не окружен нечестными Зиновьевыми, разве он не отстаивает вора Радека, разве он не соратник контрабандиста Ганецкого?.. Уже не будет ни у кого сомнений, что такая «политика», которую большевики с Лениным во главе вели, может диктоваться только из Германии, за счет темных источников».

Не менее хлестко высказывались и другие газеты. Характерна реакция видного деятеля российского рабочего движения Г. В. Плеханова. Ему, бывшему некогда в товарищеских отношениях с Лениным, трудно было поверить опубликованным фактам. Он пригласил на заседание группы «Единство» Г. Алексинского. И только после обстоятельного доклада последнего, убедившись в неопровержимости фактов, опубликовал 9 июля на страницах газеты «Наше единство» статью: «Беспорядки на улицах столицы русского государства, очевидно, были составной частью плана, выработанного внешним врагом России в целях ее разгрома. Энергичное подавление этих беспорядков должно поэтому со

своей стороны явиться составной частью русской национальной самозащиты». Заявление Алексинского и Панкратова, возмущение в народе подтолкнули правительство к энергичным действиям. Утром 5 июля была арестована Е. М. Суменсон. Спустя три дня газета «Живое слово», используя, вероятно, данные контрразведки, писала, что Суменсон получала немецкие товары и вырубленные деньги передавала большевикам. Ею «за время с января до начала наступления русских войск... было снято с текущего счета 750 тысяч рублей».

5 июля юнкера захватили редакцию и типографию газеты «Правда». Газеты писали, что при обыске редакции юнкера обнаружили письмо некоего барона из Халаранды на немецком языке. Этот барон приветствовал действия большевиков и выражал надежду, что они возобладают в Петрограде, что вызовет большую радость в Германии. Сенсационную статью — «Дело Ленина и К» опубликовала 7 июля газета «Речь». В ней говорилось: «По сведениям из Копенгагена, германский социал-демократ Гаазе, вождь левого крыла социал-демократов, проездом в Стокгольм в беседе в Копенгагене с русским журналистом утверждал, что известный д-р Гельфанд, он же Парвус, служит посредником между германским правительством и вашими большевиками и доставляет им деньги».

Думаю, нет необходимости подробно останавливаться на дальнейших действиях Временного правительства, кстати, санкционированных руководством Советов (был издан приказ об аресте Ленина, Зиновьева и Каменева, решено привлечь к судебной ответственности организаторов июльского вооруженного выступления и т. д.). Как же реагировал на все эти обвинения Ленин, который не замедлил скрыться после опубликования вышеназванных статей?

Он опубликовал целый цикл статей: четыре из них — в «Листке «Правды», совместно с Каменевым и Зиновьевым «Письмо в редакцию «Новой жизни» и свой «Ответ» в газете «Рабочий и Солдат» (в двух номерах с продолжением). Ленин начисто опровергал выдвинутые обвинения, заявляя, что «Ганецкий и Козловский — оба не большевики, а члены польской с.-д. партии, что Ганецкий — член ее ЦК, известный нам с Лондонского съезда (1903 г.), с которого польские делегаты ушли и т. д. Никаких денег ни от Ганецкого, ни от Козловского большевики не получали. Все это — ложь самая сплошная, самая грубая». («Листок «Правды», 1917, 6 июля.)

«Припутывают имя какой-то Суменсон, с которой мы не только никогда дел не имели, но которой никогда и в глаза не видели, впутывают в коммерческие дела Ганецкого и Козловского, не приводя ни одного факта, в чем же именно, где, когда, как коммерция была прикрытием шпионства. А мы не только никогда ни прямого, ни косвенного участия в коммерческих делах не принимали, но и вообще ни копейки денег ни от одного из вышеназванных товарищей ни на себя лично, ни на партию не получали» (здесь и далее подчеркнута мной). («Новая жизнь», 1917, 24 июля.)

«Прокурор играет на том, что Парвус связан с Ганецким, а Ганецкий связан с Лениным! Но это прямо мошеннический прием, ибо все знают, что у Ганецкого были денежные дела с Парвусом, а у нас с Ганецким никаких» («Рабочий и Солдат», 1917, 27 июля.)

«Ганецкий вел торговые дела, как служащий фирмы, в коей участвовал Парвус. Коммерческая и денежная переписка, конечно, шла под цензурой и вполне доступна контролю целиком. Стараются спутать эти коммерческие дела с политической, хотя ровно ничем этого не доказывают!» (Ленин В. И. ПСС, т. 32, с. 425).

Этим, собственно, и исчерпываются попытки Ленина защитить себя и соратников по партии.

Теперь обратимся к фактам, каковы они есть на самом деле. Сначала — к биографическим данным Я. С. Ганецкого и М. Ю. Козловского.

Ганецкий (Фюрстенберг) Яков Станиславович (1879—1937) — видный деятель польского и русского революционного движения. Участник II, IV и V съездов РСДРП. На V съезде РСДРП был избран членом ЦК партии. С 31 марта 1917 года являлся членом Заграничного бюро ЦК РСДРП (большевиков). После октябрьского переворота занимал ряд ответственных государственных должностей.

Козловский Мечеслав Юльевич (1876—1927) — также видный деятель польского и русского революционного движения, большевик. После февральской революции — член Исполкома Петроградского Совета и ЦИК первого созыва. После октябрьского переворота занимал ряд государственных постов. (Например, был председателем Малого Совнаркома.)

Как видим, Ганецкий и Козловский были не только большевиками, но и первый из них входил в состав руководящих большевистских органов, а также был агентом большевистского ЦК. Это, кстати, признает и сам Ленин (Ленин В. И. ПСС, т. 49, с. 441).

В свидетельских показаниях Ленина, данных им в конце мая 1917 г. присяжному поверенному Н. А. Колоколову по делу провокатора Р. В. Малиновского (показания эти находятся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС), говорится, что для расследования подозрений относительно Малиновского была создана комиссия в составе Ленина, Зиновьева и Ганецкого.

Как могли включить в состав комиссии, призванной заняться столь щепетильным вопросом, члена другой партии — польской социал-демократии?

Все эти увертки фактически понадобились Ленину только для того, чтобы уйти от уголовной ответственности. Между тем фактов, подтверждающих связь Ленина с Ганецким, имеется предостаточно. Только с середины марта до начала мая 1917 г. он отправил последнему около 20 телеграмм и писем (см. там же. т. 49).

Более того, Ленин 31 марта прибывает в Стокгольм и участвует во второй половине дня в совещании большевиков, которое организует Заграничное бюро ЦК РСДРП(б). Именно на этом совещании в состав Загранбюро избирают В. Воровского, Я. Ганецкого и К. Радека.

Перед поездкой в Россию Ленин писал Инессе Арманд: «Денег на поездку у нас больше, чем я думал...» (Там же, с. 424). Спрашивается, откуда у большевиков, проживающих за границей, эти деньги?

Настораживает и другое. Германское правительство в условиях войны с Россией предоставило Ленину и другим российским политэмигрантам возможность проезда из Швейцарии в Россию через всю Германию — с юга на север. Причем оно гарантировало экстерриториальность специального вагона, то есть никто не имел права входить в вагон, проверять паспорта и багаж пассажиров. Обращает на себя внимание и то, с какой оперативностью решили немцы вопрос о проезде политэмигрантов. 27 марта состоялся их отъезд из Швейцарии, а уже 3 апреля Ленин выступает с броневика на Финляндском вокзале. И это — в Европе, разделенной фронтами мировой войны!

Интересно, что в статье «Как мы доехали» (там же, т. 31, с. 119) Ленин упоминает, что в Россию через Германию вернулись 32 человека. В Центральном музее В. И. Ленина в Москве висит список 30 вернувшихся эмигрантов. Куда же девались еще два человека? И кто они были? Уж не те ли, кто обеспечивал экстерриториальность вагона?

Конечно, мои подозрения так и остались бы ими, если бы не помог случай. В журнале «Пролетарская революция» (1923, № 9) я прочитал текст письма Ленина из Петрограда Ганецкому в Стокгольм. Отправлено оно было 21 апреля (4 мая) 1917 г.: «Дорогой товарищ, письмо № 1 (от 22—23 апреля) получено сегодня 21/IV — ст. ст. ...Деньги (2 тыс.) от Козловского получены».

Вот тебе и никаких денежных дел «у нас с Ганецким!» Вот тебе и «ни копейки денег» от Ганецкого и Козловского!

Как же могло случиться, что был опубликован столь любопытный документ? История его появления на свет такова. В конце лета 1923 г. (Ленин в это время, парализованный и лишенный речи, находился в Горках) заведующий Петроградским историко-революционным архивом Н. Л. Сергиевский прислал в редакцию журнала «Пролетарская революция» бандероль, совершенно не подозревая о сенсационном характере содержащихся в ней документов. В сопроводительном письме, опубликованном в этом же номере журнала, Сергиевский писал: «Посылаю Вам три копии писем Владимира Ильича. Найдены они были в архиве министра юстиции (Временного правительства. — А. А.). Как видите, они найдены не в подлинниках, а в копиях, и нет возможности сказать, были ли удержаны подлинники или последние, по снятию копии, были направлены к адресатам. Полагаю, что нет основания сомневаться в том, что подлинники написаны именно Владимиром Ильичем, а не кем-то другим. Жандармами заверенные копии хранятся у меня».

Очевидно, за свою находку Н. Л. Сергиевский поплатился. Вначале его стали понижать по работе. По данным ЦГАОР Ленинграда (архивная справка и препроводительное письмо на мой запрос подписаны нынешним заместителем директора архива Н. И. Дерингом. Причем конверт с этими документами я получил вскрытым, более того, данное письмо из Ленинграда в Москву шло почему-то двенадцать дней), Сергиевский год спустя после находки — заведующий секцией Петроградского отделения Центрального архива СССР, еще спустя год — в 1925 году — управляющий отделением секции, в 1926 году он — уполномоченный Ленинградского центрального исторического архива РСФСР. Далее всякие упоминания о нем в архиве отсутствуют. Человек бесследно исчезает.

Что же это были за письма, присланные Сергиевским? Первое из них отправлено Лениным Карпинскому 12 апреля 1917 г. из Петрограда в Женеву. Второе — тоже от 12 апреля — было послано в Стокгольм на имя Ганецкого и Радека: «...денег от вас не получили» (Ленин В. И. ПСС, т. 49, с. 437). И спустя девять дней уже вышеупомянутое письмо: деньги получены. Ганецкий объяснял, что эти «деньги... представляли из себя суммы ЦК, оставшиеся за границей» (Пролетарская революция, 1923, № 9(21), с. 227). Но для чего тогда понадобилось Ганецкому через Козловского отправлять из Стокгольма Ленину в Петроград 2 тысячи рублей, если последний тут же собирался послать Радеку в Стокгольм «около 3—4 тыс. рублей» (Ленин В. И. ПСС, т. 49, с. 440) для организации международного совещания социал-демократов? Не проще было бы в том же Стокгольме Ганецкому передать Радеку эти деньги из рук в руки?

Ленин в уже упоминаемом письме к И. Арманд пишет, что «нам здорово помогли товарищи в Стокгольме». Кто же были эти товарищи-добряки? Может, одним из них и был служащий германского посольства Сведсон, который через «Виа-Банк» субсидировал большевиков?

Следует сказать еще об одном. Ганецкий, обладая искусством конспирации, вероятнее всего, уничтожил письма Ленина. Конечно, он не мог предполагать, что вся их переписка находится под контролем жандармов. Что копии писем Ленина вдруг всплывут на поверхность и станут разоблачающими документами, ему, очевидно, и в голову не приходило. Ленин тоже был уверен, что содержание его писем Ганецкому никто не знает. И он смело отрещивается в июле 1917 г. от Ганецкого и Козловского, будучи уверен, что концы спрятаны в воду, и не подозревая, что копии его писем располагает контрразведка Временного правительства. Но все-таки, находясь в подполье, он на всякий случай предпринимает шаги, чтобы замести следы. И 17(30) августа направляет из Гельсингфорса (Хельсинки) письмо

G. G.-S.
NACHRICHTEN-BUREAU.

Section R.
№ 42

12 февраля 1918 г.

№ 1845. Секретно. V

Г. Председателю Совета Народных Комиссаров.

Р. Косовский
М. М. Мухоморов
Томас из Ленинграда
Н. В.

Разведочное Отделение имеет честь сообщить, что найденные у арестованного кап. Коншина два германских документа с пометками и штампелли Петербургского Охранного Отделения, представляют собой подлинные приказы Имперского Банка за № 7433 от 2 Марта 1917 года об открытии счетов г. г. Ленину, Суменсон, Козловскому, Троцкому и другим деятелям на пропаганду мира по ордеру Имперского Банка за № 2754.

Это открытие доказывает, что не были своевременно приняты меры для уничтожения означенных документов.

Начальник Отделения *Р. Косовский*

Адъютант *Томас*

Факсимиле Документа № 2

Заграничному бюро ЦК РСДРП(б), в котором рекомендует Ганецкому поскорее издать «финансовый отчет своей торговли и своих «дел» с Суменсон (что сие за osoba? Первый раз услышал!) и с Козловским» (там же, с. 446).

А оказывается, что Суменсон была... родной сестрой Ганецкого!

Как видим, все становится на свои места. Вырисовываются звенья преступной большевистско-германской цепи: немцы (Сведсон) — Парвус — Ганецкий — Суменсон — Козловский — Ленин.

Алексинский и Панкратов оказались правы.

После прихода к власти большевиков стали в массовом порядке происходить поджоги государственных архивов. Эти факты тоже наводят на некоторые размышления...

В декабре 1917 г. полностью сгорели особо важные государственные архивные документы, находившиеся в Рыбинске. Они были перевезены туда в сентябре в связи с немецким наступлением. Этот поджог — не единственный случай. Поджогам и погромам несколько раз подвергались архивы в Нижегородской губернии, Кремлевские башни (в которых хранились архивные фонды), были подожжены архивы в Твери. Полностью были уничтожены архивы Полицейского управления и большая часть архивов Жандармского управления, архивные документы в ряде уездов и регионов. С началом нэпа архивные материалы превращались в товар и реализовывались на рынке. По данным ЦГАОР СССР, только «из архива Московской книжной палаты в 1922 году было продано 10000 пудов архивных материалов».

Теперь итоги. Группа большевиков из высшего партийного эшелона во главе с Лениным, преследуя свои узкокорыстные цели, выражающиеся в намерении узурпировать государственную власть в России, преднамеренно пошла на

тайный сговор с германским генштабом и, получая крупные субсидии от него, вела подрывную деятельность в пользу Германии, всеми силами стремилась подорвать доверие народа к Временному правительству. Своей провокационной агитацией среди солдат, матросов, рабочих, своим подстрекательством большевики разлагали и дезорганизовывали фронт и тыл, ослабляли военную и экономическую мощь страны, вели себя, как предатели, призывая к «перерастанию войны империалистической в гражданскую», и тем самым открывали себе путь к захвату власти. Организатором и вдохновителем всей этой деятельности был политический авантюрист международного масштаба Владимир Ульянов (Ленин).

В заключение — о документах, с которыми мне в числе прочих пришлось работать. Осенью 1918 г. Правительственный комитет общественного осведомления Соединенных Штатов издал под названием «Немецко-большевистская конспирация» серию документов и материалов о письменных сношениях между германским императорским правительством и большевистскими руководителями, между самими большевистскими должностными лицами, а также доклад Эдгара Сиссона, который являлся специальным представителем этого комитета в России зимой 1917—1918 гг. Из 70 этих документов 16 представляют собой факсимиле, произведенные в одних случаях с копий, в других — с оригиналов документов.

Ниже мы публикуем один из таких документов.

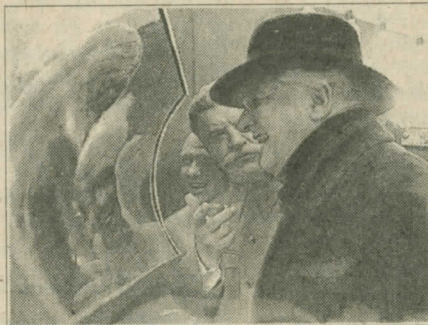
Подробнее о предательской деятельности большевистских вождей после Октябрьской революции будет рассказано в одном из ближайших номеров «Столицы».

А. АРУТЮНОВ,

Дневник „И.“

Если вы устали от политики, расследований, что куда исчезло с прилавков, и теледебатов депутатов, читайте наш «Дневник И.», в котором мы постараемся говорить интересно об искусстве. Должно же быть у человека что-то помимо этой жизни. Кино, например.

Отдел II.

Но голливудской сказки, к сожалению, не получается. Фильм осложнен бондаревским надрывом и бондаревской же дилеммой: что выше — честь или Кремль, на сей раз решаемой не по-бондаревски, в ущерб Кремлю, который герой почему-то все время хочет спалить... В конце концов это удастся героине Н. Белохвостиковой (зрители помнят ее как несравненную Н. Крупскую). Стоило ли столько лет сидеть в Венеции за чашкой кофе, чтобы в результате восстать против сталинского террора? Воистину неисповедимы пути номенклатурного эпоса, вступившего в полосу своих самых глубоких сумерек.

Александр ТИМОФЕЕВСКИЙ

ИСКУСНОСТЬ + БАБИЙ ЯР = ?

«ДАМСКИЙ ПОРТНОЙ»

«Фора-фильм», реж. Л. Горовец

История, прекрасно рассказанная драматургом (А. Борщаговский), поставленная настоящим режиссером (Л. Горовец), разыгранная выдающимися артистами (И. Смоктуновский, Т. Васильева), изобретательно снятая оператором (А. Яновский). Но, возможно, как раз все это и сделает сложным ваше отношение к фильму, действие которого происходит в ночь перед Бабым Яром: может быть, искусство покажется здесь избыточной или неуместной.

Олег ДОРМАН

БЕНЯ КРИК В ИУДЕЙСКОЙ ПУСТЫНЕ

«ЗАКАТ»

«Мосфильм» (студия «Слово»), реж. А. Зельдович

Красный автомобиль Бени Крика мчится по пустыне древней Иудеи... Вы не увидите ничего, что ожидали бы в картине по пьесе Бабеля.

Свобода (художника) как осознанная необходимость — в каждом кадре этого фильма. Может быть, чуть слишком сосредоточенно осознанная, но все же по праву присущая режиссеру А. Зельдовичу. Это едва ли не первый современный советский фильм, для которого «советский» и «современный» не служат эпитетами. Или, скорее, он сам придает этим эпитетам очень обнадеживающий смысл.

Олег ДОРМАН

КЛАССИКА — ВНЕ ПЕРЕСТРОЙКИ!

«ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК»

«Мосфильм» (студия «Время»), реж. И. Поплавская

Думаю, что не открою никакой тайны, сказав, что многие в нашей стране любят советское кино. Не нынешнее, а еще то, светлое, жизнеутверждающее, доперестроечное, лишенное наркоманов, проституток, миллионеров, драк, насилия, убийств, порнографии и немощной эротики, язв общества и грязи.

Теперь так делать уже не умеют. Время скороспелок, торопливости и неважной дикции. Осталось надеяться на экранизацию классики. И вот — экранизация «Очарованного странника», которая подробно, красиво, профессионально и легко переносит на экран известную прозу Лескова. Сейчас смотреть на что-то, сделанное хорошо и качественно (помните, такое слово было — «доботно»), как-то удивительно приятно. Такие фильмы делают для стабильности в обществе

СУМЕРКИ

НОМЕНКЛАТУРНОГО ЭПОСА

«ДЕСЯТЬ ЛЕТ БЕЗ ПРАВА ПЕРЕПИСКИ»

«Мосфильм» (студия «Союз») и «Фора-фильм», реж. В. Наумов.

Режиссер В. Наумов в последние годы был известен как экранизатор романов Ю. Бондарева — этой причудливой смеси популярной брошюрки об экзистенциализме и советского номенклатурного эпоса. Как и полагается в эпосе, действие фильмов охватывало несколько десятилетий, но вместо цельного человека, скажем, председателя колхоза, здесь действовал раздвоенный представитель культурного истеблишмента, писатель или художник, который, сидя за чашкой кофе где-нибудь в Германии или Венеции, все решал для себя мучительную экзистенциальную дилемму: можно ли оправдать человека, перед лицом смерти изменившего Родине, или все-таки ни при каких обстоятельствах нельзя. Фильм «Десять лет без права переписки» снят по сценарию А. Кабакова, чья литературная манера весьма далека от бондаревской, и столь решительная перестройка драматургической первоосновы, конечно, не могла пройти бесследно. Новая картина выгодно отличается и занимательностью сюжета, и авантюристкой интриги, и лихими, прямо-таки голливудскими героями. Обитая в послевоенной Москве, они ухитряются увести свою подругу из-под охраны НКВД, таким образом завершив вполне американскую погоню по вполне советскому маршруту: особняк Берия — Дом на набережной.

больше, чем все законы всех правительств вместе взятые.

Саша КИСЕЛЕВ

ДЕРЖАВИН БЕЗ ШТАНОВ

«Бабник»

Киностудия «Одеон», реж. А. Эйрамджан

Сюжет легко читается в названии. А творческое кредо режиссера А. Эйрамджана — в его предыдущей ленте «За прекрасных баб!» (прошу прощения, оговорился — «За прекрасных дам!»). Хотя моя невольная оговорка безусловно точнее выражает суть того фильма. Хотя и в этом тоже много прекрасных баб. Ну просто ничего не могу с собой поделаться! Не тянут они на дам, хоть ты тресни. А вот бабника-то и нет! Правда, есть А. Ширвиндт в роли полового гиганта (что смешно слышать, но абсолютно не смешно видеть), который в промежутках между бабами вяло пикируется со своим старым телепартнером М. Державиным, который в свою очередь предстает перед нами со спущенными штанами. Это тем более не смешно, и за державу и Державина обидно. Обидно потому, что привык как-то по старинке думать, что кино снимается для зрителей, а тут явно для баб и бабников. А посему, господа, предлагаю тост за прекрасных дам! Кстати, создателей «Бабника» просим не беспокоиться.

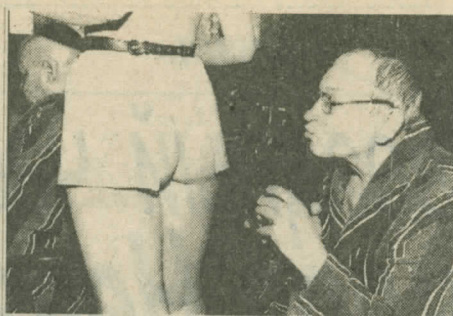
Петр СМЕРНОВ

ПРЕЗИДЕНТ ЗВОНИТ ИЗ ПСИХУШКИ

«ИМИТАТОР»

Киностудия имени А. Довженко, ХТО «Радуга», реж. О. Фиалко

Комедия. Сатирическая. Музыкальная. Иногда смешная.

Иногда грустная. Герой героически, но в жанре, сражаясь с номенклатурой, используя ее же оружие — телефонное право и свой дар подражать чужим голосам. Доходит до Кремля и до психушки. Больше всего мне понравился в фильме режиссер О. Фиалко, точнее, его голос за кадром, имитирующий голос Президента. Но еще больше мне понравились его сольные пародии на ту же тему в узком кинематографическом кругу. Это просто блеск. Или, по-научному, полный отпад.

СОВЕТ ЗРИТЕЛЯМ. Требуйте в нагрузку к фильму выступление режиссера перед сеансом. Можно после. Двойное удовольствие гарантируется.

Петр СМЕРНОВ

ТОТЕМ БЕЗ ТАБУ В СОВЕТСКОЙ КАЗАРМЕ

«Сто дней до приказа»

Киностудия имени М. Горького, кинофирма «Мир», реж. Х. Эркенов

Повесть Ю. Полякова «Сто дней до приказа», посвященная дедовщине, была одним из типичнейших образчиков перестроечной беллетристики. Фильм Х. Эркенова, поставленный сегодня, когда эпоха перестройки, очевидно, уже закончилась, таковым — слава Богу! — не стал: с повестью он не имеет ничего общего, кроме названия.

Уходя от перестроечной риторики, от прямолинейной комсомольской обличительности, вообще от всякой публицистики, Эркенов, режиссер, несомненно, пластически одаренный, создает смутные образы, пытается передать некую скрытую, глубинную, тотемную жизнь советской казармы. Это может вызвать похвалу эстета и беспокойство психоаналитика. Армия для режиссера — модель мира, из которого нет выхода. В этом мире есть свой Космос, озвученный неизбежным в таких случаях Бахом и до зубной боли напоминающий Тарковского. Космос дается Х. Эркенову заметно хуже, чем тайная жизнь мужского сообщества, но

появление его знаменательно. Перестроечная тянучка и тянучка из Тарковского — вот два полюса, между которыми, похоже, еще долго будет балансировать отечественный кинематограф.

Александр ТИМОФЕЕВСКИЙ

МЕДИЦИНСКИЙ ТРИЛЛЕР ДЛЯ МУЖЧИН

«ФУФЛО»

«Ленфильм» (ТО «Троицкий мост»), реж. А. Лебедев

Фильм «Фуфло» не развлечение для глупых. Над подобным искусством надо стоять, как над колодцем, стараясь, по определению Троцкого, сквозь толщу вечно колеблющейся замутненной воды пронизательным взглядом разглядеть или разгадать очертания дна. Но в случае с фильмом «Фуфло» делать это надо исключительно в волшебных очках психоанализа, которые не у всех зрителей в наличии. Зато у режиссера картины А. Лебедева имеются, и с явно увеличенными диоптриями. «Уши» Фрейда торчат из каждого кадра его фильма, окрашенного в густые сексуальные тона. Блуждания героя, иллюстрированы фаллическими символами, смелыми для нашего кинематографа.

Если согласиться с Фрейдом, что все длинные предметы — трости, палки, деревья, зонты, пики, кинжалы, забредающие в наши сны, означают мужской символ, то ружье в картине Лебедева не что иное, как «божественный penis» балерунка Тюни, вокруг которого режиссер выстраивает таинственное иррациональное действо. Я бы сказала, что А. Лебедев снял медицинский триллер для мужчин. Только мужчины поймут Тюню в положении, когда ружье не стреляет. У Тюни затвор отказывает как раз в ту минуту, когда инстинкт зовет его в постель.

Половые переживания героя облечены оператором в изысканнейший кадр, а победа над недугом символизирована торпедным заходом самолета в облачную завесу. Я не знаю, зачем Лебедев снял свой фильм. Но если психоаналитики изучают объект по отпечаткам его душевной жизни, то фильм «Фуфло» надлежит исследовать по следам, оставленным в нем режиссером.

Наталья РТИЩЕВА

Звездный час Александра Невзорова

ПАНОПТИКУМ — а) собрание причудливых живых существ, необычных предметов и т. п. (СЭС).

— б) детище А. Г. Невзорова, популярного тележурналиста.

— Я коммунистов сейчас вообще не трогаю — ну что с них взять: бедные, забытые такие, сидят в своих углах, тихони... Им сейчас хоть бумагу на голову жги — они тебе только кланяться будут и спасибо говорить... А вот с Щелкановым я поступил со свойственной мне иезуитской выверенностью всех моих действий. Я первым в стране объявил о его отставке; на следующий день я весело смотрел, как это сообщение опровергли один за другим программа «Время», наше питерское телевидение, газеты, а вечером продемонстрировал второй экземпляр прошения об отставке Щелканова... Кстати, все интересуются — как ко мне попадают документы, которых нет ни у кого: заявление Щелканова (которое, по-моему, не делает чести такому порядочному человеку) передал к нам на телевидение один из его ближайших помощников — представляете, какая там у них атмосфера?..

Они могут себе там решать что угодно — решения Ленсовета уже давно никто не выполняет... Это вообще, публика — атак!.. В кроссовке на одной ноге, в ботинке — на другой, с перевернутым депутатским флажком на лацкане...

— Но они же приняли решение об окончании работ на дамбе?

— Решение Ленсовета об остановке строительства дамбы ничего не значит. Они просто не совершили самосубийства. Если бы они не приняли этого решения — тогда можно было бы спокойно звонить в «03», вызывать машины к Мариинскому дворцу и загружать «скорые» депутатами... Из того, что они приняли правильное, нормальное

решение, следует, что просто не надо вызывать машины «скорой помощи» из психиатрички...

— Как вы относитесь к планам создания в Петрограде свободной экономической зоны, к Фонду спасения города?

— Да я хорошо отношусь к программе, я хорошо вообще отношусь ко всяким программам!.. Но экономической зоны, свободной от нищеты, не бывает. Наша зона начинается с карточек, продолжится карточками и закончится карточками. Но — единственно — будет покупатель свободной экономической зоны. Велико ли преимущество — «визитная карточка покупателя свободной экономической зоны»? А вообще карточка — это абсолютно циничное и подлое изобретение.

— Ельцин предлагает варианты выхода России из кризиса. К какому из них вы бы склонились?

— Я думаю, что я бы склонился ни к какому. К тому же Ельцин говорит, имея в виду всю Россию. Вся Россия и Петербург очень схожие явления, хотя много общих симптомов. Мы сейчас, наверное, абсолютно уникальны: нигде так не обострен конфликт, так не выдернуты наружу основные социальные нервы и социальные корни всех явлений и всех событий, нигде...

— Каким вы видите первый конфликт программы реформ в России?

— Я думаю, что конфликт первый и последний. Это упертость любых замыслов и помыслов в нищету, и этот же конфликт будет последним, поскольку из нищеты, как известно, есть только два выхода: или еще большая нищета в конвульсиях социального типа (а это всегда приводит к очень неприятным последствиям), либо, уж извините, генерал-губернаторское решение вопроса.

— Что на сегодня для вас главное?

— Я не хочу гражданской войны, категорически не хочу. Но хочу генерал-губернатора.

— Это единственная ваша позитивная программа?

— Это единственная программа, которая осталась у нас вообще, а не у меня... У нас много ставилось социальных экспериментов, у нас сейчас происходит, возможно, самый страшный социальный эксперимент под названием «демократия». Страшный потому, что отсутствуют силы, регулирующие эту демократию. На губернаторство мы будем вынуждены пойти — так уж лучше будет, если мы пойдем на это добровольно, — вместо того, чтобы слушать бессвязный ор на сессиях и демонстрацию амбиций, пусть будут и права, и обязанности одного выбранного человека — того же Собчака...

— Я не думаю, что один человек может спасти город...

— Ему помогут — как это было принято во всех нормальных цивилизованных странах: есть монарх и при нем есть Дума.

— Это правда, что вы — монархист?

— Это правда, что я — монархист...

— Если Ленсовет примет уж совсем неприемлемое для вас решение — могли бы вы сказать в эфире: «Долой Ленсовет»?

— Нет, я не скажу «долой» Ленсовету — это будет абсолютно противозаконно, это будет подстрекательством к мятежу. Я знаю, чего стоит мое слово. Я просто скажу, как я уже говорил, что я отказываюсь подчиняться решениям Ленсовета и ставлю себя и программу вне закона, если им это угодно.

— У меня напрашивается сравнение «600 секунд» с сеансами Кашпировского...

— Нет, я совершенно не занимаюсь исцелениями — я, скорее, раню.

— Вы говорили о поддержке

фото Ю. Штукина

вас и ваших «секунд» — как вы думаете, сколько процентов горожан за вас?

— Я думаю, процентов 70. Если идеально. Если по рейтингу, то процентов 80. Десять процентов всегда можно оставить на естественные колебания общественного мнения.

— Приходят к вам негативно настроенные к «секундам» письма?

— Очень много, но не из-за конфликта с Ленсоветом, а из-за нашего отношения к Ленину — это

основное.

— Почему вы отказались баллотироваться в депутаты — вас же выдвигали в кандидаты?

— Как вы сами понимаете, я мог бы без труда и без борьбы нацепить на себя значок с флажком. Я счел, что я недостаточно порядочен, умен, талантлив и образован для того, чтобы представлять собой власть — в отличие от всех этих сотен людей, которые сочли, что они достаточно умны, образованны и так далее...

— И в отличие от других жур-

налистов, которые стали депутатами?..

— Это их личное дело. Насколько я все-таки понимаю, к примеру, «взглядовцы» гораздо больше заняты своей программой, чем своей депутатской деятельностью — это им необходимо для обладания определенным статусом, для гарантии собственной безопасности, скажем так — для себя. Депутат и вправду имеет возможность сказать больше, но у меня главное — популярность программы — я считаю, что комментатор «600 секунд» уже не меньше, чем народный депутат...

— Говорят, питерцы дали два типичных примера: Собчак — это пример трибуна-интеллигента, а вы, извините, трибуна-мещанина...

— Я ничего не имею против этого. Все забыли о прекрасном значении прекрасного русского слова «мещанин», «место». Да, действительно, я живу в этом городе, я никогда его не предаю и не продаю, никогда отсюда не уеду — в отличие, кстати, от очень многих журналистов, которые покидают его в надежде на московские лавры с большой легкостью. Я мещанин, и я здешний «месть — чанин».

Я не испытываю к Собчаку какого-то особенного пристрастия, но в конфликте между Собчаком и депутатами Ленсовета поддерживаю Собчака как более разумное начало. Он симпатичен очень — потому что он сильный человек. Он вдумчивый, талантливый, он профессионал — это чувствуется на каждом шагу; он блистательно владеет вопросами, самыми главными для государственного деятеля, — теми вопросами, где перемешаны юриспруденция и экономика... И когда дерутся два человека, один — нормальный, разумный, добрый, втянутый в драку, а второй — эту драку развязавший, я знаю, к кому прийти на помощь.

— Какой вы видите свою программу в будущем независимом ЛенТВ?

— Мы будем частью этого независимого телевидения, и, я думаю, лидирующей частью.

— Какой, по Достоевскому, «настоящий» вопрос вам еще не задавали?

— Черт его знает... В разных ситуациях по-разному. Тот же Федор Михайлович Достоевский довольно точно указывал, что вся психологическая структура меняется ежедневно. На каждый день есть свой «настоящий» вопрос. *Интервью брал*

Константин ЕЛГЕШИН 47

ШАБАШ СОСТОИТСЯ ПРИ ЛЮБОЙ ПОГОДЕ

Пальто снимать как-то расхотелось — распахнутые настежь окно и дверь — это при нулевой уличной температуре.

— Душевное состояние требует, — разъяснила хозяйка квартиры и разрешила не раздеваться. Потом протянула ко мне руку и, влившись взглядом, выдала первое заключение: «Гипотоник. Но с этим проблем не будет. Исторический шумок в сердце...»

— Вообще-то я не за тем... — рискнула я прервать вдохновенный монолог. Властный взмах руки не дал закончить фразы: «Знаю! Знаю, зачем вы пришли».

А цель моя проста и утилитарна и обговорена заранее по телефону.

Наверное, ни одна газета, теле- и радиопрограмма не обошла вниманием тему экстрасенсов, которых развелось в нашей агонирующей стране видимо-невидимо. Тема выигрышная — всякий скушает, хоть с восхищением, хоть с раздражением.

Чудотворцы охочи до рекламы, а адресов не дают. Хлопотно это — творить чудеса, когда, скажем, спать хочется. Куда проще порассуждать о бескорыстной любви в уютном кресле перед волнующим сердцем глазком телекамеры.

А в это время люди, давно разочившиеся засыпать без снотворного и безоговорочно верящие печатному слову, скрюченными от боли пальцами накручивают телефонные

диски, шепча, как молитву, добытые невесть откуда номера. Чтобы, прорвавшись сквозь преграду коротких и длинных гудков, услышать безнадежное: «Я не веду приема». И тогда боль становится невыносимой. Боль физическая или душевная. Например, если пропал близкий человек.

По данным МВД РСФСР, в первом полугодии текущего года в розыске числилось 35 545 человек. Из них 11 110 детей.

Конечно, эти данные не покажутся столь кошмарными, если разобратся в хитросплетениях статистики. Цифры рассказывают об общем количестве пропавших без вести за последние 15 лет. Но поиск-то идет. Так, уже к концу полугодия из этих 35 с лишним тысяч найдено 23 067 человек.

Хорошо ли, плохо ли работает милиция — иной разговор. Суть в том, что среди десятков тысяч человеческих трагедий всегда присутствует сотня-другая абсолютно бесперспективных в плане розыска. Труп сожжен дотла, и пепел развеян по ветру. Или преступник утопил свою жертву в многоводной реке накануне ледостава. Или человек сознательно скрывается, например, в сибирской тайге.

Но кто научит мать, у которой ребенок ушел в школу, не вернулся, как жить дальше, если проходит неделя, две, три — никаких известий? Кто запретит ей верить в чудо? Ей бы только одно словечко: жив... За любые деньги!

Беспрерывно идут телефонные переговоры. «Тут у меня журналист. Злая. Материалистка. Неверующая. Ты с ней встреться, расскажи обо мне». Уже заполнила кухонный партер «группа скандирования». «О, это такая необыкновенная женщина. Она все может!» — глаза блаженно сияют и... цепко ловят мою реакцию. А реакции — ноль, и не считать с моего лица никакой информации. И это заметно нервнрует.

— Вы считаете себя экстрасенсом?

— Я — человек нездоровый для нынешнего общества. Кликуша я.

— Ваш спектр деятельности? Диаг-

ностика, лечение, предсказания, розыск пропавших без вести...

— Я помогаю людям в горе. Меня все знают.

— Простите, как вам открывается истина? Это что: образ, голос, картинка...

— Чудо это, чудо.

— Вы всем помогаете?

— Бывает, придет человек — я ничего ему сказать не могу, не вижу. Тут всегда пятьдесят на пятьдесят.

— Не пробовали вести учет точных попаданий?

— Недоуменный взгляд.

— Какая информация вам требуется, чтобы сказать нечто определенное? Фотография, описание события, места, характера человека...

— Мы говорим с вами на разных языках.

МВД России завалено жалобами. Ладно бы на неумелую или небрежную работу на местах. Можно выехать, проконтролировать, помочь, наказать, в конце концов. Жалуются на то, что розыскники не применяют современных научных методов. Высыпаются из бесчисленных конвертов фотографии. Требуют, заклинаят рукописные строчки: покажите пропавшего мужа, дочь, брата экстрасенсу — он скажет, где искать.

Показывают. Симпатичный оперативник Василий Васильевич Иванов, добровольно принявший на себя миссию по налаживанию контактов с потусторонними силами, колесит после работы по Москве, убеждая всех, что ему по дороге. Вот только результат — увы. Скажи по фотографии: ищите там, где много труб. А человек жил в большом городе, напичканном фабриками и заводами, — поди сыщи. Или еще: закопан под березой. Только где растет эта береза? Или того пуще: один экстрасенс говорит — жив, другой — мертв.

Василий Васильевич едет к третьему.

— Вы берете плату со своих незваных гостей?

— Нет, денег ни у кого не беру.

Каюсь, мне мешает верить слиш-

«КРАСИВУЮ ЖИЗНЬ»

По соседству с нашей редакцией, на доме 15/13 по улице Петровка, — указатель с импортными буквами «Intourtrans». Кому и какие такие особые ино-транспортно-туристические услуги предлагает хозрасчетное объединение «Интуртранс»? — поинтересовалась наш корреспондент А. Ефимова у заместителя генерального директора объединения В. ШКУРДАЛОВА.

Фото Э. Курьявникова

ком красивая, дорого обставленная квартира. Моя мысль подхвачена на лету.

— Многие оставил мне муж. Сейчас я не работаю. Но если стану голодать, не побрезгую пойти помыться в соседнюю больницу.

Глаза моей собеседницы, точно по заказу, наполняются слезами.

— Вы готовы сотрудничать с МВД? Слезы высыхают.

— Я помогаю Василию Васильевичу, потому что у него добрая душа истинно русского человека. Я полюбила его за терпение: сколько он тут разного наслушался, хоть и не верит на девяносто девять процентов. А постоянно сотрудничать с системой... Нет, это не для меня.

— Вы можете сейчас сказать что-то о тех людях, фотографии которых вам передали в прошлый раз?

— Их нет у меня. Скажу потом.

Я понимаю: мы говорим на разных языках. Меня интересует результат, а не процесс.

МВД России обращается ко всем экстрасенсам, колдунам, гадалкам, ясновидящим и иным гражданам, обладающим неординарными способностями. Если вы действительно конкретную помощь людям предпочитаете абстрактной любви к человечеству, если вы не боитесь статистики точных «попаданий» и хотите знать свои реальные возможности, если вы готовы к чистому эксперименту на глазах у трезвомыслящей публики, милиция приглашает вас к сотрудничеству.

К этому приглашению присоединяется новый фонд «Ребенок в беде», учрежденный газетой «Московский комсомолец». Фонд выплатит крупное денежное вознаграждение любому, кто поможет найти без вести пропавшего ребенка, когда все милицейские возможности исчерпаны.

Участвуя в эксперименте, вы совершенно неожиданно можете стать победителем конкурса уникальных способностей, объявленного центром «Идея» под руководством Юрия Горного, и получить приз 50 тысяч рублей.

О вас с удовольствием расскажет «Столица».

Если ваш дар не вымысел, звоните по телефону 222-52-16 (МВД РСФСР).

Прочих просим не беспокоиться.

Елена САЛИНА

— Наше главное дело — забота о транспортном обслуживании иностранных туристов в Союзе и советских — за рубежом. Мы имеем агентские соглашения с Аэрофлотом, паромствами, железными дорогами о продаже билетов, осуществлении перевозок. Новое же для «Интуртранса» занятие — туризм. Год назад мы заключили соглашение с финской компанией «Силиа Лайн», стали агентами по реализации ее услуг в СССР. Обеспечиваем наших туристов билетами на теплоходы фирмы, бронируем гостиницы в Финляндии, Швеции, ФРГ. С учетом изменения рынка сегодня мы продаем путевки за свободно конвертируемую валюту.

— Каково же качественное отличие вашей «конвертируемой» путевки «за кордон» от обычной «деревянной»?

— Если можно так выразиться, у нас клиент «заказывает музыку». Он сам называет страну, которую желает повидать, сроки пребывания и программу — исходя из интересов и, конечно, финансовых возможностей. Захотел — организуем для него посещение ресторанов, шоу, специализированных выставок — автомобильных в Париже или цветочных в Японии. Не захотел экскурсий, мечтает лишь с любимой девушкой в Париже повстречаться — оформим только одну гостиницу. Дешевле не

придумаешь. Мы одни из немногих в стране, кто занимается индивидуальным туризмом. Не ждем, пока наберется группа в 15—30 человек, отправляем одного, двух, семью. Скажем, семейные туры, когда для вас бронируются двухкомнатные апартаменты, где есть кухня с полным набором посуды для современной хозяйки. Вы оплачиваете только проживание, продукты покупаете на рынке и готовите сами, что значительно удешевит вашу поездку. Но Европой мы наших потребителей не ограничиваем, у нас хватает и экзотики на выбор: отдыш под пальмами в Сингапуре, Таиланде, Шри-Ланке, Малайзии, Индонезии. В новом году добавятся маршруты в Аргентину и Бразилию с их знаменитыми карнавалами.

— Многих хлопот, нервов и времени стоит советскому счастливцу, имеющему валюту в кошельке, сам процесс оформления тура?

— Клиент приходит к нам сделать заказ — раз. Заполнить анкету и оплатить поездку — два. А в третий получает визу и паспорт, то есть готовые туристские документы. Минимум забот.

— Кто же ваш основной потребитель? Избранная публика?

— Народ совершенно разный. За границей ведь трудятся не только дипломаты, но и рабочие и инженеры. В некоторых отечественных организациях сейчас служащих поощряют валютными премиями.

— Многие наши туристы рвутся за рубеж с одной, но пламенной страстью — купить «ихнюю» машину. «Интуртрансу» есть какое-то дело до этого «человеческого фактора»?

— На следующий год мы планируем специальный автомобильный тур в Бельгию, где всякий желающий сумеет приобрести поддержанную машину. В Москве заранее будет известна цена, можно будет оговорить условия покупки. Очень выгодно: стоимость 4-дневной поездки плюс цена автомобиля — нормальная, а не здешняя «черная».

— Значит, за турпутевкой в «красивую жизнь»...

Галина МЫЛЬНИКОВА

СКАНДАЛ В БЛАГОРОДНОМ ФОНДЕ

Советский детский фонд имени В. И. Ленина имя это вполне оправдывает. Созданный по канонам административной системы, он обездоливает тех, кого должен был осчастливить.

Газеты и телевидение уже сообщали о ЧП в Советском детском фонде — голодовке двух сотрудников Наиля Шамсутдинова, Алексея Голованя. Однако, несмотря на многочисленные «объективные» публикации, ответственности еще предстоит узнать, в чем суть скандала в благородном Фонде и что за ним стоит.

Руководство правления СДФ и лично его председатель А. А. Лиханов ведут открытую борьбу, чтобы не допустить создания независимой депутатской комиссии по проверке деятельности Фонда. Народные депутаты РСФСР, побывавшие на собраниях коллектива Фонда 23 октября прошлого года, где обсуждались требования голодающих, признали настолько серьезными противоречия в деятельности СДФ, что сочли нужным собрать по этому поводу совещание нескольких комитетов Верховного Совета России. На нем была принята телеграмма в адрес Президиума и Верховного Совета СССР с просьбой обсудить возможность создания комиссии с участием народных депутатов СССР. 22 ноября такое совещание состоялось. Представители трех комитетов Верховного Совета СССР — по народному образованию, делам молодежи, охране материнства и детства, выслушав обе стороны — представителей центрального аппарата СДФ во главе с А. А. Лихановым и Шамсутдинова, Голованя, приняли решение рекомендовать Президиуму и Верховному Совету СССР создать межкомитетскую комиссию ВС СССР по проверке деятельности СДФ. Потому что руководитель СДФ так и не смог убедительно ответить на множество вопросов народных депутатов СССР. В том числе о результатах проверки финансово-хозяйственной деятельности СДФ Минфином СССР, внезапно прерванной по неизвестным общественности причинам. Такова канва событий.

Вернемся к одному из драматических эпизодов этой эпопеи. На собрании трудового коллектива Фонда, где Шамсутдинов и Головань объясняли коллегам, что побудило их решиться на такую крайнюю меру, как голодовка, председатель правления СДФ А. Лиханов оценил их поступок как предательство — «выполнили роль Павлика Морозова». Рядовые сотрудники — как проявление мужества, которого не хватало многим из них.

Так кто же прав? Нельзя получить ответ на этот вопрос, не разобравшись в том, что же такое этот Детский фонд, что из него получилось.

Шамсутдинов и Головань пришли в СДФ, в общественную благотворительную организацию, помогать обездоленным детям. В Бюро по общественной опеке и попечительству, где они работали, такая возможность вроде бы предоставлялась им ежедневно. К ним шли «дети риска» —

сироты, беспризорники, малолетние правонарушители, просто дети, попавшие в экстремальную ситуацию. Прежде чем помочь ребенку в беде, его надо было накормить, уложить спать, нередко одеть и обуть. И тут они столкнулись с проблемой: на складе СДФ есть все что угодно, кроме вещей для детей. Детей размещали на стульях во флигеле, где находится Бюро, брали к себе домой. Но это было лишь начало мучительной процедуры по оказанию помощи.

Следующий этап — деньги. Чтобы выбить сумму в размере 100 рублей, надо было написать такую справку о жизни ребенка — камень расплатится. Затем — собрать подписи у членов бюро президиума, то есть у председателя правления и его заместителей. Хранители высоких подписей назидательно указывали: к народным деньгам надо относиться строго и не распылять их на мелочи.

За 1989 год с благотворительного счета 707, где хранится свыше 300 миллионов рублей, на помощь нуждающимся детям было выделено всего несколько десятков тысяч рублей. Такую же мизерную сумму составили расходы на конкретную благотворительную помощь и в 1990-м. Руководитель СДФ не утвердил положение об отделе скорой социальной помощи, разработанное в Бюро опеки, где планировалось открыть небольшой приют с гостиной, столовой, собственной бухгалтерией и наличными средствами, которые незамедлительно выделялись бы подросткам, попавшим в беду. Хотя Альберт Лиханов в своих публичных выступлениях, в частности, заявлял: «Мы все сообща должны мечтать о том, чтобы наша организация не стала только еще одной конторой, где входящие и нисходящие. Нужно придумать новую структуру, чтобы мы стали организацией нравственно высшего порядка. Чтобы каждый входящий получал от нас немедленную помощь... В структуре Фонда должно быть подразделение скорой социальной помощи детству, когда ребенок, попавший в беду, мог бы получить эту помощь немедленно, а не через два месяца, когда бумага пройдет по всем этажам».

Но это был не единственный пример, когда слова идеолога и создателя Фонда расходились с делами.

По Центральному телевидению уже показывали сюжет о страшном положении сирот во вспомогательных школах-интернатах Ленинграда, где воспитатели, руководители этих учреждений избивали, унижали ребят. Собран документальный материал о прямой ответственности руководителей Ленинградского комитета народного образования за эти безобразия. Некоторые из них, например Б. Авлас, были членами правления Ленинградского областного отделения СДФ.

Дело дошло до прокуратуры города. В Ленинград срочно прибыло руководство СДФ во главе с А. Лихановым для проведения внеочередного пленума правления Ленинградского отделения СДФ. И что же? Заменяли только председателя, члены правления из органов народного образования остались на своих местах при Фонде. По этой причине отказался возглавить отделение Фонда один из достойнейших граждан города — председатель Союза воспитанников дет-

ских домов блокадного Ленинграда Валерий Селиванов.

Так же безрезультатно закончилась миссия представителей СДФ в Перми, где они не смогли защитить работников местного отделения Фонда, борющихся с авторитетными руководителями детских домов и прикрывавшим их нарбразовским начальством.

Почему? Мина замедленного действия была заложена изначально: в состав правления СДФ, республиканских и региональных отделений вошло множество действующих или бывших работников народного образования. Сраживание с государственными структурами по одной этой линии лишало Фонд, объявленный как благотворительная организация, независимости при принятии решений в конфликтных ситуациях в детских домах, интернатах, вспомогательных школах. Реальность опрокидывала страстные выступления А. Лиханова о том, что Фонд станет профессиональным защитником детей от невежественных воспитателей и педагогов-недочек.

Об этой опасной тенденции Альберта Анатольевича предупреждали еще летом 1987 года на заседании оргкомитета по учреждению будущего Фонда. Один из выступавших говорил о том, что Минпрос СССР, с подачи которого детские дома и были доведены до горькой жизни, не может входить в состав его правления. Но к этому голосу не прислушались. Место бывшего министра просвещения СССР Щербакова в правлении СДФ занял первый заместитель председателя Гособразования СССР Шадриков.

Скомпрометировавшие себя на прежней работе лица с помощью руководителей народного образования и других покровителей находили теплое пристанище в детских учреждениях для сирот не только Ленинграда, но и Читинской, Иркутской областей, в Туркмении.

ЧП в Фонде сделало достоянием общественности и такое явление: Фонд не только сраживается с государственными структурами, но и в ряде случаев дублирует их функции.

Печать уже подробно сообщала об этой стороне деятельности СДФ, так что я бы хотела обратить внимание на такую особенность. Почти каждый крупный объект своей деятельности Фонд маркирует фирменной табличкой: будущий онкологический Центр Детского фонда, санаторий «Бригантина» — Детского фонда, приемные семьи Детского фонда, Институт детства Детского фонда и так далее. А. Лиханов и не скрывает, что они создают собственную недвижимость, и вот уже во время очередных выступлений дает новое название своей организации — концерн...

Монополистические устремления СДФ не соответствовали декларируемой руководителями Фонда идее собиравательства граждан, общественных организаций вокруг проблем защиты детства. Тому пример — Институт детства СДФ и Академии педнаук СССР.

Институт детства так и не открыл подготовку социальных работников для детских домов, спецшкол, ВТК, отделов социально-правовой защиты семьи и подростков при Советах народных депутатов. Ибо особняк на ул. Грановского, где он разместился, как объяснял руководство, до сих пор не приведен в надлежащий вид, негде размещать научные силы. Впрочем, кого размещать? Мне, да, наверное, не мне одной, неизвестны имена крупных ученых в области охраны и защиты детства, которых бы он собрал под своей крышей. А может, и не надо было Фонду затевать собственный институт, а лучше вложить средства в подготовку так необходимых специалистов в московских, ленинградских и других педвузах крупных городов, может, лучше было бы финансировать научные исследования в области социальной педагогики семейных отношений в сложившихся известных научных коллективах? Нет, лучше какой ни есть, но свой институт...

Стремление захватить все сферы, имеющие отношение к проблемам детства, стало напоминать лихорадочное движение золотоискателей, устремившихся к Клондайку,—

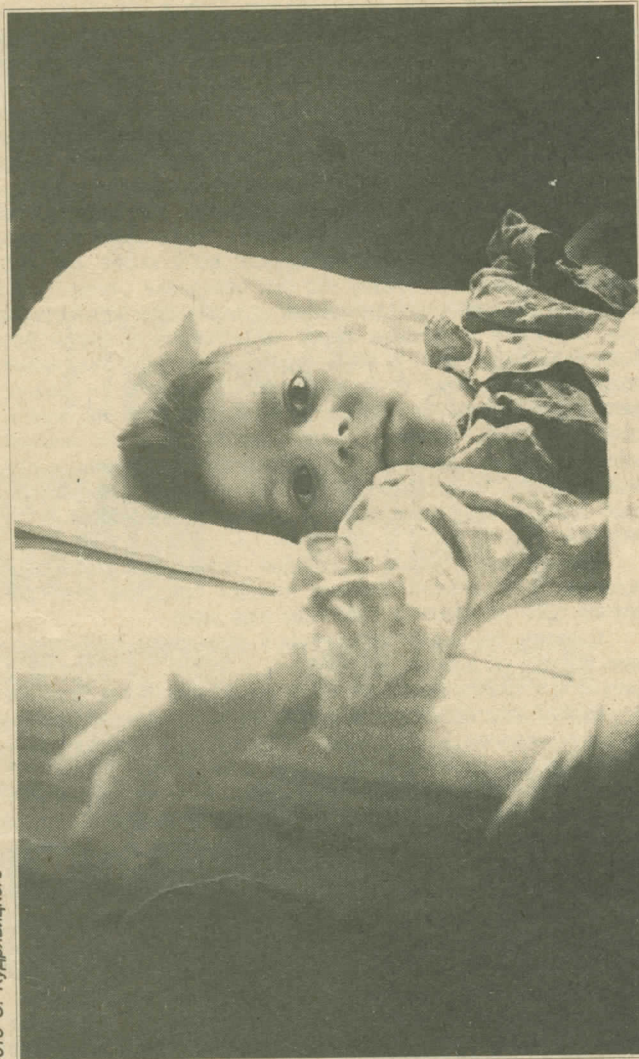

Фото Э. Куравницкого

столбили один участок, не осваивали — не хватало силе-нок, оставляли до лучших времен. И вот пустует третий год внушительный особняк на проспекте Мира, 13, арендованный Фондом у Мосгорисполкома под будущий Дворец детства Детского фонда. Реконструкция объекта заморожена.

Благодаря многочисленным и крепким связям А. Лиханова «в верхах» возможные будущие союзники по решению проблем детства (как замысливалось в период создания СДФ) стали как нежелательные конкуренты оттесняться с арены благотворительной деятельности в помощь детству. Едва просохли чернила под подписями об учреждении Советского детского фонда в октябре 1987 года, как Альберт Анатольевич начал пробивать через Совмин СССР, ЦК КПСС, МИД СССР решение о передаче СДФ права представлять Советский Союз в Детском фонде ООН — ЮНИСЕФ, которое до появления Фонда было у Общества Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. И пробил. Ворота в мир для Фонда широко распахнулись. Но, вырвавшись в Европу и Америку, новые посланцы благотворительности, не имеющие опыта, не желающие прислушиваться к советам профессионалов — умерить всепланетный пыл, закрепиться поначалу в собственном отечестве, совершили ряд необдуманных действий. И Институт детства — мелочь по сравнению с другой грандиозной акцией, экспортированной без учета наших реалий. Имеется в виду строительство детских домов семейного типа по австрийской модели.

Руководитель СДФ сумел убедить Совмин СССР (!) принять постановление о строительстве городков для наших сирот. Если бы это предприятно финансировал Фонд, он буквально на следующий день прекратил бы свое существование, ибо на возведение 30 городков (каждый стоимостью от пяти до семи миллионов) ушли бы все средства на счете 707, имевшиеся в 1988 году. Это обстоятельство было учтено. 180 000 000 рублей должно было вынуть из госбюджета правительство. Налогоплательщиков, как всегда, не спрашивали, согласны ли они выделить такую сумму на счастливую жизнь в уютных коттеджах 6000 сирот (по 200 человек в городке). Потому что они наверняка ответили бы вопросом на вопрос: а где изыскать миллиарды для остальных миллиона с лишним сирот и детей, оставшихся без попечения родителей? В 1988 году еще не было вездливых представителей этих самых налогоплательщиков — нового депутатского корпуса. Постановление спустили на места, обязав изыскать финансы из местного бюджета. Но лишних миллионов ни у одной из территорий, предназначенных для эксперимента, не оказалось, так же как строго фондируемых строительных материалов, свободных подрядных организаций.

Единственный городок сегодня возводится только в Армении. А к многочисленным титулам председателя правления СДФ добавили в 1989 году еще один.

В своем публичном обращении к гражданам, разъясняющем мотивы голодовки, на собрании в Фонде, на встречах с депутатами Шамсутдинов и Головань заявляли: вырождение Фонда из благотворительной организации в ведомство с глобальным уклоном в ущерб конкретной благотворительности было предопределено изначально аппаратной структурой СДФ, стилем взаимоотношений руководства с подчиненными, который они определили как барски-диктаторский. Государственно-политическая система слепила Фонд (постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР от 31 июля 1987 года № 872, постановлением Совмина СССР от 26 октября 1987 года № 1200) по классическим лекалам ведомства. Несколько десятков учредителей из числа союзных министерств, ведомств, больших творческих союзов и общественных фондов плюс вкрапления отдельных трудовых коллективов. От них избирались члены правления — созвездие имен, титулов, разбавленное малоизвестными фамилиями работников детских домов. Это — демократический флер, который слегка прикрывает тех, кто принимает решения в Фонде: А. Лиханова и шесть (?) его заместителей, еще некоторых лиц, включая главного редактора «Семьи». Это бюро-президиума. Откуда они пришли? Из ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ, министерств, ведомств. Должности председателя и его замов — номенклатура секретариата ЦК КПСС. Летом в СДФ был трудоустроен еще один работник аппарата ЦК КПСС, Б. А. Баранов, для чего создали дополнительную должность — второго первого заместителя. Это «мозг» Фонда. Остальные 60 человек, по выражению Альберта Анатольевича, — «это люди, которым платят зарплату за то, чтобы они трансформировали их идеи, идеи Фонда». Вот что рассказали о том, как это происходит, те самые «люди». И это типичная ситуация.

Одним росчерком пера было загублено дело, которое полтора года готовили отдел помощи детям-инвалидам СДФ и еженедельник «Семья». Вместе с общественностью они искали оптимальные формы социальной реабилитации детей с легкими отклонениями в развитии, которых государство упрятывало в собесовские учреждения для умственно отсталых детей и в конце концов «доводило» до состояния олигофренов или крайне ожесточившихся существ (акция «Возвращение»). Отдел и редакция установили связи с зарубежными специалистами, которые организовали поселения для детей с аномалиями в развитии. Финские специалисты приезжали в Москву, проводили семинары с родителями, воспитателями, педагогами. Здесь и в других городах страны появ-

вились люди, которые, пройдя с собственными детьми все круги бюрократического ада, готовы были создать приемные семьи и взять на воспитание детей-сирот.

— В мае, — рассказывал старший референт отдела помощи детям-инвалидам И. Лебедев, — финские специалисты направили в Фонд персональное приглашение участникам акции «Возвращение» на Северную конференцию, которая ежегодно проводится в Скандинавии, по педагогике умственно отсталых детей. Поездка обошлась бы Фонду в минимальные затраты. Все члены бюро президиума были «за». Лиханов перечеркнул решение бюро разрешить поездку. Потому что, по его выражению, это был «не наш вопрос».

Почему же аномальные дети вдруг стали чужими Фонду? Оказывается, родители этих детей, общественность создали Фонд им. Выготского. Председатель правления СДФ не смог совладать с амбициями и, забыв о любимой идее собирательства, мгновенно разорвал нить живых человеческих взаимоотношений, которую так трудно сплетали его сподвижники. Теперь уже бывшие.

Летом и осенью этого года из центрального аппарата СДФ ушло тридцать с лишним человек, которые не хотели больше работать с А. Лихановым по правилам диктуемой им бюрократической игры, где им отводилась роль клерков, трансформировавших идеи Фонда. Они поняли, что система подавления личности, с которой решили бороться с помощью Фонда, окопалась в самом Фонде. А. Лиханов и его единомышленники готовили увольнение неугодных сотрудников под видом так называемой аттестации и сокращение целых отделов без всякого обсуждения с их руководителями.

Собрание трудового коллектива СДФ, проходившее 23 октября, рассказало о Фонде и его лидере больше, чем 160 номеров «Семьи», выпущенных за три года. Альберт Анатольевич был в изумлении, как будто попал на новую планету, населенную неведомыми существами. И это понятно: за три года функционирования СДФ впервые собрались лицом к лицу в рабочей, а не в парадной обстановке «генераторы идей», включая группу их «обслуги», и исполнители идей, и обнаружилось, что между ними — пропасть взаимного отчуждения. Исполнители ненавидели роскошные апартаменты с коврами, мягкой мебелью, собственной экономкой, отдельным туалетом главного генератора, его высокомерие, виртуозную демагогию. А главный генератор презирал их, как он выразился на собрании, «людей низкого человеческого класса», которым не хватает элементарной культуры, цивилизованности, деловитости, что и дискредитирует реализацию идей Фонда. И вместо того, чтобы совершенствоваться на благо Фонду, они ринулись в «навозную демократию» с голодовками, шельмованием руководителей, науськиванием прессы.

Государственно-политическая, коррумпированная система, морально разлагающая многих, кто в нее попадает, благодаря контролю над распределением заграничных командировок, машин, квартир, должностей, премий, разбазаривающая финансы, народные дары детству, — в таком вот виде вырисовывается сегодня лицо центрального аппарата Советского детского фонда. Граждане страны ждут ответа, куда же в конце концов они свои перечисляли деньги?

Цель этих заметок, да, наверное, и межкомитетской депутатской комиссии Верховного Совета СССР, которая обязана начать работу, несмотря на мощное противодействие, — не злорадное перечисление ошибок и просчетов. Пора задуматься над тем, почему были деформированы благородные замыслы Фонда? Почему были преданы люди, которые, бросив прежние конторы, пришли в Фонд спасать ребятишек, а сами оказались в бюрократической структуре высшей пробы? Какой должна быть правовая основа благотворительных организаций, дабы предотвратить их перерождение в нечто прямо противоположное?

Владимир Лазарев

ДЕПАРТАМЕНТ ПИСАТЕЛЕЙ: ПОСЛЕДНИЙ БАСТИОН ГУЛАГА

В. Я. Лазарев — поэт и литературовед, член редколлегии журнала «Наше наследие», председатель секции «Градостроительство и память (Москва и окрестности)» при Московской писательской организации. В литературных кругах столицы у него, однако, прочная репутация не «охранителя», а «ниспровергателя», «сокрушителя устоев», «нарушителя спокойствия» в штабе писательской армии. О выступлениях Лазарева на разного рода и ранга собраниях с разоблачениями голых королей СП СССР уже больше десяти лет катится молва — впрочем, ни разу не выплеснувшаяся на страницы печати. Даже в пору гласности. Мы полагаем, что его наблюдения и размышления об «обстоятельствах образа действия» вершителей судеб советской литературы представляют интерес не только для писателей, но и для их читателей...

Давняя моя мечта — рассказать о «тайной библиотеке» ЦДЛ. Речь идет не об очередном спецраспределителе, о хранилище раритетов, куда допускаются для работы лишь живые классики. Просто как-то раз после очередного моего выступления была создана очередная комиссия, и один из ее членов в припадке откровенности сообщил мне, что «для правильной оценки действий Лазарева» им откуда-то доставляли пухлые папки, где были подшиты стенограммы всех моих прежних выступлений, все мои персональные и открытые письма. Отдельные места были кем-то заботливо подчеркнуты.

Без особого труда я узнал, что, оказывается, существует в Союзе писателей огромная библиотека, составленная из томов, запечатлевших литературную, общественную, а также и личную жизнь всех, кто пытался в той или иной степени отстаивать правду и справедливость. Это — помимо следственных дел в особых случаях и досье в КГБ — свой, «товарищеский» надзор! Где все это сейчас находится? Стоит ли на месте? Или куда-то передано? Надо бы ценнейший этот архив сохранить — хотя бы и в ЦГАЛИ. А то в беспризорье переходного периода кто-нибудь, пожалуй, и листы начнет вырывать...

Читатель, по всей видимости, догадывается, что у писателей тоже есть начальники. И думает, будто бы начальники эти — лучшие из лучших. Между тем руководство творческого союза — штука тонкая: в

правление включены фамилии всем известные, известные понаслышке и не известные вовсе. Так вот, эти последние — и правят бал. Эти «рабочие секретари» (руководящие за деньги, и немалые) — или творческие банкроты, или ловкие графоманы, или — и они будут посильнее всех — вовсе не связанные с литературой чиновники. Именно они — инициаторы и главнокомандующие памятных нам «обезьяньих процессов» и бесчестных «проработок»; и что же? По-прежнему благоденствуют, втихую перемещаются на ключевые позиции в соседних кабинетах. Как говорил товарищ Сталин, «других у меня нет»... Как они сами иронизируют — осваивают элементы нового мышления, лоснясь от старой сытости... Раньше уделы распределялись со Старой площади, теперь... Теперь — хотя и из других апартаментов, но не менее влиятельных.

«Оргсекретари» — «кумы», фактические начальники в «зоне», именуемой Союзом писателей. В их кабинетах, в их руках сосредоточены узлы всех интриг, а также нити от распределения материальных благ. Процесс этот требует не столько общих постановлений, сколько каждодневной «индивидуальной работы», ловкости и оборотистости. И они — трудятся в поте лица. Они с «надежными литераторами» и поохотятся, и на рыбалку съездят, и «по бытовой линии подмогут», и постепенно своими парнями в этой новой для них среде сделаются. И пьют вместе, и поют (оргсекретарь Москвы В. П. Кобенко «на певца учился»)... Через год их уже в комиссии литературные включают, года через

«Вахту сдал!» — «Вахту принял!» (Оргсекретари СП СССР Юрий Николаевич Верченко и Сергей Петрович Колов делятся новыми замыслами)

три, глядишь, в писателях числят. Они и договоры о сотрудничестве с иностранцами подписывают, и «кодексы» для профессиональных литераторов вырабатывают (спорят, небось, до хрипа, отстаивая свою формулировку, — чем не работа над стилем)... Их первыми и награждают. У оргсекретаря «большого союза» (СП СССР) Ю. Н. Верченко вся грудь в орденах за «заслуги перед советской литературой». На памяти моей, скажем, безобразное преследование Лидии Чуковской, попытки «выселить» из дома в Переделкине, где жил К. И. Чуковский, де-факто существующий его музей перестроить на шикарный лад и поселить в нем нового сановного хозяина. Нечто подобное пытались сделать и с домом Пастернака. Да что там музеи — сколько живым нашим писателям товарищ Верченко со-други крови попортили. Нет им прощения — однако...

Однако — даже не отделавшись испугом, Юрий Николаевич Верченко плавно переместился (или был переброшен) на должность... ответственного секретаря Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР. Вдобавок, при переходе из кабинета в кабинет, на пышную грудь Верченко новенький орден прицепили — на этот раз «Дружбы народов». За что? За активный вклад в интернациональное дело в годы афганской войны. Вместе с ним таким же орденом отмечена была и рьяная выразительница официозных мнений в стихотворной и иной форме Л. Шипахина. В свои короткие налеты на Афганистан они витийствовали перед юными воинами, вдохновляли, так сказать. Агитировали — конечно же, не против позорной этой войны. И отбывали на «материк» с чемоданами восточных сувениров. Стыд и позор: удовлетворяет амбиции, карьеру строить на костях страдальцев. Не знаю, мучает ли их хоть когда-нибудь совесть...

Клан оргсекретарей (и их сатрапов) — первый заслон на пути резких перемен к лучшему в писательском Союзе. Первый, но не единственный. Союз, который, по идее, должен был как раз другим подать пример перестройки своей деятельности (вспомним, что именно с литературных публикаций начиналась гласность), — этот Союз таинственным образом сохраняет в неприкосновенности все свои департаментские черты и по существу, как организация, является одним из упорнейших бастионов сопротивления свежим веяниям.

Тоталитарной машине не удалось перемолоть в

пыль тип писателя-правдолюбца, зато она вывела путем многолетней селекции уникальный тип писателя-начальника. Причем если в 30-е или 50-е годы для этого требовалось сгубить даровитого литератора (что произошло с Фадеевым), то в годы застоя прирожденные чиновники потихоньку выбивались в писатели. Ладно там Верченко, ему пороха хватило разве что на том избранных речей; но вот его любимый шеф Г. М. Марков или последний первый секретарь В. В. Карпов — какими только регалиями не увенчаны, на какие их только языки не переводят! А они — представители типа полуоргсекретаря-полуписателя в самом чистом виде. Марков был в свое время призван с комсомольской работы в подмогу Константину Федину, а потом уже «вышел из берегов» в качестве автора многотомников о единстве партии с народом. Карпов служил по литературному ведомству в Узбекистане, вотчине Рашидова, к слову сказать, тоже члена Союза писателей и большого любителя всяческих декад в республике.

Не вдаваясь в анализ литературного труда Владимира Васильевича Карпова, хочу только заметить, что качествами интеллектуального лидера такой организации, как писательская, он, конечно же, не обладал это видно и невооруженным глазом. Однако Владимир Васильевич — еще и председатель Совета учредителей Всесоюзного агентства по авторским правам! До недавнего времени опусы Маркова, ряда ему подобных, якобы широко любимых и чтимых у нас писателей-начальников, да и книги Карпова каким-то хитроумным образом (принудительно, что ли? или по обоюдной выгоде? или еще как?) распространялись и издавались в десятках стран! Ну, скажите, кому в Англии или в Японии нужен роман о секретаре обкома — когда и у нас-то этого никто не читает. Однако деньги текли рекой — и, полагаю, по сей день текут немалые валютные поступления «писателям-председателям».

Система самоопыления литературных генералов включает в себя множество приводных механизмов — от «Международной книги» до Главного политуправления армии. Благодаря четкой их работе дачи руководителей СП можно видеть от Балтики до берегов Черного моря, а штабеля их сочинений — от магазинов русской книги в Монголии или Эфиопии до заполярных войсковых частей.

Москва, ЦДЛ,
21 ноября 1990 года.
Через минуту
Владимир
Васильевич
Карпов
уйдет
на творческую
работу...

Фото М. Газия

Убежден: отнюдь не заботой о престарелых или молодых «собратях по перу», но исключительно личными интересами руководствуются «писатели-председатели» в нынешних тяжбах с изданиями, вышедшими из-под униженного контроля. Это — «первый звонок», и они не упустят шанса расправиться с непокорными редакторами, а заодно и оправдаться перед своими высокими кураторами за столь серьезные упущения в оргработе.

Тут будет кстати одно воспоминание. Еще совсем недавно в коридорах правления СП СССР висели портреты «правифланговых» армии «инженеров человеческих душ»: Шолохов... Симонов... Шагинян... а через одного — вдруг Марков... еще через одного — Верченко... а дальше, еще через два-три лица, — вдруг генерал КГБ Цвигун, в ту пору первый заместитель Андропова. С помощью радетелей из аппарата «большого Союза» генерал в одночасье сделался романистом и кинодраматургом, даже получил Госпремию РСФСР! И жена его быстро была принята в Союз писателей по детской секции — как же, талант! Весьма спорно, скажем, талантлив ли Бродский... а тут — дело бесспорное! Некоторые осторожно тогда осведомлялись про портрет Цвигуна: не двоюродный ли это брат Верченко, что-то общее было в их облике. Какая наивность — все гораздо проще...

Пополнение «первых рядов» СП за счет дружественных организаций — добрая традиция. Высокие чины из военного ведомства и МИДа, из Академии наук и Минздрава, КГБ и МВД, даже отряда космонавтов, наконец, и из аппарата ЦК КПСС — с первого раза практически единогласно. Не исключено, что относительно молодой поэт Бобков весьма способен, но, увы, не достоинствами его лиры приходится объяснять то, как скоро он выпустил несколько книг подряд, одна другой толще (даже и в подарочном исполнении — как издают классиков или лауреатов), стал сам лауреатом, был избран секретарем по международным связям СП России... В то время как с сыном нынешнего первого зама председателя КГБ происходили все эти метаморфозы, многие его сверстники, ожидая приема в Союз, потихоньку старели...

От морального кодекса (или полной аморальности) временщиков многое зависит, но — не все. Их присут-

ствием, их безнаказанностью отравлена сама атмосфера писательской организации.

Так, может, не стоит сегодня зря копыа ломать, а подождать, пока обветшавшая ветряная мельница сама не рухнет? Нет, сама она не рухнет. Ибо не так она беззащитна и безопасна.

Вот прошлый руководитель столичной писательской организации Ал. Михайлов провел реорганизацию: взамен устаревшего секретариата правления — совет (это что, в связи с возникновением Президентского совета?)... Вместо приемной комиссии — коллегия по приему...

Кто, хочу спросить, придумал, кто готовил и кто принимал эти «судьбоносные» решения? Меня лично об этом никто не спрашивал — как и никого из моих товарищей. И не в том беда, что «коллегия» ничуть не слаще «комиссии». Просто — в который раз — за революционность выдается новый грим на все том же лице «кума» в ЛитЛАГе — едва ли не последнем действующем подразделении сталинского ГУЛАГа. Печать вырождения лежит на этом лице — и никакой косметикой не сообщить этому лицу ни осмысленного, ни доброжелательного, ни искреннего выражения. Уместен вопрос: лидеры ли это вообще? Нашли же силы ответить на него и театральные деятели, и кинематографисты, и архитекторы, и композиторы... Лишь писатели — держатся до последнего. По привычке? Или от бессилия?

Необходимо придать новую значимость Литфонду, вернее, возродить его первоначальный авторитет. Ведь не секрет, что и в СП-то сегодня вступают главным образом, чтобы иметь право на пенсию, оплачиваемый больничный лист, путевку в санаторий, дома творчества... Избавиться от всех «рабочих» и прежде всего — от «оргсекретарей». От всех: плохих и хороших, умных и дураков, пишущих и безграмотных. Не нужны они — откуда бы ни приходили: из секции поэзии или из КГБ. Не нужны! Надоели!

И чтобы сделать эту малость — еще одно условие: понимание того, что Союз писателей это Союз. Это товарищество профессионалов, которое имеют право возглавить лишь лидеры бесспорные. Лидеры по таланту, а не по разрядке.

Здесь же — по-прежнему перетасовывают старую колоду крапленых карт...

Булат ОКУДЖАВА

«СПИ, КАРТОШИНА...»

Из книги «Упразднённый Театр»

А когда-то, много десятилетий тому назад, да хоть в том же двадцать девятом, Иван Иванович был просто Ванванчем, что, естественно, было по мироощущению, а вообще-то — Отариком. У него была няня Акулина Ивановна откуда-то с тамбовщины. Добрая, толстенная, круглолицая, голубые глазки со слезой, множество скорбных морщинок в невероятном сочетании с добросердечием, с тихими медовыми интонациями: «Отарик, Отарик, малышечка моя... Да что же это ты, малышечка, расшалился?.. Ай, не стыдно? Стыдно? Вот ты и славно, цветочек... А Боженька-то все видит и думает: что ж это цветочек наш расшалился?.. Во как...»

«Боженька, Боженька», — он так и пробубнил, заигравшись, в присутствии мамы. «Это что еще за Боженька?» — и черные брови ее взлетели, и в карих мягких глазах промелькнул вздравдавший гнев, и двадцатилетняя большевичка, стараясь быть понятной, объяснила Акулине Ивановне ошибочность ее представлений о мире, в котором уже совершилась революция, и нельзя, нельзя, даже преступно — воспитывать новое поколение с помощью старых, отвергнутых, основанных на невежестве понятий. И Акулина Ивановна кивала; вглядывалась в маму своими голубыми участливыми глазками, и сердце ее разрывалось от жалости к этой молодой, строгой, несчастной, заблудшей, крещеной армянке.

Молилась она не размашисто, не истово, не показано, а почти про себя, где-нибудь в укромном уголке, щадя, наверное, несурзных безбожников, молодых и непутевых, но тоже сердечных и щедрых, и за них, быть может, просила, чтобы деревенский Бог оборотил свой лик и к ним, несмотря ни на что. Белый платок с розовым полблещим орнаментом она будто бы и не снимала, во всяком случае Ивану Ивановичу нынче это так помнилось. Мамины укоризны не обескураживали Акулину Ивановну, но тихая смущенная улыбка, далекая от ожесточения, возникала на ее губах, и двигалась она как-то все бочком, и мама поглядывала на нее с любовным недоумением.

— Ну, картошечка, — говорила Акулина Ивановна пятилетнему Ванванчу, — давай чайком побалуемся.

Чайный нектар распивался обычно в комнатке Насти. На глаз Ванванча она была совсем старуха. Когда ее высоченный худой, прихрамывающий силуэт возникал в коммунальной кухне, газовая плита начинала гореть холодным строгим пламенем, и на лицах присутствующих появлялись черты праведности. К фабриканту Каминскому она пришла совсем девочкой, но вскоре стала изощренной кухаркой и своим человеком. То ли семья была либеральная, то ли природные достоинства Насти возвышали ее — не знаю. Жила она в маленькой комнатке за кухней, где была у нее железная кровать, столик, полка на стене с вареньями и медом в баночках и икона с лампадкой в ближнем углу. Была она строга, немногословна, но Ванванч разгадал однажды за тонкими сжатыми

бледными губами источник света и тепла, предназначенного, как ему показалось, именно ему. Он это знал, обмениваясь с ней изредка тайными многозначительными сигналами.

И вот они сидят за Настиним столиком все трое и дуют в блюда. Чай заваривается душистый и тягучий, и струйка льется в чашку со звоном, и Ванванч старается держать блюдо на растопыренных пальцах, и он пыхтит, подражая старухам, и утирает со лба воображаемый пот.

— Ну, картошина, каково пьется-то?

Это странное прозвище выплеснулось у Акулины Ивановны после того, как она вдруг обнаружила, что его нос напоминает маленькую картошину. «Махонька така картошина... Что за картошина така?.. Кааартошинка...»

Старухи сидят на табуретках, а Ванванч по традиции на Настиной кровати и болтает ножками. О чем они разговаривают, тихо и обстоятельно, ему не понятно, да и не нужно. У него свои мысли и страсти. Он пока не видит разницы между фабрикантами и рабочими, между кулаками и батраками, между умными и глупыми, но тьма и свет, зима и лето, доброта и жестокосердие распознаются им с безукоризненной точностью, с врожденным детским профессионализмом.

...Настю нынче понапрасну не тревожат: она хворает, все больше полеживает у себя, и Ванванч знает, что Настя больна, и иногда украдкой приоткрывает ее дверь и видит: вот она лежит на кровати под большим старым клетчатый платком и подмигивает ему.

— Ну, картошина, гулять пойдем, — Акулина Ивановна мягкими пухлыми ручками помогала ему одеться. Они долго сопели и топтались в полутемном коридоре коммунальной арбатской квартиры, ибо встреча с январским двором была делом нешуточным, а поэтому стеганые одежки и шапки-ушанки, и варежки, и шарфик, и валенки, и старые погнутые саночки — Бог весть, с каких времен.

Пространство арбатского двора было необозримо и привычно. Вместе со всем, что оно вмещало, со стенами домов, окружавших его, с окнами, с помойкой посередине, с тощими деревцами, с ароматами, с арбатским говорком — все это входило в состав крови и не требовало осмысления. Там располагались глубокие сугробы, в которых приятно было тонуть, после чего мягкие горячие пальчики Акулины Ивановны тщательно и долго извлекали снег из-под воротника, из валенок. «Ох, фулюганчик, ты что же это снегом-то напихался? Да что же это за баловник такой?!..», и это все звучало, как поощрение, и он это чувствовал и заглядывал в ее голубые лукавые глазки и тут же спешил зарыться снова в новый сугроб или, свалившись с саночек, закувыркаться с горки...

— Ну, картошина, дожدهшься... А он-то видит все...

— Кто? — спрашивал он, покуда она вытряхивала из него снег.

— Эвон, — кивала она на низкое зимнее небо, — эвон, эвон, — чтобы не произнести запретное имя.

Конечно, он ее любил. Больше было некого. Далекий папа казался нарисованным и неправдоподобным. Призрачная мама появлялась на мгновение, изредка, по вечерам, если он не успел еще уснуть, и, усталая после вдохновенного трудового дня, прижимала его к себе, но все как-то отрешенно, судорожно, из иного мира, продолжая думать о чем-то своем.

— Мамочка, а я сегодня зарылся в снег!

— Да что ты? — рассеянно, с искусственным интересом.

— А спать тебе не пора?

— Расскажи мне что-нибудь...

— Вот няня расскажет.

И няня рассказывала. Она брала его ручку в свою пухлую горячую ладошку, и через эту ладошку в его чистую кровь просачивалось нечто негромко-лодосое и пестрое, что снится по ночам, а днем ходит следом, подталкивая под локоток. И она заглядывала при этом в его широко распахнутые кавказские глаза, в которых сладостно расположились и Василиса Премудрая, и Микула, и Аленушка, и ангелы Господни... Пейзажи были тамбовские, а ему представлялся подмосковный клязьминский соснячок. И глупый царь склонялся перед Иваном-дураком.

— Ну спи, малышечка, спи, картошина...

Иногда кто-нибудь привозил мандарины из далекого Тифлиса от папы, где папа сгорал на партийной работе. Акулина Ивановна научилась снимать кожуру с диковинного фрукта и скармливала сочные дольки Ванванчу.

— А вы, няня? — говорила мама. — Попробуйте; пожалуйста.

Акулина Ивановна перекачивала оранжевый ароматный шарик в ладошках, улыбалась и едва-едва покачивала головой в неизменном платочке.

— Пушай картошина поисть... Экой мандалин! А я и не видывала такого и не слыхивала об ём, ну надо ж!..

— Ну хоть попробуйте, — настаивала мама, — ну пожалуйста.

Акулина Ивановна вздыхала и поджимала губы.

— Пушай он исть этот яблочек господский, а мне не хочца, я лучше чайку попью с сахаром, — и прятала мандарины на дальнюю полку в буфете.

— Не прячьте, еще пришлют, — говорила мама с досадой, — ну хоть угостите кого-нибудь.

Тут Акулина Ивановна светлеела вся.

— Ну, картошина, кого угощать-то будем? — и лукаво заглядывала Ванванчу в глаза. — Жоржетту что ль?

Он кивал радостно и мчался за Жоржеттой.

Жоржетте Каминской было шесть лет. Если у Ванванча были темно-русые кудряшки, которые с каждым годом становились темнее и жестче, то у Жоржетты были шелковые локоны как смоль. Эта пятикомнатная коммунальная арбатская квартира когда-то целиком принадлежала Яну Каминскому — владельцу небольшой фабрички по выделке кожи. Владение было обобществлено. Бывший владелец служил там же в качестве экономиста. В собственной квартире ему оставили одну комнату, в которой и устроились покорно и с благодарностью все трое Каминских: сам Ян Адамович, Юзя Юльевна и Жоржетта. Социальный статус пока не волновал ни Ванванча, ни Жоржетту, но подвергался обсуждению и старшими. Даже то, что родителям Ванванча предоставили сразу две комнаты, не вызывало удивления: хозяйева. В обеих комнатах располагалась бывшая мебель Каминских, и это тоже воспринималось в порядке вещей. Мама долго не могла открыть красивое настольное бюро из карельской березы, так что пришлось потревожить рыжеволосую белотелую Юзя Юльевну, которая немедленно явилась и, расточая улыбки, легким решительным движением пальца распахнула свою быв-

шую собственность, и ни горечи, ни даже недоумения не было на ее холеном розовом лице.

— Вот так, — сказала она, — алле, прошу сердечно...

Ян Каминский, всегда подтянутый и в безукоризненной тройке, хоть и выглядел в глазах обитателей квартиры весьма буржуазным, не вызывал отчуждения и недоброжелательства, кроме, пожалуй, со стороны Ирины Семеновны, совсем недавно въехавшей в одну из комнат с великовозрастным сыном Федором. Ее угличская философия, не встречавшая сопротивления, зиждилась на провинциальных постулатах, по которым все незнакомое объявлялось чуждым и опасным и против чего следовало ну если и не бороться, то, по крайней мере, протестовать, и если не вслух, то с помощью жестов, пренебрежительной мимики и прочих загадочных инструментов неприязни. Ее раздражал голос Юзи Юльевны. Действительно, это был не самый приятный голос: визгливые нотки преобладали в нем, усугубляя, впрочем, безобидную авторитарность. Каминские говорили между собой по-французски. Эти каркающие непонятные звуки тоже не осчастливили Ирину Семеновну, и когда они начинали звучать на кухне, у нее тотчас что-то не ладилось, ну, допустим, с крышкой от суповой кастрюльки. Она со звоном выпадала из рук Ирины Семеновны, и та ее ловила, катящуюся по полу, клала на место. «У, барыня чертова!.. Я тебе!.. Раззвенелась!» и подмигивала при этом Акулине Ивановне. И если Ян Адамович по своему обыкновению, по какому-нибудь случаю появлялся на кухне с бутылкой шампанского, вечерней порой, в своей неизменной тройке, и расставлял на столике старорежимные бокалы, и наполнял их, и приглашал широким жестом «всех присутствующих дам» выпить по глоточку в честь, оказывається, имени Юзи Юльевны, или пятнадцатилетия их брака, или по случаю благополучного приезда из далекого Тифлиса папы Ванванча, или в связи с пролетарским праздником Первое мая (мало ли поводов?), и вот если он проделывал все это, и все с шумным одобрением подымали эти бокалы, Ирина Семеновна растягивала губы в брезгливой улыбочке, опорожняла бокал, приговаривая: «Тьфу, и чего в ей хорошего?» и тотчас покидала кухню.

От Юзи Юльевны пахло парижскими духами.

— Сегодня у меня получились замечательные щи! — произносила она с пафосом, и благоухание шей и запахи духов тотчас перемешивались. Она предлагала всем попробовать, так как была невысокого мнения о своих кулинарных способностях. — Я ведь учусь, учусь, — улыбалась она, — конечно, это сложное искусство, но раньше я занималась другими делами, а теперь вот щи...

— Вот уж щи! — восклицала Акулина Ивановна, попробовав. — И травки всякие, ну надо ж!

— Укроп и сельдерей...

— Ах ты Господи!..

Тут же ложка, полная щей, тянулась к Ирине Семеновне — но та, натурально, ее отвергала неизменно и обиженно отворачивалась.

— Да вы только попробуйте, дорогая, — смеялась Юзя Юльевна, — вы же мастер, я хочу у вас поучиться...

— Мне это ни к чему, — гордо провозглашала Ирина Семеновна, — мне это не нравится...

— Но почему? Почему? Ну вы хоть попробуйте... — и тут же произносила нечто по-французски оказавшейся рядом Жоржетте, и у Ирины Семеновны тотчас падала на пол крышка от кастрюли, или тряпка, или вилка.

Ванванча и Жоржетты все эти утонченные страсти не касались.

Они выходили в свой привычный морозный арбатский двор, перед этим долго пыхтя в прихожей под руками Акулины Ивановны и Юзи Юльевны, наряжаясь в свои одежды и хохоча, и заливаясь, и бубня из-под ловких женских рук что-то свое, при тусклом свете желтой коридорной лампочки.

— Спасибо вам, Акулина Ивановна, — говорила Жоржетточка немного погуляет, — говорила Юзя Юльевна, — а то у меня

совсем времени нет, — и хлопала пальцем по носу уже во все завернутую дочь.

— Ну мама! — притворно негодовала Жоржетта.

И вот они — во дворе. Ванванч катает Жоржетту в санках, затем она катает его. Тут выскакивает из дому сам Каминский в шубе, накинутой на плечи, в каракулевой шапке пирожком, и велит им замереть, и фотографирует их — случайный незначительный будничныи эпизод... но эта маленькая фотография небольшого размера и крайне любительская до сих пор, вот уже шестьдесят лет живет у меня и время от времени попадает под руку, уже потускневшая, отдающая желтизной улика из иного времени и мира...

Потом они долго сидят в сугробе и с наслаждением промакают, и обстоятельно спорят о политике.

— Раньше, при царе, были частники, — наставляет Ванванч подругу, — а теперь приказчики.

— Обалдел?! — возражает Жоржетта.

— Давай спросим у няни, — Ванванч пытается выбраться из сугроба.

— Да няня-то деревенская, — смеется Жоржетта, — она Марфушка.

— Она Акулина Ивановна! — протестует Ванванч.

— Ну и что же? — смеется Жоржетта. — Все равно Марфушка.

Недолгое зимнее солнце садится за крыши, но они уже стреляют поверх сугробов «Пиф-паф! Пиф-паф!» и кричат «Ура!»...

Дома Ванванч, еще не успев раздеться, рассказывает, захлебываясь, проходящей по коридору Ирине Семеновне, как они там воевали с Жоржеттой на войне, но та проходит мимо, поджав губы, пока он орет из-под руки Акулины Ивановны: «А мы все равно победили!»

— Тише, малышечка. Тете Ире не до нас с тобой. А ну съмай поддевичку, съмай, съмай...

Но тут внезапно появляется сам Ян Адамович Каминский, и он спрашивает, заинтересованно тараща глаза:

— Что же это за война была? Кто с кем воевал?

— Красные с белыми, — выпаливает Ванванч.

— Кто же пересилил?

— Да красные же, красные! — хохочет Жоржетта.

— А кто из вас красный, а кто белый?

— Ну, конечно, мы с Жоржеттой красные, — говорит Ванванч, — не белые же.

— Они же не белые, батюшка, — поясняет Акулина Ивановна.

— И Жоржетта красная? — спрашивает Каминский тихо.

— А какая же? — наступает на отца Жоржетта. —

Белые ведь буржуи, и мы их всех застрелили!

В комнате Ванванч бросается к маме.

— Мамочка, мы всех белых победили!

— Да что ты?! — поражается она, и брови ее взлетают, но Ванванч видит, что она думает о чем-то другом, постороннем.

Однажды ночью он проснулся от перезвона церковных колоколов. За двойными рамами мартовских окон они гудели и переливались особенно загадочно. В комнате было темно, но с улицы врвалось разноцветное сияние, в котором преобладали желтые, красные и синие тона, и разноцветные пятна вздрагивали и шевелились на стенах. Это было похоже на музыку целого оркестра, а может быть, и на войну. А может быть, было предчувствием чего-то нескорого, грядущего, зловещего, до чего еще надо дожить, как-то докарабкаться. А может быть, это было предостережение на завтрашний день, и только Ванванч был пока еще не в силах увязать это предостережение с появлением в квартире Мартыяна. Он поселился у Ирины Семеновны. Он к ней приехал из какой-то там угличской деревеньки. Маленький, жилистый, в больших валенках, сидел на кухне и дымил самокруткой. От него пахло кислым хлебом и этим дымом. Пепел он

стрихивал себе под ноги, и Ирина Семеновна покорно за ним подбирала. Он молчал и вздыхал, и смотрел на всех входящих с собачьей преданностью.

Акулина Ивановна сказала маме как бы между прочим:

— Эвон и Мартыян в Москву приволочился... Спасается в роде...

— Что за Мартыян? — как-то слишком строго спросила мама. — Это кто?.. Ах, этот... Он же кулак, няня. Вы разве не знаете, что мы объявили кулакам войну?

— Он християнин, милая ты моя, — мягко сказала няня, — чего уж воевать-то? Он хлебушек растил и нас кормил, вот-те и война...

Ванванч рисовал в это время пушку. Он прислушался, представил себе тихого Мартыяна в кухне и подумал, что Мартыяна жалко.

— С кулаком, няня, мы коммунизм не построим, — сказала мама, — он грабитель и кровосос. Вы вот его жалуете, а он бы вас не пожалел...

Пушка у Ванванча выстрелила, и, продолжая линию выстрела, он пририсовал человечка с бородкой и криво написал: «Кулак».

— Кулак, кулак, — сказала Акулина Ивановна неодобрительно, — а он-то християнин, и нас всех кормит. А как жа, родимая...

И Ванванч снова пожалел Мартыяна.

— Мамочка, — сказал он неожиданно, — я люблю Мартыяна, он християнин.

— О? — воскликнула мама без всякого интереса...

Пришла в комнату Ирина Семеновна, растеряв остатки своей недавней гордости, теребила пуговицу по кофте и просила маму глухим, капризным голосом:

— Ты у нас начальница, партийная, слышь-ка, не дай старика обидеть.

— Да вы что? — и красивое мамино лицо стало чужим и далеким. — Какая я начальница? Вы что?.. Вы его сами не обижайте, при чем тут я?

— Слышь-ка, ты не дай, не дай. Его кулаком кличут, а нешто он кулак? Этак про любого сказать можно. Кулаки, они знаешь, какие? Уууу... А он-то, кормилец наш... Глянь на него: вишь тихий какой? Нешто кулаки такие?

— Да при чем тут я? Я на фабрике работаю, — обиделась мама.

— А чего ты, ласточка, к ней причепилась? — спросила няня. — У ей своих забот хватает...

Ирина Семеновна заплакала, и Ванванч заплакал тоже.

Акулина Ивановна вывела соседку из комнаты, бубня ей на ухо успокоительные фантазии.

— Он кулак, — сказала мама Ванванчу, а кулаки грабят народ, они коварные и жестокие.

— А как они грабят? — спросил Ванванч, задыхаясь от волнения.

Но мама ничего не ответила и вышла из комнаты. И тогда героическое сердце Ванванча под влиянием различных загадочных процессов тоже увело его в коридор, мимо коммунальной кухни, где сидел на табурете тихий Мартыян, сжимая самокрутку в жилистой ладони, туда, где в темной глубине коридора возле самой двери Ирины Семеновны притулился небольшой мешок из серой холстины. От мешка тяжело пахло Мартыяном, кулацким грабительским духом...

Уже потом, спустя час или два, началась в квартире паника, будто крысы погрызли мешок: тонкая струйка белой муки стекала на старый дубовый паркет.

— Да у нас сроду крыс не было, — удивлялась Акулина Ивановна.

— Да кто ж еще-то? — сокрушалась Ирина Семеновна. — Говорила тебе, Мартыян, не кидай мешок у двери!..

В это время Ванванч, забыв о собственном подвиге, сидит в комнате напротив Жоржетты, и каждый на своем листке воссоздает цветными карандашами свой мир революционных грез и пролетарских наслаждений.

...— Красивая! — в это же время говорит Акулина Ивановна на кухне, поражаясь ослепительно белому кудрявому кочану цветной капусты, который Юзя Юльевна похлопывает по бочкам, прежде чем опустить в кипящую воду. — А вы так и варить будета, не порезамши? Ну надо ж, ровно цветок какой!..

Пока что аромат духов заглушает в кухне все остальные.

— Вот так, — говорит Юзя Юльевна, выглядывая из-под рыжих своих кудряшек, — затем вот так... Вы глядите, Акулина Ивановна, глядите, потом и сами Отарику сварите...

— Да рази ж я смогу? — лукавит Акулина Ивановна. —

Это ваше господское умение, а я ни в жисть не смогу.

— Да что ж тут мочь-то! — удивляется Юзя Юльевна и опускает кочан в кипящую воду. — Оп-ля! Теперь подождем. — Она уходит в комнату, возвращается и потирает розовые руки. А Акулина Ивановна, взглядывает в кастрюлю. Губы ее вытянуты по-ученически, и голубые глазки прищурены, чтобы запомнить все и не прозевать главного. — Теперь мы посолим водичку, — улыбается Юзя Юльевна, — вот так. А теперь мы приготовим сухарики. Белые, Акулина Ивановна, только белые и только хорошо подрумяненные... Мы их в ступочку, вот так, и побьем, оп-ля... — ступка сияет золотым сиянием. Капуста варится. Сухари крошатся. — Теперь мы на эту конфорку поставим маленькую кастрюлечку и положим в нее маслице, вот так... Ууу, оно уже начало таять! Видите? — Ага, — говорит зачарованная Акулина Ивановна. — Теперь сухарики опрокинем в масло, вот так... Теперь финé!.. Получилась у нас сахарная подливочка... О! А вот и капуста готова!

Меркнет аромат французских духов, вытесненный благоуханием нового блюда. Юзя Юльевна отрезала ломоть капусты, плюхнула его на блюдце, залила сверху сахарной подливкой, светло-коричневой, дымящейся.

— Прошу, — и протянула Акулине Ивановне.

— Да что вы! — Акулина Ивановна отпрянула, застеснялась, но все-таки вилок отломил хрупкий кусочек и пожевала. Проглотив яство, сказала, закатывая голубые лукавые глазки: Ох ты, Господи, хорошо-то как! Век бы ела!

— Да вы ешьте, ешьте.

— Не, картошине снесу, — и понесла блюдце торжественной походкой...

Ночью Ванванч не проснулся, когда во входную дверь резко позвонили.

Было часа два. Он спал благополучно в гуще наивных сновидений, из которых не все, правда, знаменовали удачу, но сюжеты были привычны, и если даже вызвали тягостные сердцебиения, то лишь на один миг, чтобы затем смениться счастливым исцеляющим порханием над предметами или лицезрением мамино лица, ее теперь уже заинтересованных, любящих миндалевидных глаз. И, не пробуждаясь, он ощущал теплое спасительное прикосновение нянинных ладоней, а, впрочем, они, может быть, тоже лишь снились.

Он спал, почмокивая губами, а в квартиру вошел заспанный управдом Нечкин и с ним еще двое. Один пожилой с отвислыми усами, другой молодой с окаменевшим лицом. Двери им открыл Каминский в неизменной своей тройке, при галстукe, будто и не ложился.

— Остальных подымать? — спросил Нечкин. — Или пусть спят?

— Я вам кого назвал? — устало и неприязненно прошепел пожилой усатый.

— Каминского...

— Ну?

— Я Каминский, — улыбнулся Ян Адамович и протянул руку.

Пожилой руки не подал, вытащил из кармана листок и сказал, словно самому себе:

— Гражданин Каминский, будем производить изъятие...

— О? — удивился Ян Адамович. — Это интересно, прошу, — жест был такой, будто он приглашал дорогих гостей к столу, уже накрытому, праздничному, истомившемуся, с хрусталем, с тяжелыми блюдами, приминающими крахмальную скатерть. Юзя Юльевна уже стояла в распахнутых дверях, свежая, розовая, гостеприимно улыбаясь из-под рыжих кудряшек.

— Моя жена, — сказал Каминский, — прошу...

Все протекло в комнату, где у окна на диванчике, свернувшись калачиком, спала счастливая Жоржетта.

— Тише, тише, — распорядился шепотом пожилой, — ребенка будить не надо.

— Да ничего, не беспокойтесь, — сказала Юзя Юльевна, затем произнесла несколько слов по-французски.

— А вот этого не надо, — поморщился пожилой наподобие Ирины Семеновны, — давайте-ка по-русски.

Сильный, насмешливый аромат французских духов сопровождал беседу.

Наступила тишина. Только шелест, шуршание и шорох, да скрип пера. Да небогатый улов в виде ниточки жемчуга, да двух золотых крестиков, да двух обручальных колец, да тощей пачки помятых пятирублевков...

— А где остальное-то? — спросил пожилой без интереса.

— Это все, — улыбнулся Каминский.

— Глубоко затырил, — хмыкнул молодой.

— Ладно, без глупостей, — сказал напарник, и Каминскому: — Что ж это вы, фабрику имели, а ничего не накопили?

— Не успел, — покаялся Ян Адамович по-свойски.

— Мы не успели, — улыбнулась Юзя Юльевна.

— Так, ладно, — сказал пожилой, что-то продолжая записывать, и вдруг спросил как бы между прочим: — А Ирина Семеновна есть такая у вас?

— Соседка, — сказал Каминский.

— Ну и как вы с ней? Ладите?

— Очень даже, — сказала Юзя Юльевна недоумевая.

Он посмотрел на нее как-то так, не по-милицейски, с иным интересом. Она в ответ улыбнулась произвольно обстоятельно, откинула со лба рыжие кудряшки, но он уже снова склонился над листком.

— Ну что, — спросил молодой, — будем дальше искать?

— Ладно, пошли, — поднялся пожилой, — еще успеем, — и оттолкнул ладошкой буржуйские ценности, — извините, ежели что...

— Да что вы, не беспокойтесь, — Юзя Юльевна пошла их провожать.

И тут дверь распахнулась, и на пороге застыла Настя, так что пожилой милицейский уперся ей в грудь и поднял голову. Долговязая ее фигура загоразивала дверной проем. На лице ее, как обычно холодном и неприступном, не было ни гнева, ни даже раздражения, но милицейский слегка отшатнулся. Он попытался ее обойти, да как-то не получилось. Тогда он сказал глухо:

— Ну чего вы, гражданка?.. Ну пройти-то дайте...

Она медленно подняла руку, и эти оба как бы протекли в коридор.

Ян Адамович уселся в кресло и закрыл глаза. Губы его подрагивали. Вернулась жена. У нее было серое лицо. Она быстренько привычно накапала в рюмочку лекарства, плеснула воды.

— Силь ву пле, — и попыталась изобразить улыбку.

Он глотнул снадобье и сказал ей шепотом:

— Главное, не потерять человеческое лицо.

Покуда длилась эта легкая, по сравнению с другими, безобидная экзекуция, Мартъян, замирая, скрывался в уборной; мама курила в своей комнате папирсы одну за другой, а простоволосая Ирина Семеновна стояла над ней и бубнила, словно невменяемая, одно и то же:

— Слышь, не ходи туда... Ну, чего он? Чего тебе? Ну?..

Он в дворники пойдет, Нечкин обещал... Не ходи туда, слышь, ну их... Награбили, а теперь пусть с их и спросот...

— Да я никуда не иду, оставьте меня в покое! — сказала мама.

— Ты у нас партейная, — говорила Ирина Семеновна и касалась ладошкой мамино плеча, — а он, Мартъян-то, тихий, слышь, не вредный...

Ванванч сладко спал в другой комнате, и Акулина Ивановна в одной сорочке сидела рядом, не сводя с него глаз, и едва шевелила губами в оборочку.

Затем явно хлопнула дверь. В окнах разлилось серое, угрюмое, арбатское. Ирина Семеновна пошла на кухню. В дверях сказала маме:

— Спасибочко тебе...

Юзя Юльевна варила на кухне кофе. Едва она вошла туда, как Ирина Семеновна отскочила от плиты и исчезла. За нею потопал и Мартьян, растерев на полу самокрутку валенком. Юзя Юльевна вдруг вспомнила странный вопрос пожилого милиционера и густо покраснела, потом почему-то вспомнила, как радостно навязывала Ирине Семеновне попробовать ломтик цветной капусты и как та сказала, отводя взгляд:

— Мы етого не кушаем, на всю кувню вонь пошла...

«Идиотка», — подумала тогда Юзя Юльевна, а вот теперь, что-то сообразив, ахнула и прикрыла ладошкой рот.

Затем были обычные будни, и вся квартира опустела, и Акулина Ивановна повела Ванванча погулять. На этот раз они двинулись по Арбату, свернули в переулок, в другой, третий.

— Вот Калошин переулок, — сказал Ванванч узнавая.

Кругом громоздилась тихая Москва, и затхлым духом несло из дворов, таким родным и благородным. Ванванч был сыт, тепло одет, и няни мягкая рука вела его по хрустящим снежным комочкам. У него не было прошлого, не было будущего, а только это серое февральское утро и редкие прохожие, и самоуверенные редкие московские коняги, впряженные в грубые бывалые сани. И мне трудно, почти неосуществимо представить сейчас, в девяностом году, предметы, запечатлевшиеся в сознании Ванванча тогда, в конце двадцатых...

— Не притомилси, картошина? — спрашивает Акулина Ивановна. — Ну и ладно.

У нее напряжение на круглом лице, но Ванванч не придает этому значения: это ему непонятно, это не его компетенция.

Они идут по бульвару в чаду вороньих хриплых перебранок над головой, и тут в просветах голых переплетающихся ветвей внезапно возникает вдалеке белый холм, увенчанный крестом, и плывет колокольный звон, усиливаясь по мере приближения.

— Видишь, малышечка? Эвон храм-то какой! — говорит Акулина Ивановна. — Слава Богу, вот и добрались.

— Там Бог живет? — спрашивает Ванванч, но она не слышит, она крестится и кланяется этому храму.

— А разве Бог есть? — снова спрашивает он и вновь не устает отвечать. Однако это его не обескураживает, и они идут по направлению к храму, все ближе и ближе, и медленно восходят по широкому каменным ступеням вслед за редкими людьми, и Ванванч высоко задирает голову и всматривается в вершину храма, вонзающуюся в низкое февральское небо. Акулина Ивановна собирает в ладошке медяки, множество медяков, и у самого входа в храм начинает их раздавать старичкам и старушкам.

— На-ка вот, картошина, подай-ка милостыню бабушке, — говорит она и сует Ванванчу несколько монеток. Их много, бабушек и дедушек. Он раздает им монетки, слышит их мягкое: «Спаси Христос» и заглядывает им в глаза. У бабушек голубые маленькие глазки Акулины Ивановны, а у дедушек — зеленые тусклые Мартьяна.

Тяжелая дубовая дверь распахнута, и они входят в храм, и Ванванч запрокидывает голову, и его ослепляет желто-красное сияние, прореженное синими искрами. Затем из этого колеблющегося света возникают громадные, как бы летящие фигуры бородатых стариков, закутанных в шелковые плащи; и над ним склоняются женские лица с миндалевидными, внимательными глазами, как у мамы. Во всяком случае, он так видит. И он видит себя самого, крылатого и обнаженного, порхающего среди незнакомых пейзажей с золотой трубой в пухлых пальцах. Он слышит стройное пение, и голос няни справа вливается в этот хор. Он крепко держит ее за руку, и ему страшно затеряться в этой непонятной шуршащей и бормочущей толпе.

...Дома он говорит вечером маме, делая большие глаза:

— Мамочка, я видел Бога!..

Она ахает, и армянское «вай!» повисает в комнате. Она гладит его по головке, но рука ее твердая, жесткая, чужая.

Потом она долго объясняется с няней в другой комнате, пока Ванванч рисует белый холм с крестом на макушке...

Утром няни не было. И целый день. У мамы были заплаканные глаза. Что-то непривычное разливалось по бывшей квартире Каминских. На каждый звонок в дверь Ванванч бежал по коридору, но няни не было. Ему объяснили, что она срочно уехала к себе в деревню.

И больше он ее никогда не видел.

Галина ЕЛЫШЕВСКАЯ

История маленького человека, рассказанная им самим

Количество так называемых «наивных художников» никем не подсчитано. Да и откуда взяться точному числу, если зачастую не знает человек, что он — художник (ибо нигде не учился этому), не ждет признания, а просто живет, работает в далекой от творчества сфере и пишет на досуге картины, называя их картинками. Пишет для себя, а также для тех, кто заинтересуется. Случится вдруг среди заинтересовавшихся истинный ценитель — тогда появится у народного мастера шанс выйти из безвестности. Так и пополняются понемногу ряды тех, кого привычно, а все же слегка обидно называют «примитивами».

Живописцу Николаю Александровичу Макарову, пенсионеру и инвалиду войны, повезло с ценителем. Ленинградский литератор Семен Борисович Ласкин, увидев однажды макардовские холсты, сделал многое для того, чтобы и другие увидели их тоже. В частности, составил книгу о художнике, которая сейчас готовится к печати в издательстве «Интерпракс». Книга эта уникальна по материалу, ибо равноправным соавтором Макарова-художника в ней выступает Макаров-писатель со своим жизнеописанием — рассказом «о прожитых моих годах».

Редкая возможность для зрителя-читателя — увидеть и одновременно услышать художника, раскрывающего саму природу наивного сознания. Спокойная важность деталей на картинах, «степенность» каждого предмета утвари, словно знающего свое местоположение и назначение, — этот подход, это восприятие мира явственны и в ритме неторопливого «летописного» повествования, где объективно важное смешано с несущественными вроде бы мелочами. Но для художника-примитива нет мелочей, нет деления вещей на главные и второстепенные: жизнь описывается — словом ли, изображением — в ее эпическом строе.

Макаров — крестьянин по происхождению и по склонности; хоть и живет он сейчас подолгу в городе, летом непременно отбывает в родное село Великий Двор на Вологодчине. Крестьянская основа в его творчестве очевидна. По холстам не только можно соста-

вить этнографический свод полузабытых, а порой и вовсе утраченных деревенских реалий, но более того — почувствовать самый дух традиционного уклада. Любому наивному художнику присуще стремление к красоте творения-картины, к гармонии, понимаемой как ясность, бесконфликтность, слаженность частей и форм. Однако живопись Макарова корректируется его мемуарами, и в сравнении обнаруживается драматическая подоснова подобного творческого мироощущения.

Лейтмотив «жизнеописания» — беда, бедность. Языком, на котором могли бы говорить герои Андрея Платонова (а иногда — герои Зоценко), излагается обычная в общем-то судьба советского «маленького» человека. Деревенская нищета, полуграмотность, попытки обрести себя, став художником. Война, ранения, потом инвалидность, изнуряющие болезни. Ежечасная, унижающая и выматывающая борьба за существование, за собственное достоинство — за все. Автор не ропщет, не жалуется (то есть жалуется на плохих людей, на несправедливость, не посягая на порядок вещей, принимая его с терпением и «притерпелостью»); интонация его повествования — эпическая.

Возникает странное чувство. С одной стороны — монотонность, теснота (некая метафизическая естественность) жизни, с другой — пространственный простор пейзажа, бескрайность ржаного поля, свет и даль равнины, по которой ползет уютный, по-игрушечному «умытый» паровозик. Собственный жалкий быт — и достойная полнота крестьянских горниц на картинах, любовно выписанные тонкой кистью вещи обихода, назначение которых, пожалуй, сегодня известно уже немногим. Постоянная, напряженная война с обстоятельствами и с конкретными обидчиками — и разлитый в каждом холсте глубокий покой, отрешенность от житейского в лицах женщин, занятых вполне житейской домашней работой. Что более подлинно?

В автобиографии Макаров принимает собственный опыт как единственную данность. В искусстве он над ним возвышается — изображая не то, что есть, а то, что было прежде и быть должно.

Воспоминания

О прожитых моих годах. Война.

(Из книги «Здорованье в пожатиях руки»)

...И тут я сам про себя подумал, что все что ли убиты, я тут только один в живых остался. И тут у меня мысль в голове заходила, что мне дальше-то делать, все боеприпасы кончились, ни одного патрона, сам с садкой болнувшей лежу раненой ногой, решаю, возьму оружие и потащусь, как с палкой.

Так и пополз. А куда ползти? И в голове главная мысль, чтобы в пути не попасть в лапы немецким извергам, места незнакомые, да и вообще неправильное ориентирование, как там фронта в направлении расположены, выползешь ли к своим и когда?..

...Тут произошло неожиданное для меня. Дополз до одного места, время — вечер поздний, оглядываюсь, речка какая-то, а то и просто ручей тут подходит к крутым берегам и ущельям, а я сам себе думаю, тут можно переспать, и ночь прокоротаю. Но не решился тут остановиться, спустился к самому руслу воды этой речки, а тут имелся небольшой такой с растительностью островок, обмывающийся водой, и он с небольшой возвышенностью, как бы холмик, сухое место, но, не доходя до холмика, — обвалившиеся когда-то до берега дернины, а рядом — белый, как настланный, песочек и мелкие камешки.

Ночь была как-то особенно прекрасная, теплая, темная, а на небе такая отчетливая, милая смотрелась луна и освещала как-то все вблизи меня, да и везде, куда я решил зайти на вылюбленное мною место и где решил переночевать. Сумел я залезть под эту растительность и палкой привалить на себя траву, чтобы меня не было видно. Тут вроде бы не очень далеко от меня стало слышно шляханье по воде. Прислушиваюсь. А ночь тихая такая, нет ни гулов, ни разрывов, ни грохотов. И, прислушавшись, слышу шепотом человеческий разговор наших или немцев, пока не пойму. И вот тут я и подумал, что попал на немецких разведчиков и теперь мне все. Сделался сам, как под каким сильным электрическим током, лежу, револьвер в руке, никакого даже не делаю дыхания. Слышу, идут — и не один. Мысли в голове заходили всевозможные. И вот выходят двое солдат немецких к этому месту, откуда я было шел, остановились, еще что-то произнесли и тут же решили на отвалившуюся дернину сесть. Ударила в голову мысль, меня, думаю, выслеживают! Ну, я не свожу с них глаз. Только такая мысль в голове: я по ним выстрелю, а как не убью, а тут, может, рядом их часть, мне так или иначе смерть.

Но они сидят рядом, что будет, тому и быть.

Повел огонь, а как они находились от меня метр с небольшим, то обоих наповал.

После этого я сделался в таком состоянии, что и сам не свой. Ждал, что придут сейчас и меня прикон-

чат, а с этих, что мной убитых, тоже глаз не свожу, что их не убил, и они притворились.

И, пройдя немного времени, я вдруг почувствовал, что заснул и, как, видимо, был, так и пролежал прикованный к этой земле, и что было со мной, не знаю, ни в одну ночь такого не было.

Проснувшись, конечно, утром, я с места земли и оторваться не могу, и даже пошевелиться никак, вот кое-как еле-еле стал живой, движусь с боку на бок. Ну, теперь к этим фрицам доползаю; забрал у них оружие, автоматы — на себя, и пополз дальше. Эту речку переплыл, она была по ширине в этом месте от островка метра полтора, немного изменил направление и стал брать больше влево.

И тут стали попадаться свои части. Но и то вначале видишь, как люди перебегают из-за лафета с одной стороны на другую и там пушка или гавбица наставлена, а ты ползешь на нее и, не убедившись, берет тебя боязнь. Но когда увидишь, что свои, и это так хорошо, и укажут, куда тебе двигаться.

А дни самые летние стояли. Солнца много. Тепло. Ширь. Простор лугов и полей. В стороне видишь селения. А этого дня как-то случайно попал на колхозный огород, где было много посажено огурцов, да я с какой радостью попал тут, да и давая срывать огурцы, а они были длинные, чуть не полметра, такие огурцы я встретил впервые и начал сразу есть. Вдруг меня заметил мужчина. Да и я его метрах в двухсот, машет рукой, дает знать, иди к нему. А я опять подумал, не немец ли. Я беру несколько огурцов и иду к нему. Вот он и говорит, я здесь сторож колхозный, огород охраняю.

Я с ним недолго побыл, спросил, где наши поблизости части, он показал, вон там, и еще я решил спросить: хлеба у вас нет хоть немного. Нет, сказал.

Отдохнул я у него и пополз. Недалеко встретился с двумя нашими воинами, едущими верхом на лошадях. Я их попросил довести, выбился из сил. Они говорят, не можем, едем по заданию. Наши уже недалеко, доползешь.

И действительно. Сюда-то я и должен был попасть. Предложили оставить мне оружие, и тут один из командиров, старший лейтенант, говорит:

— Вот у селения самолет, который специально прилетел за ранеными. Иди туда.

И я поспешил при помощи палки.

Говорю, так и так, я ранен. Мне отвечают, все переполнено, взять не можем. Ну что делать?! Стою, опершись на палку, и вдруг подходит один из среднего командного состава, не обратил внимания, в каком чине военного звания, и говорит:

— Вы отсюда куда-нибудь побыстрее уходите, так как тридцать километров отсюда находятся немецкие танки и они идут со скоростью тридцать километров. И через час будут здесь.

Я как услышал, сразу мысль в голову пришла, взял из изгороди крепкий кол, вышел на дорогу асфальтную и вот, благодаря этому колу, пошел.

И все боли в раненой ноге ни в чем даже не чувствовал. Такой походкой дошел до одного места, смотрю вперед — посреди дороги лежит несгораемый шкаф, и тут несколько пачек денег около него лежат, и в нем много. Я кругом его обошел и не решился даже руками прикоснуться, пошел опять дальше и километров через пять или шесть, смотрю, машина идет с ранеными. Я поднял руку, и меня тут же взяли. Везли нас всех километров за сто пятьдесят, и, пока ехали, на нас не раз были налеты, но была не судьба нас убить.

Не знаю, у какого селенья текла ширококоньякая речушка, и не знаю названия, а через нее — деревянный мост, настланный из бревешек, без перил, и вот по нему вез нас шофер, а в кабине с шофером был сопровождающий раненых капитан, и с самой середины моста шофер с него съехал и нас в эту речку перевернул, и мы кто как выплывали из-под бортов машины, кто как головами ударялся, а из-под машины не можем выбраться, и еще немного — захлебнувшись бы водой и конец.

Но тут, благодаря людям из селения, которые бросились на помощь, машину перевернули, мы стали всплывать на поверхность.

Вытащили на берег, мы высохли и перебрались. И только нас всех уложили в машину, как капитан понес на шофера, вытащил из кобуры пистолет:

— Расстреляю! Что ты наделал?! Чуть всех не утопил!

И, может быть, пристрелил бы на самом деле, так мы заступились. И тут же шофер пояснил, что вывозит раненых с линии фронта и пришлось несколько ночей не спать, а здесь, как назло, задремалось. И я ведь с вами рядом был в этой реке, не специально же я себе смерть делал.

Усадились, улеглись — и опять в путь-дорогу поехали дальше. Наутро, часам к десяти были уже на месте, куда и были мы назначены, кого завели, а кого и занесли на носилках в это здание. Поставили тут на полу у стен и начали, кому что надо делать.

Мне стали под наркозом делать удаление осколков из мягких тканей ноги. Все было сделано, как подобало.

А на другое утро наше здание попало под бомбежку, кирпичи летели от стен. И лежащих на полу воинов тут же на глазах наших поубивало насовсем, и это было горестно видеть.

Никого в здании из медперсонала не было, все ушли в убежище. Какой это был большой город или станция, я не знаю.

Самолеты весь день не давали покоя, обстрел, бомбежки, и у нас, фронтовиков, мысль возникла, тут ничего хорошего не будет, нужно ехать глубже в тыл. Не довели нас, где должны нормально лечиться.

И я сразу тогда решил ехать к себе в Вологодскую область, так как считал, такие госпиталя и у нас там есть.

И действительно, подлечившись, я снова пошел на защиту своего родного Отечества, а затем в запасной 34-й полк.

Тут один младший лейтенант пишет лозунг. Я подошел и говорю, разрешите, давненько я с кистями дело не имел.

Он дал написать. И видя, как я делаю, пошел к командиру капитану Голубеву, и меня задержали здесь для оформления всех рот батальона.

А в тридцать четвертом полку пока нахожусь, делать все стараюсь, чтобы хорошо. А раз делаю хорошо, то ничего не подозревал на дальнейность, что будет со мной. Командир батальона давал личные мне заказы написать сухой кистью на полотне его портрет с фотокарточки, а также жены и дочери. Но более всего ему хотелось, чтобы я им писал ковры, отделки трафаретом штор, занавесок. И при всей возможности я это ему выполнял. А дочь его приезжала в эту к нам часть регулярно через определенное время, погостит у отца, покормится, пока там у кого будет не сделано, а потом это все забирает у нас у всех и увозит. Командир батальона специально держал нас таких лучших как бы мастеров — модельщика по пошиву хороших туфель, хорошего сапожника, портного по пошиву одежды, мастера поделок из дерева, модельщика-столяра хорошего, ну и меня, как художника.

Командир батальона и знать ничего не знал, а только отдавал приказ сделать как, что и из чего. Находи сам, где хочешь, и сделай, чтоб было ему по нраву. И я все, что было у матери: материю, полотно, канифас на ковры исделал, и более нет.

Но еще раз он отпускает меня на поездку к себе в село, так как сказал, может, какой краски и пошщу в разных местах по сараю или где там, да может, у матери найдется еще на ковер какого-нибудь материалу. Да в такое время войны чего найдешь в сорок втором году?

И все же привез кое-каких красок, и материи мама дала на ковер и сказала, что нет боле. Но как взялся делать этот ковер с большим опозданием и к приезду дочери ничего мною в этот раз не сделано, командир у всех все забирает, а у меня нет ничего.

И вот с пятого этажа, где он размещался, начал он порезанные портреты, что я им написал, выбрасывать, и летели они к нам, где мы отдельно от роты сделали себе уголки.

А потом через недолго сам идет, и так как, вот видите, к очередному приезду его дочери я не успел ничего сделать, то понес он меня, мол, убивайся отсюда к чертовой матери, воевать поедешь.

А я говорю: «Не страшно, товарищ капитан, тому, кто уже там побывал».

Он сейчас же позвал старшину из роты и приказывает ему снарядить и вооружить и завтра — в маршевую роту.

Из этой комнаты, где мы размещались, попросил остальных выйти — а у одного сапожника были хорошие соковые кожаные подошвы — забрал их и заготовку на сапоги хромовые.

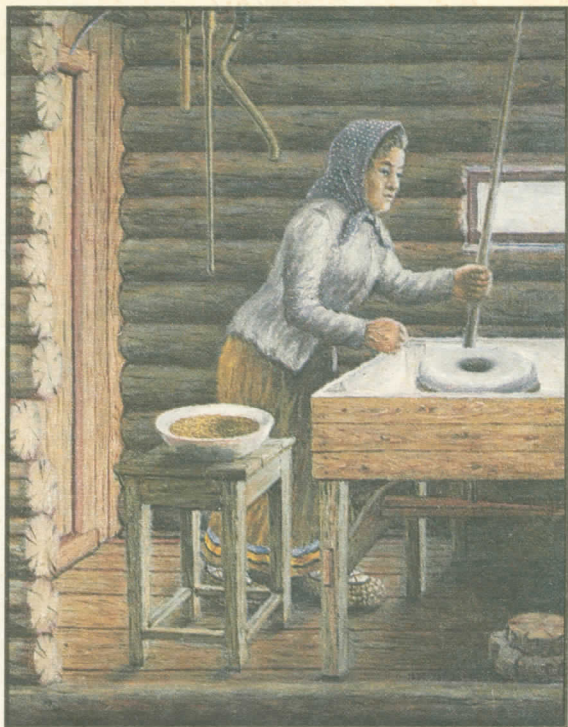
Был я поставлен в строй к отправке на фронт, а мне, признаться, не очень-то хотелось идти на бойню второй раз, но ничего не поделаешь, не один я. И вот в сорок третьем году я уже был на Западном и за свое короткое пребывание попал сразу под разрывы бомб, и меня так трянуло сильной волной, что я был без сознания, лишился слуха и речи и ничего не видел.

В прифронтовом госпитале, благодаря большой заботе и уходу за мной хороших людей специалистов медицинских работников, это было в кратчайший период излечено. Но сначала, когда в чувство пришел, задал врачам вопрос, неужели я так останусь? А когда в глазах видимость появилась, так не один показывался человек, а ряд. Звука никакого не было. А весь сам — как обернутый в толстое ватное одеяло.

Когда все стало хорошо, я вновь оказался на Западном фронте в минометном взводе...

МЕЛЬНИЦА
КРЕСТЬЯНСКАЯ РАБОТА
КУЗНИЦА

3-198

ЛЕНИН И КРЕСТЬЯНЕ

ДЕРЕВЕНСКАЯ БАНЯ

ИНДЕКС 73746